

АСОЛАТИ МИЛЛӢ ДАР
ФАРҲАНГИ ТОҶИКОН

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В ТАДЖИКСКОЙ КУЛЬТУРЕ

**АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ ИЛМҲОИ ТОҶИКИСТОН
ИНСТИТУТИ ТАЪРИХ, БОСТОНШИНОСИ ВА МАРДУМШИНОСИИ
БА НОМИ А. ДОНИШ
НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. А.ДОНИША**

**ДАР ҲАМКОРӢ БО САФОРАТИ ФЕДЕРАТСИЯИ РОССИЯ ДАР ҶУМҲУРИИ
ТОҶИКИСТОН
НАМОЯНДАГИИ РОССОТРУДНИЧЕСТВО ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН**

**ПРИ СОДЕЙСТВИИ ПОСОЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ
ТАДЖИКИСТАН,
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА РОССОТРУДНИЧЕСТВА
В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН**

АСОЛАТИ МИЛӢ ДАР ФАРҲАНГИ ТОҶИКОН

**Маводи Конференсияи байналмилалӣи илмӣ-назариявӣ
ба ифтихори 150-солагии олимони шинохта
Александр Александрович Семенов ва Михаил Степанович Андреев
Душанбе, 24 ноябри соли 2023**

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ТАДЖИКСКОЙ КУЛЬТУРЕ

**Материалы Международной научно-теоретической конференции,
посвященной 150-летию со дня рождения выдающихся исследователей
Александра Александровича Семенова и Михаила Степановича
Андреева Душанбе, 24 ноября 2023 года**

ДУШАНБЕ-2024

ББК:66.3+71(2точик)

А-85

Зери назари/ Под общей редакцией
профессор Н.К.Убайдулло
Муҳарир-мураттиб/ Редактор-составитель
д.и.т. Лариса Додхудоева
Муҳаррири техникӣ / Технический редактор
Шухратчон Козизода
Ороишгар/Дизайнер
Меҳроҷ Шоев

Асолати миллӣ дар фарҳанги тоҷикон. Маводи Конференсияи байналмилалӣ илмӣ-назариявӣ ба ифтихори 150-солагии олимони шинохта Александр Александрович Семенов ва Михаил Степанович Андреев (Душанбе, 24 ноябри соли 2023). Душанбе: Дониш, 2024. — 182 с.

Национальная идентичность в таджикской культуре. Материалы Международной научно-теоретической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения выдающихся исследователей Александра Александровича Семенова и Михаила Степановича Андреева (Душанбе, 24 ноября 2023 года). Душанбе: Дониш, 2024. — 182 с.

ISBN 978-99985-0-458-5

МУНДАРИЧА / СОДЕРЖАНИЕ

Насрулло Убайдулло <i>Пеишугфтор/ Предисловие</i>	6
Муродали Иброхимов. <i>Ученые-созидатели: к 150-летию выдающихся историков-таджиковедов А. А. Семенова и М. С. Андреева</i>	9
Усто Чахонов. <i>Саҳми Михаил Степанович Андреев дар ташаккули маорифи халқи Ҷумҳурии Тоҷикистон</i>	12
Татьяна Загородникова. <i>Индийский период жизни Михаила Степановича Андреева</i>	19
Лейла Додыхудоева. <i>К вопросу о полевой работе и ценности ее материалов: на примере данных М.С. Андреева и А.А. Семенова о проведении праздника навруз, укладе жизни горных сообществ и детях в составе семьи</i>	31
Гафур Шерматов. <i>«Шейх Туркестана». Кто он, организатор и первый директор Института истории Таджикистана?</i>	44
Бахринисо Кабилова. <i>Роль Нусратулло Махсума в возрождении национально - культурной идентичности таджиков</i>	50
Гафур Шерматов. <i>Таджикистан открыл его сердце</i>	55
Нигора Эркаева, Сафар Эркаев. <i>Вопросы национальной идентичности таджиков в трудах А.А.Семенова и М.С.Андреева</i>	64
Лола Додхудоева. <i>А.А. Семенов и проблемы истории эпохи предмодерна</i>	68
Ольга Ладыгина. <i>Отражение национальной специфики в культуре питания</i>	76
Фереште Машҳадӣ Рафӣ, Мавзуна Шакарбекова <i>А. А. Семёнов ва таҳқиқи ақоиди мазҳабии тоҷикони Бадахшон</i>	83
Лариса Додхудоева. <i>Ключевые модели национальной идентичности таджикской этно-</i>	

<i>культуры, сформированные А.А.Семеновым и М.С. Андреевым.....</i>	87
Парвина Абдулхамидова.	
<i>Труд М. С. Андреева «Таджики долины Хуф» как источник лингвистического материала языков Таджикистана.....</i>	104
Нигора Джураева.	
<i>Михаил Степанович Андреев - основоположник таджикской этнографии.....</i>	110
Наргис Ходжаева.	
<i>Этнические традиции похоронно-поминальной обрядности таджиков (по материалам М. С. Андреева).....</i>	117
Зинатмо Юсуфбекова, Мумина Шовалиева.	
<i>Освещение различных отраслей этнографической науки в трудах А.А.Семенова И М.С.Андреева.....</i>	124
Шахноза Сайфуллоева, Ганджина Каримова.	
<i>Вопросы истории и культуры таджикского народа в трудах академика А. А. Семенова.....</i>	131
Сафар Эркаев.	
<i>Мировоззренческие принципы научной деятельности А.А. Семенова и М.С. Андреева.....</i>	136
Силемоншо Гуломшоев.	
<i>Академик Александр Семёнов – китобдор ва китобишинос.....</i>	140
Бека Ёғибекова.	
<i>Нақши А. А. Семёнов дар инкишофи илми мардумшиносӣ ва тарбияи кадрҳои илмӣ-педагогии тоҷикистон.....</i>	153
Рустам Мукимов, Салия Мамаджанова	
<i>Вклад М.С. Андреева в изучение архитектуры средневекового жилища на территории Таджикистана.....</i>	159
Лариса Додхудоева.	
<i>Долина Хуф в зарисовках художницы Галины Степан.....</i>	168
Табарова Мухаббат	
<i>Комплектование фондов личного происхождения ученых архива Национальной академии наук и госархивов Таджикистана.....</i>	174

Убайдулло Насрулло Каримзода
Директори Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи А. Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон

ПЕШГУФТОР

Конференсияи байналмилалӣ илмӣ-назариявӣ «Асолати милли дар фарҳанги тоҷикон», ба ифтихори 150-солагии зодрузи муҳаққиқони шинохта А. А. Семёнов ва М.С. Андреев бо ташаббуси Шуъбаи этнология ва антропологияи таърихӣ Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон бо мусоидати Сафорати Федератсияи Россия ва Намояндагии Россотрудничества дар Ҷумҳурии Тоҷикистон 24 ноябри соли 2023 баргузор гардид. Ин ҳамоиши илмӣ дар бинои Маркази илм ва фарҳанги Федератсияи Россия дар шаҳри Душанбе бо иштироки шумораи зиёди мутахассисону шунавандагон барпо гардида буд.

Конференсия бо сухани ифтитоҳӣ директори Маркази илм ва фарҳанги Федератсияи Россия дар шаҳри Душанбе И. С. Иванов ифтитоҳ ёфта, бахшҳои илмӣ онро сарвари ин марказ ва ҷонишини директор оид ба корҳои илмӣ таълимии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониша АМИТ д.и.т. М.Ф.Иброҳимов роҳнамоӣ намуданд.

Олимони шинохта ва дар арсаи байналмилалӣ эътироф гардида - Александр Александрович Семёнов ва Михаил Степанович Андреев фаъолияти худро дар Осиёи Миёна охири асри XIX оғоз намуда, дар рушди илми таъриху шарқшиносии рус ва баъдан шуравӣ, ташаккули низоми таҳсилоти олӣ дар минтақа, рушди дипломатияи рус ва шуравӣ дар Шарқи Наздик ва Осиёи Ҷанубӣ саҳми бориз гузоштанд.

Аммо нақши ин ду олими шинохта дар рушди илмӣ ватанӣ новобаста аз мавҷудияти шумораи зиёди рисолаву мақолаҳои илмӣ доир ба фаъолиятшон то имрӯз пурра ва ба шакли комил баҳогузорӣ нашудаанд. Мероси илмӣ ин ду олими шинохта, ки як теъдоди муайяни онҳо дар давраи фаъолияти эшон ба ҷоп нарасидаанд, ниҳоят зиёд мебошад. Рисолаву мақолаҳои илмӣ онҳо имрӯз низ барои илми таърихшиносии тоҷику рус арзиши баланди илмӣ худро нигоҳ доштаанд. Як қатор асарҳои А. Семёнов ва М. Андреев ба таърихи муносибатҳои Осиёи Миёна ва Россияи замонаҳои гузашта, аз ҷумла Руси москвӣ, империяи шоҳии Россия, муносибатҳои байналхалқӣ ин империя бо як қатор мамлакатҳои Шарқ, этнографияи халқҳои ин минтақа, топонимикаи он бахшида шудаанд.

Иштирокдорони конференсия мазкур тавассути таҳқиқоту гузоришҳои илмӣ худ тавонистанд натиҷаҳои зиёди пажӯҳиши ин ду олим, аз ҷумла маълумоти тоза доир ба асарҳои онҳоро ба гардиши илмӣ бароранд. Шумораи зиёди маъруза ва гузоришҳо ба инъикоси паҳлуҳои гуногуни

фаъолияти А. А. Семёнов ва М. Андреева дар ташаккул ва рушди илм, ба роҳ мондани корҳои илмӣ-таҳқиқотӣ дар Тоҷикистон, пешрафти маорифи халқ ва ҳаёти ҷамъиятӣ, ташаккули дипломатия равона шудаанд. Махсусан, маърузаҳои илмӣ ба инъикоси нақши ин олимони дар самти илмҳои ба онҳо хос набуда, ба мисли паҷуҳишҳои этнографияю антропологии А.А. Семенов ва археологии М.С. Андреев бештар мавриди таваҷҷуҳ қарор гирифтанд.

Ба назари мо Конференсияи байналмилалӣ илмӣ-назариявӣ “Асолати миллӣ дар фарҳанги тоҷикон”, ба ифтихори 150-солагии олимони шинохта Александр Александрович Семенов ва Михаил Степанович Андреев бори дигар аз муҳимият ва арзишмандии омӯзиши мероси ин олимони шинохта ва ба гардиши илми муосир баровардани он шаҳодат медиҳад.

Ба барномаи конференсия гузоришҳои илмӣ муаллифон аз шаҳрҳои гуногун, аз ҷумла Душанбе, Хучанд, Москва, Бишкек, Техрон ва Мичиган шомил гардиданд. Дар ин ҳамоиши байналмилалӣ ба ғайр аз олимони тоҷик, аз ҷумла муҳаққиқони Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи А.Дониши АМИТ, инчунин мутахассисон аз Институти шарқшиносӣ АИ Россия, Донишгоҳи славянии Россияю Тоҷикистон, Донишкадаи давлатии санъати тасвирӣ ва дизайни Тоҷикистон, Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи Б. Ғафуров, Донишгоҳи давлатии Кӯлоб ба номи А. Рӯдакӣ ва дигар қоршиносон иштирок намуданд.

Мавзӯҳои ҳамоиши илмӣ вобаста ба самт ва мазмун васеъ ва гуногунҷабҳа буданд. Сухангӯён бештар ба мавзӯҳои ташаккули асолати миллии тоҷикон дар раванди иҷтимоӣ - фалсафавӣ, принципҳои идеологии фаъолияти илмӣ А.А. Семёнов ва М. С. Андреев, инъикоси вижагӣҳои миллӣ дар фарҳанги тоҷикӣ, моделҳои асосии асолати миллӣ дар этнофарҳанги тоҷикон, саҳми ҷеҳраҳои дар эҳёи ҳувияти фарҳангии миллии тоҷикон ва амсоли ин таваҷҷуҳ намуданд.

Аз рӯи анъана, бахши бештари маърузаҳо бевосита ба инъикос ва таҳлили саҳми А. А. Семёнов ва М. С. Андреев дар рушди маорифи Тоҷикистон, омӯзиши маъхазҳои ҳаттӣ, таърих ва фарҳанги халқи тоҷик, омӯзиши забонҳои қадима, пеш аз ҳама забонҳои яғнобӣ ва бадахшонӣ, этнография, санъати меъморӣ, инчунин аҳаммияти ҳазинаҳои ҷамъовардаи ин ду олим, дастхатҳо ва осори ҳаттии нодир бахшида шудааст. Инчунин дар рафти ҳамоиш доир ба пайдо намудани қабри А.А. Семёнов ва М. С. Андреев дар Душанбе, тадбирҳои қабулшуда барои барқарорсозии онҳо ба самъи ширкатдорон расонида шуд.

Мубоҳисаҳо дар рафти баргузории ин ҳамоиши илмӣ пурҷушу хурӯш ва озод сурат гирифтанд ва ин ба иштирокдорон имкон дод, ки дар атрофи як қатор масъалаҳои муҳими илмӣ марбут ба худшиносӣ миллӣ дар этнофарҳанги тоҷикон, инчунин дастовардҳои илмӣ А. А. Семёнов ва М. С. Андреев дар соҳаҳои гуногуни илм ошкоро мубодилаи афкор ва муҳокимаронӣ намоянд.

Убайдулло Насрулло Каримзода
Директор Института истории, археологии и этнографии имени
Ахмада Дониша Национальной академии наук Таджикистана

ПРЕДИСЛОВИЕ

Международная научно-теоретическая конференция «Национальная идентичность в таджикской культуре», посвященная 150-летию со дня рождения выдающихся исследователей А.А. Семенова и М. С. Андреева, была проведена Отделом этнологии и исторической антропологии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана при содействии Посольства Российской Федерации и Представительства Россотрудничества в Республике Таджикистан 24 ноября 2023г.

Конференция проходила в здании Россотрудничества в Республике Таджикистан (Центр науки и культуры Российской Федерации). С приветственным словом выступил его директор И.С. Иванов. Модераторами научной сессии являлись директор центра науки и культуры Российской Федерации И.С. Иванов и заместитель директора по научной части Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана проф. М.Ф.Иброхимов.

Александр Александрович Семенов и Михаил Степанович Андреев, начав свою деятельность в Средней Азии в конце XIX века, внесли огромный вклад в развитие русской, а затем советской исторической и востоковедческой науки, высшего образования, русской и советской дипломатии в странах Среднего Востока и Южной Азии.

Однако их вклад в отечественную науку до настоящего времени не до конца оценен: оба ученых оставили немало научных работ, так и не увидевших свет при их жизни. Многие из них представляют большой интерес и для современной таджикской и российской исторической науки. Особую ценность представляет ряд трудов А.А. Семенова и М.М. Андреева, посвященные истории среднеазиатско - российских связей в период Московской Руси и Российской империи, а также международным связям России с рядом стран Востока, этнографии народов региона, топонимики.

Участниками настоящей конференции проведена значительная исследовательская работа по введению в научный оборот многих из работ названных ученых, изучению самых разных аспектов научного вклада А.А.Семенова и М.С. Андреева.

Значительная часть представленных докладов была посвящена деятельности ученых, как в сфере науки, так и в области народного образования, дипломатии, общественной жизни.

Несомненный интерес представляют доклады о вкладе ученых в «нетипичные» для них направления исторической науки – А.А. Семенова в этнографию, антропологию, и М.С.Андреева - в археологию.

По нашему мнению, Международная научно-теоретическая конференция «Национальная идентичность в таджикской культуре», посвященная 150-летию со дня рождения выдающихся исследователей Александра Александровича Семенова и Михаила Степановича Андреева, еще раз продемонстрировала важность исследования творческого наследия этих ученых и необходимость скорейшего ввода его в оборот современной науки.

В программу конференции вошли доклады авторов из Душанбе, Худжанда, Москвы, Бишкека, Тегерана, Мичигана. Основными докладчиками на конференции выступили таджикские ученые. В работе конференции помимо представителей таких структур, как Институт истории, археологии и этнографии им А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, Институт востоковедения Российской академии наук, Российско-таджикский (Славянский) университет, Государственный институт изобразительного искусства и дизайна Таджикистана, приняли участие преподаватели Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова и Кулябского государственного университета.

Тематика научной сессии была обширной и разнообразной. Выступающими была представлена такая проблематика, как становление национальной идентичности таджиков в социально-философском дискурсе, мировоззренческие принципы научной деятельности А.А. Семенова и М.С. Андреева, отражение национальной специфики в культуре питания, ключевые модели национальной идентичности в таджикской этнокультуре, вклад отдельных руководителей республики, например Н. Махсума в возрождение национальной культурной идентичности таджиков и др.

Традиционно большая часть докладов касалась вклада А.А. Семенова и М.С. Андреева в образование Таджикистана в изучение письменных источников, истории и культуры таджикского народа, лингвистики памирских языков, этнографии, архитектуры, а также значимости собранных ими коллекций артефактов, манускриптов и книг. Также было заслушано сообщение о нахождении могил А.А. Семенова и М.С. Андреева на русском кладбище в г. Душанбе.

Дискуссии проходили живо, в свободной форме, что позволило участникам конференции, обменяться мнениями и обсудить ряд важных научных проблем, касающихся национальной идентичности в таджикской этнокультуре, а также научные достижения А.А. Семенова и М.С. Андреева в различных сферах науки.

*Муродали Иброхимов
Душанбе*

**УЧЕННЫЕ-СОЗИДАТЕЛИ: К 150-ЛЕТИЮ ВЫДАЮЩИХСЯ
ИСТОРИКОВ-ТАДЖИКОВЕДОВ А. А. СЕМЕНОВА И
М. С. АНДРЕЕВА**

Сегодня в Таджикистане важным направлением отечественной науки является этнография. Уже сложилась национальная этнографическая школа, которая успешно развивается, пополняется новыми научными кадрами, в её развитии отмечаются неоспоримые достижения.

Вместе с тем, есть необходимость обратиться к истории этой школы, вспомнить, кто стоял у истоков ее сложения. Тем более, что существуют памятные даты. В этом году исполняется 150 лет со дня рождения выдающихся русских и советских историков-востоковедов и, прежде всего, этнографов Александра Александровича Семенова и Михаила Степановича Андреева.

Сфера исследований уроженца Тамбовской губернии Российской империи, доктора исторических наук, профессора, академика АН Таджикистана, первого директора республиканского Института истории Александра Александровича Семенова (1873 - 1958), была весьма широкой. Список его трудов огромный (более 200 произведений), и в нем можно встретить труды по истории, археологии, филологии, теологии, архитектуре, эпиграфике, есть переводы старинной художественной и научной литературы, описания персидских и таджикских рукописей и др. В частности, его интересовали такие вопросы, как происхождение династии Саманидов, история Хорезмшахов, Шайбанидов, Бухарского эмирата, научное и художественное творчество выдающегося средневекового поэта и ученого-энциклопедиста Абуали ибн Сино, им выполнены переводы с персидского “Мукимханской истории”, “Убайдулла-наме”, “Дневник похода в Индию Тимура” и др.

Особое внимание А. А. Семеновым уделялось вопросам по этнографии таджиков. Заметную роль при этом сыграло его участие еще студентом Лазаревского института восточных языков во второй среднеазиатской экспедиции А. А. Бобринского и Н. В. Богоявленского, состоявшегося в 1898 г. Работа экспедиции проходила в горах Зеравшана, долине Каратегина, Дарвазе и в части равнинной Бухары вдоль границы с Афганистаном. Перед А. А. Семеновым была поставлена задача изучения языка и фольклора местного населения, однако сфера интересов молодого исследователя была гораздо шире. По результатам этой поездки А. А. Семенов опубликовал несколько статей и очерков. Особую ценность представляют его “Этнографические очерки Зерафшанских гор, Каратегина и Дарваза”, а также “Материалы для изучения наречий горных таджиков Центральной Азии”, за

которые он удостоился золотой медали Российского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии” [2, 126-132].

Нельзя также не отметить административно-организаторские заслуги А. А. Семенова. В качестве первого директора Института истории АН Таджикской ССР (с 1954 г.) он заложил устойчивую основу для его дальнейшего становления и развития, организовал многочисленные археологические и этнографические экспедиции, добился заметных достижений в области подготовки научных кадров, привлечения к научной деятельности способной молодежи.

Другой русский и советский исследователь, который записал свое имя золотыми буквами в историю этнографической науки Таджикистана – выдающийся востоковед, ученый-археолог, этнограф и лингвист Михаил Степанович Андреев (1873 – 1948). Он неоднократно посещал с исследовательскими целями Памиры, в течение четырех десятилетий (начиная с 1901 г.) собирал материалы по этнографии жителей Каратегина, Дарваза, районов Западного Памира вплоть до Ишкашима и Вахана. Трижды он побывал в долине Хуф, в 1907 г. как путешественник, в 1929 и 1943 гг. как исследователь, организатор и участник этнографических экспедиций [1, 8-10].

В 1953 г. был издан первый выпуск фундаментальной монографии М. С. Андреева “Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи)», а в 1958 г. – второй выпуск этой работы с примечаниями и дополнениями его супруги А. К. Писарчик [4].

Стоит также упомянуть собранные и опубликованные им материалы по этнографии жителей Ягноба и Горной Матчи, Язгулема, Вахана и Ишкашима, Касана и Ташкента, Самарканда и, в целом, таджиков. Особенность его научной деятельности – сбор и точная фиксация фактического материала, а не анализ и обобщение. Себя он называл «изготовителем кирпичей», а строительство «здания» из этих кирпичей считал задачей других строителей, т.е. других ученых. Это означает, что он очень ценил время, которое предпочитал тратить на полевые исследования [3, 130].

В 1947 г. М. С. Андреевым основаны Кабинет этнографии (ныне отдел) и Музей этнографии и археологии при Таджикистанском филиале Академии наук СССР. Указанный музей при Институте истории, археологии и этнографии имени А. Дониша функционирует и сегодня, теперь называется Этнографический музей Таджикистана, причем с 1949 г. он носит имя этого выдающегося ученого.

Большое значение М. С. Андреев придавал подготовке научных кадров. К числу его учеников можно причислить многих, кто затем стали известными учеными - Е. М. Пещерева, А. К. Писарчик, О. Д. Чехович, О. А. Сухарева, А. М. Беленицкий, А. Л. Троицкая, Н. Н. Ершов и др.

Нужно отметить, что не все известные ученые, мягко говоря, приветствовали деятельность А. А. Семенова и М. С. Андреева. Так, можно вспомнить о статье профессора МГУ и основателя Хорезмийской

археологической школы С. Толстова под названием “Не исказить историю народов Средней Азии”, в которой материалы брошюры А. А. Семенова “Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии”, изданной в 1945 г. были названы антинаучными, а сам ученый, а также Таджикский филиал АН СССР, где он работал, – придерживающиеся “расистской “арийской” концепции исторического процесса”. Можно только представить насколько это было опасным обвинением, прозвучавшим в год Победы в ВОВ.

Говоря о памятных датах, отметим, что сегодня можно отмечать не только юбилеи рождения этих ученых. Есть и другие памятные даты, связанные с их именами. В этом году со времени написания Александром Александровичем Семеновым “Этнографических очерков Зерафшанских гор, Каратегина и Дарваза” прошло ровно сто лет, т.е. целый век, а первый выпуск монографии “Таджики долины Хуф» Михаила Степановича Андреева был издан ровно семьдесят лет тому назад. Как видим, прошли многие десятилетия, но эти их труды продолжают оставаться настольными книгами для каждого таджикского исследователя, кто соприкасается с этнографией таджиков, да и в целом для каждого, кто работает в направлении истории и истории культуры этого народа. Завершая, можно констатировать, что указанным ученым удалось записать свое имя золотыми буквами в историю исторической науки Таджикистана.

Литература:

1. Андреев, М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). - Сталинабад: Ин-тут истории, археологии и этнографии, АН Тадж. ССР, 1953. - Вып. 1. - С. 8 - 10.
2. Дмитриев, С. В. Граф А. А. Бобринской, Н. В. Богдавленский, А. А. Семенов и их путешествия на Памир на рубеже XIX - XX вв.: научные результаты и коллекции / С. В. Дмитриев, Д. Н. Худоназаров // Таджики: история, культура, общество. - СПб.: МАЭ РАН, 2014. - С. 119-145.
3. Михаил Степанович Андреев и его путешествие из Индии в Туркестан в 1907 г. // Страны и народы Востока. – Вып. 26. – М.: Наука, 1989. – С. 128-146.
4. Писарчик, А. К. Примечания и дополнения А.К. Писарчик к монографии М. С. Андреева “Таджики долины Хуф” // Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). - Вып. 2. Сталинабад, 1958. - С. 277-486.

САҲМИ МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ АНДРЕЕВ ДАР ТАШАККУЛИ МАОРИФИ ХАЛҚИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Дониши баланди илмӣ - омӯзгорӣ ва методӣ, қобилияти роҳбарии ташкилотчиғии М.С.Андреевро ба назар гирифта, дар назди факултети шарқшиносии Донишгоҳ (САГУ) кафедраи этнография ва антропология таъсис дода шуда, соли 1926 ӯро **аввалин профессори кафедра** интихоб намуданд. Фаъолияти илмӣ - омӯзгорӣ ва ҷамъиятии худро М.С.Андреев то охири умри хеш идома дод. Солҳои охири ҳаёташ дар Донишгоҳи давлатии Тоҷикистон¹ ба номи В.И.Ленин (ҳоло Донишгоҳи милли) аз фанни забони форсӣ ба донишҷӯён дарс меод. [6] Хизмати М.С.Андреев дар ташкили муассисаҳои илмӣ - омӯзгории Тоҷикистон, осорхонаҳо, кабинетҳо, кафедраҳо, экскурсияҳо, экспедитсияҳои таълимии этнографӣ хеле назаррас мебошад.

М.С.Андреев дар кучое, ки қору фаъолият набарад, ҳар як дақиқа ҳаёти худро барои омӯзишу тадқиқи таърих, этнография, суҳаншиносӣ, антропология ва археология, ономастика, метрология, маданияти модӣ ва маънавии тоҷикон, тайёр намудани кадрҳои баландхатисоси илмӣ — омӯзгорӣ, давлатию ҷамъиятӣ бахшида буд.

Мақтаби илмӣ - омӯзгории М.С.Андреев - мақтаби дақиққорию

*М.С.Андреев ва соқини шаҳри Уротеппа
(Истаравшан)*

бунёдкорӣ, созанда-
гию эҷодкори, беҳта-
рину намунави ва
инқилобӣ буда, вай аз
тарафи бузургони
илму адаб борҳо
эътироф карда шу-
дааст. Барои он ки ба
ҳаёти ботинию зоҳи-
рии халқ ворид шавад
ва аз дониши ӯ баҳра
барад, бо тоҷикӣ ҳарф
мезад, гӯш мекард,
менашифт, меҳонд, аз

осори классикони тоҷик шеърӯ суруд меҳонд ва пандӯ ҳикмат меғуфт. ӯ рафиқ, бародар, дӯст, падархон ва устои меҳрубонӯ ғамхори ҷавонони тоҷикон буд.

¹ М.С.Андреев аз соли 1947 дар Душанбе қору истиқомат мекард.

Михаил Степанович Андреев нафақат асосгузори мактаби этнографии тоҷик ва тадқиқотчи бузурги илми суҳаншиносӣ мебошад, инчунин яке аз поягузoron ва ташкилотчи маорифи Ҷумҳурии Тоҷикистон ба шумор меравад.

Маълумот ибтидоиро Михаил Степанович дар гимназияи мардонаи шаҳри Тошканд гирифта, ханӯз дар солҳои талабагиаш барои омӯзиши забонҳои халқҳои маҳаллӣ: тоҷикию ўзбекӣ шавқу ҳавас пайдо карда буд. Вале дар он вақт барои омӯзиши забонҳои халқҳои маҳаллӣ на ягон омӯзгор будо на ягон хел дастури таълимӣ.

Шавқу ҳавас ва кӯшишу ғайрати Михаили ҷавон ўро маҷбур кард, ки гимназияро тарк намуда, ба Семинари омӯзгори Туркистон дохил шавад. Вай дар Осиёи Миёна ягона таълимгоҳе буд, ки забонҳои форсию тоҷикӣ, ўзбекӣ ва ахборот гирифта истодааст (1925 арабӣ таълим дода мешуд. [3, д.168, в.1].

Семинари омӯзгорӣ дар тӯли чор сол барои мактабҳои русӣ ва русӣ-туземӣ (маҳаллӣ) омӯзгоронро тайёр мекард. Дар таълимгоҳ ба омӯзиши забонҳои халқҳои маҳаллӣ эътибори ҷиддӣ дода мешуд. Генерал - губернатори Туркистон Розенбах таъкид карда буд, ки «... бе донишмандони забонҳои форсӣ (тоҷикӣ) ва сортӣ ягон муваффақияти омӯзгори забони, русиро дар мактабҳои русӣ — туземӣ намебинем». [11, д.168, в.2-3]

Дар давраи роҳбарии омӯзгории Владимир Петрович Наливкин (с.с.1883-1890) Семинария дар омӯзиши забонҳои тоҷикию ўзбекӣ ба маркази илмӣ- таълимӣ табдил ёфта буд. Вақте ки В.П.Наливкинро соли 1890 аз таълимгоҳ гирифта инспектори (нозири) мактабҳои мусулмони Туркистон таъин намуданд, ба ҷойи ӯ Г.А.Митрополский директори семинария таъин шуд, ки вай аз қори таълиму тарбия дур буд. Қори таълиму тарбия ба ҳоли худ гузошта шуда буд. Хонандагон ҳеч қор намекарданд. Ба ҳаргуна бозихо машғул шуда, вақтро мегузaronиданд.

М.С.Андреев ба ин вазъияти бад нигоҳ накарда мустақилона забонҳои маҳаллиро меомӯхт. Бо гуфти ҳамзамонон М.С.Андреев луғатномаи В.П.Наливкинро - «Русско-персидский словарь»-ро аз ёд намуда буд. [8]

Дар омӯзишу сайқал додани забони тоҷикӣ ба М.С.Андреев Владимир Петрович Наливкин, омӯзгорони семинария Абду Сатторихон Абдуғафоров, Сералӣ Лапин, муллобачаи мадрасаи Эшонқули Додхо Мирзо Солех, Қозӣ Шариф Хӯча, мудариси мадрасаи Эшонқули Додхо Убайдулло Махсум [2,303], эроншиносӣ машхур Н.Г. Залеман нақши қалон бозиданд.

Михаил Степанович ба дониши дар семинарияи омӯзгорӣ гирифтааш қонеъ нашуда, дар як вақт ба мадрасаи Эшонқули Додхо дохил шуда, дар он ҷо ба муҳити ботинию зоҳирии халқҳои маҳаллӣ шинос шуда, тарзи одобу муошират, хондан, навиштан, талаффузи овозҳо, рангорангии шеваҳои забони тоҷикиро меомӯхт. Дар вақти таътил ба Бухоро, Самарқанд, Қаротегину (Рахшу) Дарвоз, Помир, Яғноб, Мастҷоҳу Фалғар, Ўротеппаю Хучанд, водии Фарғона сафар карда, шеваҳои маҳаллӣ, эҷодиёти даҳонии

халқ, ривояту афсонаҳо, чистону мақолҳо, зарбулмасалҳо, ёдгориҳои таърихию археологиро ба қайд мегирифт.

Михаил Степанович Андреев Инқилоби Октябрро дар шаҳри Хучанд пешвоз гирифт. Ӯ дар ин вақт вазифаи нозири маорифи уезди Хучандро дар ӯҳда дошт. Михаил Степанович бе ягон дудилагӣ Ҳокимияти Шӯравиро пазируфта, барои азнавсозии маориф ва маданият кӯшиш намуд. Охири соли 1917 дар мамлакат Иттиҳодияҳои иттифоқи омӯзгорон ташкил ёфта буд, ки омӯзгори уезди Хучанд М.С.Андреевро раиси хеш интихоб намуда буданд [1, 81]. Ба Иттиҳодия нафақат омӯзгорон, инчунин директорону назирони таълимгоҳҳо низ шомил шуданд, ки онҳо ба вайронкориҳо дар соҳаи таълиму тарбия ва тақсмоти маблағҳо роҳ медоданд. Дар натиҷа, дар Анҷумани 1-уми омӯзгори умумироссиягӣ аввали моҳи июни соли 1918 дар шаҳри Москва чунин далелҳоро шунида, онро муҳокима намуд. Декабри ҳамон сол бо қарори ВЦИК (Комитети иҷроияи Марказии Умумироссиягӣ) ин Иттифок пароканда карда шуд.

Дар асоси Фармони Шӯрои Комиссарони халқи Туркистон аз 29 март соли 1918 дар вилоятҳо, уездҳо, волостҳо Шӯроҳои маорифи халқӣ ташкил карда шуданд. Дар асоси фармони мазкур 26 апрели соли 1918 маҷлиси намояндагони табақаҳои халқи Хучанд барпо гашт, ки дар он Шӯрои маорифи халқи уезди Хучандро иборат аз 10 нафар, 3 нафар аз Шӯрои депутатҳои коргарон, аскарон ва мусулмонон, 4 нафар аз созмони омӯзгорон, 2 нафар аз комитетҳои падару модарон ва як нафар роҳбар интихоб намуданд. 11 майи соли 1918 Шӯрои коргарон, аскарон ва мусулмонони уезди Хучанд, ин ҳайати Шӯрои маорифи халқиро тасдиқ намуд. Аввалин комиссари (нозири) маорифи халқи уезди Хучанд, минбаъд шарқшиноси барҷаста, аъзо-муҳбири АФ СССР Михаил Степанович Андреев таъин гардид, ки ӯ дар ташаккул ва инкишофи маорифи Ҷумҳурии Тоҷикистон ному нишони нек гузошт.

Зери роҳбарии ӯ мактабҳои типӣ пештараи русӣ, мактабҳои русӣ - туземӣ, мактабҳои чадиӣ, мактабҳои динӣ ва вазифаю унвонҳои пештара барҳам дода шуда, дар заминаи онҳо мактабҳои типӣ ягонаи Шӯравии умумимаълумотии ду дараҷагӣ (дусола ва чорсола) ташкил карда шуданд.

Қарори Туркцик (Комитети иҷроияи Марказии Туркистон) манзилу лавозимотҳои таълимии мактабҳои пештара, меҳмонхонаҳои бойҳо, савдогарон, судхурон мусодира карда шуда, дар он ҷойҳо аввалин мактабҳои нави Шӯравиро ташкил мекарданд. Масалан, дар шаҳри Хучанд қисми хонаи Ҳочӣ Юсуф, Мирзобаходур Оқсақол, Пӯлот бойбача, Раҳимбой атолла (ҳозира ҷойи касалхонаи бачагона), Қозӣ Саидмаҳмад (дар маҳаллаи Қӯшҳавз), хонаи Саидамин (дар маҳаллаи Сангбӯрон), дар шаҳри Ӯротеппа (Истаравшан) дар маҳаллаҳои Тал, масҷиди Сафед, Дарвозаи Боло, Туркон, барои калонсолон дар ҷойхонаю клубҳо мактабу курсҳои маҳвӣ — бесаводӣ кушода шуда буданд. Чунин мактабҳо дар дигар шаҳру ноҳияҳои

Тоҷикистони Шимолӣ кушода шуданд. Мақтабҳои типӣ нава фақат дар шаҳри Хучанд дар соли 1918 ба 13 то расида буд [7, 52].

Дар солҳои аввали Ҳокимияти Шӯравӣ дар қатори мақтабҳои умумимаълумотӣ, мақтабҳои типӣ нава ба номи **Коммунаҳои меҳнатӣ** ҷорисола таъсис дода шуданд, ки вай дар Хучанд дар заминаи мақтаби русӣ - туземӣ ташкил карда шуда буд. Дар коммунаҳо хонандагон, ғайр аз маълумоти миёнаи нопурра корҳои хоҷагии қишлоқ: обҷакорӣ, зироаткорӣ, боғдорӣ, ҷорводорӣ ва касбҳои оҳангарӣ, кулолгарӣ, бофандагӣ, дӯзандагӣ, нонвой ва ғайраҳоро меомӯхтанд. Ба чунин коммунаҳо китъаи замин ҷудо карда мешуд, ки хонандагон ба дастаҳо (бригадаҳо) тақсим шуда, дар он замин кор мекарданд.

М.С.Андреев нақшаҳои собиқ аспирантҳои Р.Амонов ва Н.Нурҷоновро дида истодааст. Онҳо оянда ба дараҷаи академикӣ ва роҳбарони муассисаҳои илмӣи Ҷумҳурии Тоҷикистон сабзида расидааст

Дар асоси аввалин хонандагони мақтаб-коммунаи меҳнатии Хучанд Б.Ғафуров, Ҷ.Расулов, Б.Дадобоев, М.Ваҳобов, Ҳ.Юсупов, Ҳ.Мавлонбеков, С.Раҷабовҳо, С.Умаров ва дигарон буданд. [4,36], ки минбаъд ҳар яки онҳо ба дараҷаи сарварони аввали Ҷумҳурии Тоҷикистон, Қаҳрамонони меҳнати сотсиалистӣ, Қаҳрамони Ҷумҳурии Тоҷикистон, ба унвони баланди илмӣ — академикӣ сабзида расидаанд. Дар ҳамаи дигаргунисозиҳо ва музаффариятҳои соҳаи маорифи ҷумҳурӣ ролу мақоми комиссари ин соҳа Михаил Степанович Андреев ҳис карда мешуд. Михаил Степанович ғайр аз вази фаи касбии ҳаррӯзааш ба масъалаи муассисаҳои санитарии

солимгардонӣ низ эътибори хоса меод. Он солҳо вабои касалии табларза паҳн шуда буд.

М.С.Андреев бо мақсади солимгардонии омӯзгорону хонандагон ҷойҳои шифобахш ва барои муолиҷа истифода бурдани он, мавзёҳоро ҷустуҷӯ намуда, харита ва хатсайри онро кашида ба Ҳукумат пешниҳод намуд. «**Ҳавои ҷонбахши кӯҳсор, часпида ба кӯҳ баромадан, бозӣ ва варзиш — дорӯи асосӣ аст**», - таъкид карда буд. М.С.Андреев Шӯрои депутатҳои коргарон, аскарон ва деҳқонони уезди Хучанд нақшаи номбурдари дида баромада, иборат аз 8 нафар омӯзгорон, 2 нафар хонанда, 1 нафар роҳбаладро зеро роҳбарии М.С.Андреев комиссия ташкил намуда, онро барои дарёб намудани мавзеи шифобахш фирстонд. Комиссия чунин мавзеи шифобахшро дар домани қаторкӯҳи Туркистон бо номи Туя Лайлов интихоб намуд. М.С.Андреев смета ва нақшаи сохтмони Маркази табобатии солимгардониро сохта ба Комиссариати маорифи халқии Туркистон фирстонд. Афсӯс, ки аз сабаби оғози ҷанги шаҳрвандӣ ва интервенсияи харбӣ- хориҷӣ ин иқдомҳои хуби М.С.Андреев ҷомаи амал напӯшид. [6]

Тирамоҳи соли 1918 М.С.Андреевро ба шаҳри Тошканд даъват намуданд. Ӯ дар он ҷо дар ташкили Донишкадаи шарқшиносии Туркистон ширкат варзид. М.С. Андреев **ректори аввалини донишкада** таъин гардид. Ташкилҳои донишкадаи шарқшиносӣ дар омӯзиши тарих, этиография, археология ва маданияти халқҳои Осиёи Миёна ва берун аз он, табиёр намудани мутахассисони шарқшинос аз бӣни халқҳои маҳаллӣ роли муҳим бозид.

Михаил Степанович Андреев оиди иштироки хеш дар ташкили Донишкадаи шарқшиносӣ ёдоварӣ намуда, қайд карда буд, ки “ташкил ва нигоҳ доштани чунин мактаби олий дар он солҳо хеле душвор буд. Баъзе роҳбарони он вақт ба рӯй ниқоб кашда, пинҳонӣ фаъолияти миллатгарой ва пантуркистӣ мебуданд. Донишкадаи навтаъсисро бе базаи моддӣ техникӣ ва бе ягон сӯм маблағ нигоҳ медоштанд”. Дар тӯли ду соли 1918-1920 ёдоварӣ мекунад М.С. Андреев, - ба ман роҳбари мактаби олий ва ба ҷойнишинам моҳона надоданд. Вале мо ҳарду дар ҷойи қорӣ худ истода, содиқона қор карда, бо музди ночизи лексиямон қаноат қардем. Ду сол бо пойафзоли **дарид** нимсеру нимгурусна қор мекардем. Аз тарафи дигар душвории ҳафтқарата бошад ҳам, Мактаби олий нигоҳ дошта шуда, вай фаъолият мебуд. Хатмкунандагони он минбаъд дар вазифаҳои давлатӣ, баъзе онҳо ба дараҷаи профессорӣ сабзида расида дар марказ ва маҳалҳо қор карда истоданд. [11,4-5]

Дар солҳои ректории Михаил Степанович ба нақшагирии ҷараёни таълим, қорҳои лексионӣ амалӣ, таҷрибаи археологию этнографӣ хуб ба роҳ монда шуда, китобхона бунёд карда, сарчашмаҳо ва коллексияҳои археологию нумизматикӣ ҷамъоварӣ карда шуданд. [7,329]

М.С.Андреев илова ба вазифаи роҳбарӣ аз рӯи предметҳои гуногун: этнографияи тоҷикон, маълумоти умумии таърихию ҷуғрофӣ Афғонистон в

Ҳиндустон забонҳои тоҷикию форсӣ, забонҳои ҳинду (индустони) ва пушту ва ғайраҳо машғулиятҳо мегузаронид. Антоиниа Константинова Писарчик яке аз шогирдони М.С.Андреев буд, қайд мекунад, ки “Михаил Степанович забонхоро хеле шавқовар гузашта, омӯзгори серталаб буд, бинобари донишҷӯён ин предметро хуб медонистанд” [9,10].

Дар мактуби яке аз собиқ шогирдони Михаил Степанович омадааст. “... Ман дар хотир дорам, ки чӣ тавр Шумо тарзи навиштани ҳуруфоти арабиро ёд медед, грамматикаи форсӣ, хондану баёни матнҳои форсӣ ва чӣ тавр “Чанд ҳикояи форсӣ”-ро таҳлил мекардем... Ҳеч гоҳ Шуморо ва ёри беғаразонаатонро дар азбудкунии забонҳо фаромӯш намекунем. Ҳаракат мекунам, ки асрҳои нағзии Шуморо дар дил нигоҳ дорам [12,148].

Барномаю роҳнамоҳое, ки М.С.Андреев дар асоси онҳо дар Донишкадаи шарқшиносӣ (1918-1924), Донишгоҳи давлатии Тошканд (САГУ -Донишгоҳи давлатии Осиёимиёнагӣ) ва Донишкадаи омӯзгории шаҳри Тошканд лексия хонда корҳои амалӣ мебард, то ҳоло аҳамияти илмӣ - амалӣ ва методии худро гум накардааст. Барои мисол яке аз онҳоро дар зер қайд мекунем, ки вай аз дараҷаи баланди дониши илмӣ ва маҳорати омӯзгории ӯ шаҳодат медиҳад.

М.С.Андреев дар Донишкадаи шарқшиносӣ ба донишҷӯён предмети этнографияи тоҷиконро дар нимсолаи 1 ва 2 аз рӯи нақшаи зерин таълим медед.

1. Муайян намудани этноними “тоҷик” ва ҳудуди паҳншавии он; Тақсимои тоҷикон аз рӯи шеваҳояшон; Тоҷикони водӣ ва кӯҳистон, ноҳияҳои асосии сокиншавии тоҷикон. Типҳои тоҷикон.

2. Машғулияти асосии тоҷикон: 1) Зироаткорӣ; 2) Боғдори; 3) Ҳунармандӣ ва косибӣ; 4) Чорводорӣ; 5) Тичорат ва ғайра. Маданияти модӣ: 1) Истиқоматгоҳ; 2) Либос; 3) Асбобҳои рӯзгор; 4) Хӯрок.

3. Расму оинҳое, ки дар соҳаҳои гуногуни зиндагии тоҷикон истифода бурда мешаванд: таваллуд, хатнакунӣ, синну соли кӯдакӣ (бозӣ ва ғайра), тӯй, дафн, дуои фотеха ва ғайра.

4. Динҳои давлатию халқӣ. Шакли мусулмонӣ. Осори тасаввуротҳои қадимаи динӣ. Тасаввуротҳои уронологӣ. Парастии рӯҳу арбоҳи гузаштагон. Мазорҳо. Парастии растаниҳо, оташ ва ғайра. Таботати касалиҳо. Ҷодугарӣ, момодоягӣ ва ғайра.

5. Оила, ҷомеа, ҳуқуқи ҷомеа. Ҷараёни ассимилятсионии тоҷикон аз тарафи дигар халқҳои ҳамсоя ва акси он [9, 82-83].

Барномаи мазкур аз ҷиҳати сохт, мазмун, мундариҷа, мантиқ, аҳамиятнокии масъалаҳо, пай дар пай баён намудани масъалаҳо дар ҷараёни таълим, тадқиқотҳои корҳои саҳроӣ (этнографӣ) барои ҳар як этнограф дар тадқиқи таърих ва этнографияи тоҷикон роҳнамои хуби корӣ мебошад. Ин барнома дар офаридани асарҳои бунёдии калонҳаҷми “Тоҷикони водии

Хуф”, “Тоҷикони Қаротегин ва Дарвоз”, “Халқҳои Осиёи Миёна ва Қазоқистон” нақшаи асосӣ гардид.

Вақте ки соли 1924 Донишкадаи шарқшиносӣ бо факултети филологию этнографӣ ва омӯзгории Донишгоҳи давлатии Осиёи Миёна муттаҳид карда шуд, М.С.Андреев дар он ҷо аз забон ва этнографияи тоҷикон дарс дода, дар як вақт дар Донишкадаи давлатии омӯзгории шаҳри Тошканд предметҳои шарқшиносиро таълим меод.

М.С.Андреев дар ин мактаби олии барои курсҳои болоӣ маҳфилҳои этнографӣ ташкил намуда, худаш ба ин маҳфилҳо роҳбари менамуд. Донишҷӯёнро ба экспедитсияҳои этнографӣ бурда шогирдонро ба рангорангии расму оинҳо, маросим ва маданияти шифоии тоҷикон ва дигар халқҳо ошно карда, дар дили онҳо меҳру муҳаббат ва ифтихори миллиро мепарварид. Ӯ ташаббускори ташкили аввалин экскурсияҳо ба ҷойҳои таърихӣ, ёдгориҳои археологӣ, мазору мадрасаҳои Осиёи Миёна: Тошканд, Бухоро, Самарқанд, Ангрен, Хучанду Исфара, Ворух, Фалғару Мастчоҳ, Яғноб, водии Фарғона буда, археология ва этнография, маданияти урфу одати халқҳои миллиро ба шогирдон меомӯзонд.

Дар ин қор ба М.С.Андреев А.А.Семенов, И.И. Умняков, М.Е.Массон, Н.Г.Маллитский, Н.Э.Вундцеттел ҳамкору ҳаммаслак буданд [11, д. 133].

Дониши баланди илмӣ - омӯзгорӣ ва методӣ, қобилияти роҳбарии ташкилотчигии М.С.Андреевро ба назар гирифта, дар назди факултети шарқшиносии Донишгоҳ (САГУ) кафедраи этнография ва антропология таъсис дода шуда, соли 1926 ӯро **аввалин профессори кафедра** интихоб намуданд. Фаъолияти илмӣ - омӯзгорӣ ва ҷамъиятии худро М.С.Андреев то охири умри хеш идома дод. Солҳои охири ҳаёташ дар Донишгоҳи давлатии Тоҷикистон¹ ба номи В.И.Ленин (ҳоло Донишгоҳи милли) аз фанни забони форсӣ ба донишҷӯён дарс меод. [5] Хизмати М.С.Андреев дар ташкили муассисаҳои илмӣ - омӯзгории Тоҷикистон, осорхонаҳо, кабинетҳо, кафедраҳо, экскурсияҳо, экспедитсияҳои таълимии этнографӣ хеле назаррас мебошад.

М.С.Андреев дар кучое, ки қору фаъолият набарад, ҳар як дақиқа ҳаёти худро барои омӯзишу тадқиқи таърих, этнография, суҳаншиносӣ, антропология ва археология, ономастика, метрология, маданияти моддӣ ва маънавии тоҷикон, тайёр намудани кадрҳои баландихтисоси илмӣ — омӯзгорӣ, давлатию ҷамъиятӣ бахшида буд.

Мактаби илмӣ - омӯзгории М.С.Андреев - мактаби дақиққорию бунёдкорӣ, созандагӣ эҷодкори, бехтарину намунави ва инқилобӣ буда, вай аз тарафи бузургони илму адаб борҳо эътироф карда шудааст. Барои он ки ба ҳаёти ботинию зоҳирии халқ ворид шавад ва аз дониши ӯ баҳра барад, бо тоҷикӣ ҳарф мезад, гӯш мекард, менавишт, меҳонд, аз осори классикони

¹ М.С.Андреев аз соли 1947 дар Душанбе қору истиқомат мекард.

точик шеъру суруд мехонд ва панду ҳикмат меғуфт. Ў рафиқ, бародар, дӯст, падархон ва устоди меҳрубону ғамхори ҷавонони тоҷикон буд.

Адабиёт

1. Акрамова Х., Акрамов Н.М. Востоковед Михаил Степанович Андреев, - Душанбе, 1973
2. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана, Соч. Т.2, ч.1, М., 1963
3. Бойғони Институти таърих, археология ва этнографияи АУРТ.- 4 Фонди шахсии М.С.Андреев, д. 168, в.1 (Минбаъд фонди шахсии М.С.Андреев)
4. Кадыров А.Создание социалистической культуры в Северном Таджикистане (1917-1924гг.), Д., 1977
5. Каримов Т.Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Северном Таджикистане, г.Сталинабад, -1957
6. Кривенок А. Первый высокогорный // “Коммунист Таджикистана” от 21 ноября 1968г.
7. Лунин Б.В. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии, - “Очерки по истории русского востоковедения”, М., 1963, сб.№6
8. Наливкин В.П.Русско - персидский словарь общепотребительных слов по наречиям Туркестанского края, Казань, - 1988
9. Писарчик А.К. Михаил Степанович Андреев (1873-1948)// “Труды Института истории археологии и этнографии А.Н.Тадж.ССР”, Т.120, 1960
10. Туркестанский восточный институт (1918-1922), Т., 1922
11. Фонди шахсии М.С.Андреев
12. Ҳасанов М. Этапы большого пути // “Говорят строителей социализма в Таджикистане” - Душанбе, 1967

Татьяна Загородникова

Москва

ИНДИЙСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ МИХАИЛА СТЕПАНОВИЧА АНДРЕЕВА

Михаил Степанович Андреев (1873-1948) родился в Ташкенте. Рано, еще в Ташкентской учительской семинарии, он заинтересовался разными сторонами жизни окружающих его народов. Окончив семинарию в 1893 г., он преподавал сначала в Ходженте, потом в Ташкенте. М.С. Андреев совершил несколько поездок по Туркестану, записывал все, что видел в этих путешествиях. Свои наблюдения он обобщил в реферате «О некоторых интересных в археологическом отношении местностях Кокандского, Ташкентского и Ходжентского уездов», который доложил на заседании Туркестанского кружка любителей археологии в Ташкенте 26 февраля 1896 г., [6,36] активным членом которого он был, а также в других работах.[8]

Большую роль в жизни и в формировании Андреева-востоковеда сыграла происшедшая в 1896 г. встреча с чиновником министерства внутренних

дел, командированным в Среднюю Азию и Закавказье для изучения «переселенческого дела» на южных рубежах России, Александром Александровичем Половцовым-младшим (1867-1944). Это был богатый аристократ, его отец был сенатором, а мать – внебрачной дочерью одного из великих князей и приемной дочерью банкира барона А.Л. Шриглица. Сам А.А. Половцов, окончив гимназию при Санкт-Петербургском филологическом институте и затем Императорское училище правоведения, решил поступить на военную службу и в 1888 г. вступил в лейб-гвардии Конный полк. Но ко времени этой встречи он уже служил МВД.

По рекомендации В.П. Наливкина, исследователя и знатока Туркестанского края, Андреев стал личным секретарем А.А. Половцова и, прежде всего, занялся обустройством дома для своего патрона в Ташкенте. Александр Александрович купил «бывший дом купца Иванова, он полностью доверился вкусу Андреева».[4] Результатом его трудов стало прекрасное сохранившееся до наших дней здание, где в настоящее время расположен Музей прикладного искусства Узбекистана.

Изучение состояния и задач переселенческого дела было невозможно без многочисленных командировок на места. В этих поездках М.С. Андреев был незаменим, он был толмачом, переводчиком. Одновременно они собирали материал о жизни, традициях, фольклоре населения малодоступных и малоизученных районов Туркестана. Накопленная информация стала впоследствии основой их совместного доклада на Историко-филологическом отделении Музея по антропологии и этнографии 27 февраля 1908 г.[2]

Андреев стал неизменным спутником Половцова, который взял его в столицу. В Петербурге Михаил Степанович познакомился с виднейшими отечественными востоковедами С.Ф. Ольденбургом, В.В. Радловым и К.Г. Залеманом. Все они по достоинству оценили научный багаж молодого ташкентца и его стремление к более полному и глубокому познанию жизни, традиций и языков народов Туркестана. В воспоминаниях Андреев писал о своих занятиях с ними.[1,171] Зимой 1898 г. Половцов взял его с собой в Париж, где Михаил Степанович занимался в Восточном отделении Французской Национальной библиотеки.

В конце 90-х гг. А.А. Половцов стал чиновником МИДа, служил сначала в Азиатском департаменте, а в 1903-1905 он — дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе. Следует отметить, какую роль он, а вместе с ним и Андреев, сыграли в разрешении «Памирского вопроса». А.А. Половцов и М.С. Андреев выехали на Памир, чтобы на месте разобраться в причинах конфликта бухарских чиновников с жителями Вахана и Шугнана. Встав на сторону горцев, они сумели успокоить население. Отчет о происшедшем и возможных решениях Памирского вопроса был представлен начальству и был рассмотрен в Ташкенте.

После окончания русско-японской войны международные отношения менялись коренным образом: началось сближение с Великобританией, приведшее в 1907 г. к подписанию ряда соглашений по разграничению сфер влияния в Азии. Кончался период конфронтации, Большой игры в Центральной Азии, и начиналась эра согласия, Антанты. Проводником этой новой политики в Индии, новым Императорским российским генеральным консулом в Бомбее был назначен А.А. Половцов. Притом между его приездом в Бомбей и отъездом старого генконсула Вильяма Оскаровича фон Клемма специально сделали перерыв в неделю, чтобы показать, что приехал новый дипломат проводить новую дипломатию. Андреев должен был сопровождать Половцова в качестве секретаря, но перед ним были поставлены и некоторые специфические задачи. Из доклада генерал-губернатора Туркестана военному министру от 12 февраля 1906 г.: «Бывший дипломатический чиновник в Ташкенте С.С.[статский советник-ТЗ] Половцов, назначенный Генеральным консулом в Бомбей, предложил состоящему при мне чиновнику IX класса для усиления личного состава Главного Управления Туркестанского края не имеющему чин М.С. Андрееву сопровождать его в Бомбей и в поездках по Индии. Так как г. Андреев хорошо владеет туземными языками Туркестанского края, я полагал бы крайне желательным поручить г. Андрееву ознакомиться с туземными наречиями северо-западной Индии и обратить особое внимание, насколько наречия Средней Азии сходны с наречиями ближайшей полосы Индии, могут ли тамошние жители понимать уроженцев Туркестана и какое наречие наиболее распространено в северной Индии». Эти сведения нужны для постановки изучения восточных языков и нужд разведки.[РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3415. Л. 1 и об.]

Первым в Бомбей прибыл «частный секретарь А.А. Половцова», как его назвал секретарь генерального консульства Сергей Виссарионович Чиркин, М.С. Андреев. «Это был молодой человек лет тридцати, – вспоминал 30 лет спустя С.В.Чиркин, – говоривший с легкой запинкой и немного косивший на один глаз, очень живой и общительный, но ...¹ малосообщительный. Ему было поручено сделать кое-какие приготовления перед приездом Половцова». [9,137] Как и везде, Александр Александрович решил устроиться в Бомбее капитально и с размахом. Он арендовал большую виллу с заросшим садом, обставил ее с расчетом на проведение светских раутов, провел электричество (даже губернаторский дом освещался тогда газокалильными лампами) – обосновывался всерьез и надолго. Но эта основательность сыграла с ним злую шутку: его укусил малярийный комар. В Индии низкое влажное место с обилием зелени обычно является рассадником малярии. Местные врачи не смогли ему помочь и, когда в июне 1907 г. Половцов срочно покидал Бомбей, он предполагал, что подлечившись на родине, он вернется. Но врачи в

¹ Так в тексте.

Петербурге настоятельно не рекомендовали ему делать этого, и он решил не возвращаться. На этом кончалось и первое пребывание в Бомбее М.С. Андреева.

Следует заметить, что секретарь генконсульства С.В.Чиркин сразу же по приезде А.А. Половцова отбыл в отпуск и во время болезни генконсула именно Андреев управлял российским генеральным консульством в Бомбее.

Еще до отъезда А.А. Половцова, по-видимому, не зная о болезни старшего брата, в Индию приехал Петр Александрович Половцов (1874-1964), капитан генерального штаба, прикомандированный к Главному управлению Генерального штаба, структуре, занимавшейся в том числе разведкой. П.А. Половцов хотел занять должность военного агента (атташе) в Бомбее, но ему было отказано. Он взял отпуск «в Россию и за границу сроком на 11 месяцев»[РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 183444. Л. 65 об.] и поехал в Индию самостоятельно. Из Бомбея он предполагал вернуться сухим путем через Каракорум, Памир в Туркестан. Его спутником и стал М.С. Андреев. Уже то, что офицеру генерального штаба и человеку, близкому к российскому генконсульству и одно время даже управлявшему им, дали разрешение проехать этим малоизученным и обычно закрытым для русских путем говорит о потеплении в отношениях между Российской и Британской империями в преддверии подписания соглашения о разграничении сфер влияния в Азии, но и здесь все было не так просто. Капитан Половцов получил разрешение при условии сопровождения и проезда через Туркестан английского офицера, Андрееву же в разрешении на проезд было отказано. «В начале июня в “Pioneer”е появилась заметка, – писал С.В. Чиркин в донесении в МИД – что в Сринагаре среди заслуживающих внимания иностранных путешественников пребывает один русский – Андреев, ташкентец, возвращающийся из Индии на родину каракорумским путем. Г. Андреев, продолжает газета, – не только большой ориенталист, но и опытный фотограф, который, разумеется, не упустит случая заняться стратегическими проходами, ведущими в русскую территорию. ... На мою просьбу по телеграфу о выдаче необходимого пропуска названному лицу, я получил категорический отказ из Симлы¹, мотивированный тем, что число путешественников через Каракорумский проход должно быть крайне ограничено и нет особых оснований делать исключение для г. Андреева. ...

Не зная, чем объяснить такой образ действий индийского правительства, дающего, хотя и неопределенные, но все же обещания русским путешественникам и в то же самое время уведомляющее меня о решительном отказе, я вторично телеграфировал в Симлу, указывая на то, что г. Андреев, лично известный Генеральному консулу, не подозревая возможности препятствий, заранее уже подготовил все необходимое для своей сухопутной поездки и, допущенный чуть ли не до самого Каракорума свободно, будет по-

¹ Симла была летней резиденцией вице-короля и правительства Индии.

ставлен в очень затруднительное положение. На этот раз просьба моя увенчалась успехом и г. Андрееву было разрешено “как исключительный случай”, сопровождать партию» [АВПРИ. Ф.147. Оп. 485. Д. 942. Л. 38-39]. По видимому, новые отношения выработывались с трудом, демонстрируя отсутствие слаженности между разными департаментами в колониальной администрации.

Район, по которому проехали капитан Половцов и Андреев, был мало изучен, поэтому все добытые ими сведения были крайне важны и немедленно докладывались по начальству. Они достигли Ташкента 26 сентября, а 6 октября дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе А.Д. Калмыков уже представил доклад Туркестанскому генерал-губернатору, что «нашим путешественникам частью расспросными сведениями, частью путем наблюдения с высот на нашей стороне Памиров удалось установить факт устройства англичанами колесной дороги из Индии (Читраль и Гильгит) до Аму-Дарьи (Пянджа)...» [Рус.-инд. в 1900-1917. С. 221.]

Отчет М.С. Андреева в отличие от отчета П.А. Половцова, не содержал сведений чисто военного характера (описание расквартирования военных формирований, оценка их боеспособности и т.п.), но вполне мог быть использован военными как характеризующий общую социально-политическую обстановку в северо-западной Индии и Афганистане. Автор также остановился на возможностях местных рынков для открытия там торговли русскими товарами. «За время путешествия, – писал он в конце доклада, – начиная с Леха, я вел дневник с описанием пути и производил метеорологические наблюдения для определения высот при помощи трех барометров, сухого и смоченного термометров и кипятильника. Таких пунктов мною определено около 70. Кроме того, мною было сделано около 200 фотографических снимков на 13 × 18, большая часть которых приходится на путь из Кашгара до Яркенда». [Рус.-инд. в 1900-1917. С. 239] Поскольку эти места крайне редко посещались русскими, то эти сведения и фотографии были важны для МИДа, копия доклада была послана в столицу. [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 960. Л. 120-128 об.]

Генконсул А.А. Половцов и М.С. Андреев пробыли в Бомбее немногим больше года. Сохранилось только несколько отчетов генконсула в МИД, одно – в кратком изложении хранится в Военно-историческом архиве и касается организации разведки в Индии. Возможно, частично оно было написано Андреевым. В этом же архиве, но уже не в кратком изложении, а полностью можно найти копию секретной записки за подписью самого Михаила Степановича «Об английской разведочной организации в Индии и сопредельных странах». [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 41. Л. 15-17] Это подробное описание того, как работала разведка англичан не только в русском Туркестане, но и в Афганистане и даже внутри набиравшего силу и размах национально-освободительного движения. Именно умелая организация разведки, по мнению Андреева, являлась причиной стабильности власти Великобритании в

Индии: «Для управления Индией, соблюдения спокойствия в стране, а также для принятия соответственных внешних мер этим учреждениям англичанами приписывается весьма важное значение. Англо-индийское правительство всегда старалось развить и хорошо поставить дело разведки и на этот предмет не щадило ни денег, ни усилий. Умелым использованием своего знания положения вещей в стране и сопредельных государствах, основанного в значительной степени на деятельности упомянутых разведывательных учреждений только и можно объяснить существование англичан в Индии». [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 41. Л. 15]

Касаясь российского направления деятельности разведки, автор приводит конкретные имена агентов, с описанием мест их пребывания в русском Туркестане, рода деятельности и современное, т.е. на 1907 г., их положение.

Это были документы особого значения и важности. На титульной странице первого документа стоит: «На подлинном собственноручно Его Императорского Величества начертано: “Полезно знать”. Царское село, 19 марта 1907 г.». [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 41. Л. 10об.]

Напрашивается вопрос: Как штатский человек, до поездки в Бомбей занимавшийся преподаванием, изучавший культуру и языки русского Туркестана, не имевший отношения ни к разведывательной деятельности вообще, ни к Индии, смог за год с небольшим накопить столько секретной информации? Откуда взялись источники такой информации, учитывая, что, несмотря на потепление в наших отношениях с Великобританией, любой европеец в Бомбее бросался в глаза и любые “странные” с точки зрения администрации контакты могли вызвать дипломатический скандал? На завязывание контактов и вербовку агентов требуется время и навык, который личный секретарь дипломата не имел. По-видимому, ответ кроется в том времени, когда Андреев первым, до А.А. Половцова, приехал в Бомбей и имел возможность общаться с генконсулом В.О. фон Клеммом. Тогда он передал Михаилу Степановичу своих агентов, а поскольку секретарь консульства вскоре уехал, а Половцов болел, то работал с ними Андреев, обучаясь и приобретая опыт такого рода деятельности «на ходу».

В Ташкенте М.С. Андреев вернулся на государственную службу, его должность – чиновник для усиления личного состава Главного управления Туркестанского края. Спустя пару месяцев началась борьба между военным ведомством и МИДом: Главное управление генерального штаба хотело иметь в Бомбее своего разведчика в лице Андреева, МИД не хотел компрометировать его присутствием генконсульство. [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1024. Л. 64-70] В конце концов были выработаны условия его проживания в Бомбее, которые, казалось бы, должны были удовлетворить обе стороны: «...М.С. Андреев не будет ни в каком случае проживать в Бомбее – месте пребывания Российского Генерального консульства. В прочих же местностях Индии М.С. Андрееву, по соглашению министра иностранных дел и началь-

ника Генерального штаба, нахождение разрешено». [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1024. Л. 109об] Еще до того, как были выработаны эти условия, летом 1908 г., он прибыл в Бомбей «для производства разведок» с рекомендательным письмом от начальника Генерального штаба к Генеральному консулу в Бомбее А.А. Гейкингу. [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1024. Л. 49]

Официальной причиной приезда Андреева было изучение хиндустани. Вот, что писал по этому поводу С.В. Чиркин в своих воспоминаниях: «...В Бомбей вернулся М.С. Андреев, оставивший место частного секретаря А.А. Половцова и получивший правительственную командировку в Индию для изучения индийских наречий. Местные власти, особенно после его поездки с капитаном Половцовым и английским майором через Гималаи и Памиры, видимо, склонны были видеть в нем замаскированного военного агента. Не собираясь делать сенсационных разоблачений,... я мог бы сказать, что Андреев никогда на военной службе не состоял, а по образованию готовился к педагогической карьере в нашем Туркестане. ...Но он был человек наблюдательный, ловкий и, подобно командированным в Россию иностранцам, имел задание осведомительного характера. Никаких военных секретов, однако, он не открывал, да и не мог открыть как по условиям своей работы, так и по неимению средств на эту цель. Жил он на частной квартире, но обыкновенно работал в консульском помещении, пользуясь для пересылки своей корреспонденции нашей почтой. Я не сомневаюсь, что его сообщения были очень интересны, но представляли лишь сводку из местной прессы, сдобренную личными наблюдениями». [9,157-158]

По мнению гофмейстера графа Бенкендорфа, русского посла в Лондоне, «работа колл[ежского] рег[истратора] Андреева в Индии далеко не проходит незамеченной. Хотя и не имеется к тому каких-либо определенных доказательств,... англичане нисколько не заблуждаются насчет истинного характера деятельности г. Андреева и не поднимают об этом вопроса лишь потому, что считают эту деятельность для себя пока вполне безвредной». [АВПРИ. Ф. 238. Оп. 778. Д. 214. Л. 27-28] Тем не менее, случай, описанный Чиркиным, говорит о том, что англо-индийские власти принимали Андреева всерьез и готовы были идти на провокации, чтобы его разоблачить. «Однажды утром, в канцелярские часы, консульский сипай доложил мне, что меня хочет видеть какой-то молодой англичанин, отказавшийся дать свою карточку, я приказал впустить посетителя и вышел к нему, передо мной был человек не старше 25 лет, одетый, как обычно одеваются клерки и конторщики в Индии, в простой белый костюм при так называемом «канпурском» шлеме цвета хаки. Не назвав себя, он заявил, что хотел бы поговорить со мной конфиденциально. Я просил его не стесняться, так как мы совершенно изолированы и подслушать нас никто не может – вся прислуга, почти не понимавшая по-английски находилась в своем помещении и мы были одни. Тогда он сказал мне, что посещает меня по поручению лица, могущего продать мне цен-

ные карты и чертежи, кающиеся обороны северо-западной границы Индии, и спросил, не пожелаю ли я их купить. Я ответил, что не имею ни таких задач, ни средств на их осуществления, не являюсь ценителем значения и стоимости подобного материала, но что, конечно, известные круги могут быть ими заинтересованы, и все, что я мог бы предложить, это отправить предлагаемые чертежи и карты в Россию на экспертизу, и что только таким путем они могли бы быть в конечном результате приобретены. Мой собеседник спросил меня, не могу ли я произвести экспертизу на месте, очевидно намекая на М.С. Андреева, которого известные сферы никак не могли определить и который мозолил им глаза. Я ответил, что возможность какой-либо экспертизы на месте исключена за неимением в Индии русской военной агентуры. Тогда посетитель, помявшись, снялся с якоря, сказав, что будет у меня на другой день в условленный час с планами. Как и следовало ожидать, он никогда в консульстве больше не появлялся. Я не сомневаюсь, что мой визитер был агентом сыска, подосланным для выяснения положения Андреева при генеральном консульстве». [9,166-167]

Пока Андреев был осторожен и не давал повода поймать себя на чем-либо предосудительном, его деятельность не вызывала беспокойств, но в 1910 г. генконсульство должно было переехать в Калькутту. Встал вопрос, что делать с Андреевым? Арсеньев, тогдашний генконсул, считал, что «только при условии назначения г. Андреева на пост вице-консула в Бомбее, он мог бы с успехом и без риска быть разоблаченным продолжать свои занятия по разведочной части».[Рус.-инд. 1900-1917. С. 323]А братъ с собой в столицу Михаила Степановича Арсеньев не хотел ни в коем случае: перспектива разоблачения разведчика в ближайшем своем окружении просто ужасала консула.

МИД склонялся к другой кандидатуре вице-консула, сам вопрос об открытии этого дипломатического поста требовал дальнейшей разработки, переговоры с Лондоном затягивались, [Рус.-инд. 1900-1917. С. 322-323] но тут появилась мысль об открытии вице-консульства во Французской Индии – в Пондишери. Между тем Российское Генеральное консульство начало работать в Калькутте с 22 февраля 1910 г. В августе 1911 г. начались переговоры и 5 июня 1912 г. было получено согласие французской стороны на открытии вице-консульства и на назначение Андреева нештатным вице-консулом. [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 996. Л. 17-18.] «Содержание вышеозначенного лица будет производится по военному ведомству, приказ же о назначении должен последовать, как это было условлено между заинтересованными министерствами, по ведомству министерства иностранных дел». [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 996. Л. 17-18.]

В Архиве внешней политики Российской империи хранится папка с донесениями Михаила Степановича за 1912 г. Они составлены из переводов газетных статей социально-политического характера о положении в Афганистане и северо-западной Индии. Не будучи военным, он выступал, как ана-

литик, как резидент, имевший штат агентов. Вот, какую характеристику деятельности Андреева находим в донесении генконсула Б.К. Арсеньева Туркестанскому генерал-губернатору от 1911 г.: «Г. Андреев отлично осведомлен относительно интересующего Вас вопроса о положении дел в Афганистане¹. В стране этой у него имеются разведчики периодически секретным путем доносящие ему обо всех происходящих в ней крупных событиях и о текущих военных мероприятиях Афганского правительства». [АВПРИ. Ф. 214. Оп. 779. Д. 220. Л. 5-6.] Для общения с ними кроме урду Михаил Степанович специально изучал пушту. [1,173] Это была информация по социально-политического характера, среди них были и военные разведданные.

Характеристика, данная в свое время С.В. Чиркиным (см. выше), расходится с мнением генконсула Б.К. Арсеньева. Объяснение этому простое: в начале своего пребывания в Индии Михаил Степанович выступал больше в качестве аналитика, но, постепенно набираясь опыта и обрастая агентурой, он смог добывать более разнообразную и интересную информацию, как для военного ведомства, так и для генконсула. По соглашению с французским генконсулом Андреев посылал свои донесения в Калькутту Арсеньеву через капитана французского парохода, курсировавшего между Калькуттой и Пондишери. [АВПРИ. Ф. 214. Оп. 779. Д. 220. Л. 6.]

Еще одним свидетельством переезда и проживания М.С. Андреева во Французской Индии служат четыре письма из Ташкента от февраля-июня 1912 г. его друга и коллеги А.А. Семенова, адресованные в Пондишери. [5, 183-194.] Остается неизвестным, где жил М.С. Андреев в 1910-1911 гг. Возможно, какое-то время он все же жил при консульстве в Калькутте, но долго так продолжаться не могло, и он как частное лицо переехал в Пондишери.

Все биографы М.С. Андреева сходятся на том, что он вернулся в Ташкент в 1914 г., современный исследователь жизни и творчества М.С. Андреева Гафур Шехматов уточняет, что в мае 1914 г. он отплыл из Коломбо в Одессу. [10] В Туркестане он занял должность инспектора народных училищ в Ходжентском и Джизакском уездах Самаркандской области. Остается невыясненным только тот факт, почему в «Ежегоднике МИД», официальном справочнике Российской империи, за 1915 и 1916 гг. М.С. Андреев числился как нештатный вице-консул Российской империи в Пондишери. Ни до, ни после М.С. Андреев нигде в Ежегоднике не упоминался, как не существовало и самого нештатного вице-консула Российской империи в Пондишери

Ошибка ли это в правительственном издании и заблуждение биографов или же вследствие разного рода бюрократических проволочек во Франции и в России военное ведомство так долго добивалось дипломатического прикрытия для своего разведчика, что к тому моменту, когда оно было получе-

¹ После заключения договоров о разделе сфер влияния в Азии между Великобританией и Российской империей 1907 г. интерес военных переместился в Афганистан.

но, Андреева уже не было в Индии? К сожалению, этот вопрос пока остается без ответа.

* * *

М.С. Андреев кроме задач, связанных с разведкой, занимался изучением Индии в самом широком смысле слова. Как член-сотрудник общества востоковедения, при планировании второй поездки в Индию он получил задание обратить особое внимание на возможности установления торговых отношений между нашими странами. Для этого он должен был изучить спрос, рынки и т.п. [АВПРИ. Ф. 214, Оп. 779. Д. 53. Л. 10 и об.] В 1905 г. в России было создано новое Министерство торговли и промышленности, после чего общество востоковедения было подчинено этому министерству, отсюда и интерес к такого рода проблемам.

Другим аспектом деятельности М.С. Андреева в Индии было всестороннее исследование культуры и искусства Индии, изучение наиболее распространенного языка Северной Индии хиндустани, а также собирание коллекций предметов быта и искусства. В своих мемуарах он пишет, что имел поручение от Академии наук по сбору этнографического материала. [1, 173] В письме от 20 марта 1910 г. заведующему Этнографическим музеем при Российской Императорской Академии наук он писал, что «лично интересовался немного старинными бронзовыми индийскими предметами». [Рус.-инд. 1900-1917. С. 257] По-видимому, в этом случае его личные вкусы совпали с заданием АН.

Андреев купил и переслал в Россию для Музея этнографии АН резной деревянный портик дворца из города Насик. В одну из поездок по окрестностям Бомбея он увидел, как разбирают на дрова красивейшее здание. Он загорелся идеей приобрести часть террасы для одного из музеев. И.Ф. Щербатской, крупнейший специалист по буддизму и классической индийской философии, находившийся в то время с научной командировкой в Бомбее, поддержал это начинание, и посоветовал Музей этнографии. Михаил Степанович лично руководил разборкой дома, и этот ценный груз был благополучно доставлен морем в Петербург. [Рус.-инд. 1900-1917. С. 257-259] По-видимому, в этом случае его личные вкусы Портик был собран в соответствии с чертежами и фотографиями, которые послал И.Ф. Щербатской. [7,88-89] Сейчас каждый, кто посетит индийский отдел Музея антропологии и этнографии в Петербурге, может любоваться резным портиком Насикского дома. Работу М.С. Андреева по разборке и упаковке портика высоко оценил Ф.И. Щербатской. Из его письма В.В. Радлову: «Позволю себе просить, чтобы М.С. Андрееву, который много потрудился по покупке, упаковке и отправке насикских резных украшений, была выражена благодарность. У него очень недурная коллекция бронзовых старых индийских статуэток, я надеюсь, что он ее также или продаст, или пожертвует в музей». [Рус.-инд. 1900-1917. С. 261]

Всего М.С. Андреев собрал и передал в разное время Музею антропологии и этнографии три коллекции: «№ 1789(поступление 1910 г., 28 предметов), коллекция содержит часть дворца пешвы из Махараштры (бывшее

Бомбейское президентство), г. Насик; № 2055 (поступление 1912 г., 296 предметов), собрание старинной резьбы по дереву и мелкой пластики из металла; № 2418 (поступление 1914 г., 164 предмета), разнообразные предметы быта и культуры народов Южной Индии». [7,88-89]

Это было значительное пополнение собрания Музея. Уже в XXI в. признанием этого служит публикация в серии Созидатели МАЭ коллективной монографии сотрудников музея Н.Г. Краснодембской, Е.С. Соболевой и В.Н. Кислякова «Михаил Степанович Андреев и его вклад в индийские коллекции МАЭ». Но М.С. Андреев коллекционировал не только бронзовые статуэтки и предметы быта индийцев. В 1913 г. он прислал в Азиатский музей 16 тамильских рукописей.[7,88-89]

* * *

Складывается впечатление, что Михаил Степанович Андреев изучал прошлое и настоящее Индии во всем многообразии: искусство и общественно-политическое положение общества, исторические источники и положение англичан, языки и англо-индийскую армию и многое-многое другое. По возвращении на родину в 1914 г. он продолжал служить в администрации Туркестана.

Зимой 1919-1920 г., когда Афганистан предъявил права на приграничный район Кушки и потребовал возврата территорий, тот багаж знаний, который был приобретен в Индии, очень пригодился. Из Мемуаров М.С. Андреева: «...Я узнал, что в результате происходивших в то время переговоров между специальной комиссией (представительством), приехавшей из Москвы, и чрезвычайным афганским посольством, присланным для этого из Кабула, было решено отдать афганцам большой кусок нашей территории с находящейся на ней нашей крепостью Кушкой. Это, конечно, грозило нам неприятными политическими и стратегическими изменениями, т.к. с отходом намеченной территории к афганцам обнажался доступ к нашей Закаспийской железной дороге пододвигавшейся под возможность близких фланговых ударов, не говоря уже о политическом значении такого акта для нашего престижа».[1, 177]

По его воспоминаниям он составил Записку со ссылками на афганские, английские и русские архивные источники и представил ее комиссии.[1, 178] Этот документ неопровержимо доказал неправомочность притязаний Кабула и никакие территории не перешли к Афганистану.

В 1944 г. 71-летний умудренный опытом член-корреспондент АН СССР по Отделению гуманитарных наук (по разряду восточных наук, иранистика), Заслуженный деятель науки Таджикской ССР, действительный член (академик) Академии наук Узбекской ССР М.С. Андреев вспоминал именно этот эпизод своей жизни, как то, что «...даст покой в час, когда буду умирать». [1, 177]

* * *

В конце следует заметить, что, прожив сначала в Бомбее, потом в Пондишери с 1906 по 1914 г. с перерывом на год, М.С.Андреев не написал ни одной работы по Индии. Как нам представляется, родившись в Ташкенте, получив там же образование, много путешествуя еще в юности по Туркестану, он заинтересовался традициями, языками, историей, археологией, культурой народов тех мест. В то время это было непаханое поле для изучения, в чем он смог убедиться, побывав в Петербурге и Париже, познакомившись с ведущими востоковедами своего времени и поработав в крупнейших библиотеках Европы. Ко времени поездки в Индию он уже решил, что Туркестан будет местом приложения его исследований, здесь его дом и несмотря на неоднократные предложения переехать в столицу, он каждый раз возвращался в Туркестан. В 1926 г. ему удалось побывать в Афганистане. Он был командирован в Кабул и проработал в качестве старшего драгомана советской миссии в Афганистане несколько месяцев. [3, 85] Уже на следующий год вышла его работа «По этнологии Афганистана. Долина Панджшир: (Материалы из поездки в Афганистан в 1926 г.)». Ташкент, 1927, потому что это исследование языка и быта таджиков, т.е. народа Средней Азии, но проживавших в соседней стране.

После трагической гибели в 1948 г. могила Михаила Степановича Андреева была утеряна и только 18 августа 2021 г. Гафур Ашурович Шерматов, историк, журналист и руководитель поисковой группы «Память – 201» (Таджикистан), нашел место его захоронения на центральном городском кладбище Душанбе.[10] Силами энтузиастов-добровольцев, а также Представительства Россотрудничества в Таджикистане был восстановлен памятник и ограда. 15 апреля 2022 г. состоялось его открытие, а в Представительстве Россотрудничества в Таджикистане прошел круглый стол, посвященный научному наследию учёного-востоковеда Михаила Степановича Андреева.

Литература

1. Андреев М.С. Открыто и мое сердце//Памир: ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. Душанбе, 1991. № 7.

2. Андреев М.С., Половцов А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан // Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук № IX. СПб., 1911.

3. Германов В. Эпизод из истории демаркации границы между Афганистаном и государствами Средней Азии: симбиоз разведки и науки в особе Михаила Андреева// Научный вклад Михаила Степановича Андреева в изучение истории и этнографии таджикского народа. Материалы международной научно-практической конференции. Душанбе 22 октября 1013. Душанбе, 2014.

4. Джаббаров А. Улица Шелковичная и почему базар в Ташкенте называется Алайским. Письма о Ташкенте. URL: <http://mytashkent.uz/2010/03/30/ulitsa-shelkovichnaya-i-pochemu-bazar-v-tashkente-nazyivaetsya-alayskim/>

5. Додхудоева Л. Письма Александра Семенова к Михаилу Андрееву (1899г., 1912г.) // Вклад академика А.А. Семенова в изучение истории и культуры таджикского народа. Материалы международной конференции, посвященной 140-летию академика А.А. Семенова. Душанбе: Дониш, 2014. С. 183-194.

6. Икромов Н., Рахимов Н. На заре таджиковедения: ранние работы М.С.Андреева по изучению истории и культуры таджиков //Научный вклад Михаила Степановича Андреева в изучение истории и этнографии таджикского народа. Материалы международной научно-практической конференции. Душанбе 22 октября 1013. Душанбе, 2014.

7. Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С., Кисляков В.Н. Михаил Степанович Андреев и его вклад в индийские коллекции МАЭ. Созидатели МАЭ, СПб.: Кунсткамера, 2018. С.81,88-89.

8. Научный вклад Михаила Степановича Андреева в изучение истории и этнографии таджикского народа. Материалы международной научно-практической конференции. Душанбе 22 октября 2013. Душанбе, 2014.

9. Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М.: Русский путь, 2006. С. 137.

10 Шерматов Г. Таджикистан открыл его сердце. Кто он, основоположник этнографической науки в республике [URI https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20230924/tadzhikistan-otkril-ego-serdtse-segodnya-150-let-osnovopolozhniku-etnograficheskoi-nauki-v-respublike](https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20230924/tadzhikistan-otkril-ego-serdtse-segodnya-150-let-osnovopolozhniku-etnograficheskoi-nauki-v-respublike) 27.09.22

Архивы

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)
Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Лейла Додыхудоева
Москва

К ВОПРОСУ О ПОЛЕВОЙ РАБОТЕ И ЦЕННОСТИ ЕЕ МАТЕРИАЛОВ: НА ПРИМЕРЕ ДАННЫХ М.С. АНДРЕЕВА И А.А. СЕМЕНОВА О ПРОВЕДЕНИИ ПРАЗНИКА НАВРУЗ, УКЛАДЕ ЖИЗНИ ГОРНЫХ СООБЩЕСТВ И ДЕТЕЙ В СОСТАВЕ СЕМЬИ

Как известно, российские ученые приложили много усилий для фиксации и мониторинга данных таджикской историографии и этнографии, особенно в XIX–XX вв. Особенно ценными стали материалы М.С. Андреева и А.А. Семенова. Так, А.А. Семенов, который закончил Лазаревский институт восточных языков в Москве, в ходе подготовки дипломной работы в 1898 году вместе с графом А.А. Бобринским принял участие в экспедиции из Самарканда – через Зарафшан, Каратегин, Дарваз – в долины рек Пяндж и Яхсу. По результатам этого путешествия он написал несколько работ, дал описание этнографических впечатлений и записал тексты на таджикских го-

ворах, на которых говорило тогда местное население (1899; 1900; 1900–1901; 1902; 1903).

Позднее он внес значимый вклад в анализ духовной жизни таджиков и описание их рукописных книг (1912; 1916; 1926 и др.), а также привел образцы таджикского фольклора и сказок (1901; 1903, 97–112).

Неоценим вклад М.С. Андреева в описание этнографических аспектов таджикского общества. Он был одним из членов группы ученых (наряду с И.И. Зарубиным, А.А. Семеновым и др.), которые вели работу по сбору подготовительных материалов к определению в 1924 г. национально-государственного размежевания Средней Азии [15]. Он вел работу по сбору экспонатов в области материальной и духовной культуры среднеазиатских сообществ и основал полевые этнографические работы местах проживания горных таджикских сообществ, и заложил основы этнографической школы в Таджикистане. Тем самым он заложил основы этнографической школы в Таджикистане. При этом сам ученый углубленно занимался и иранскими языками¹, – представляя такую сторону вопроса, как отражение жизни народа в его языке, – а также отдельными аспектами описания этикета и традиционной коммуникации.

Он дал подробное описание этнографического среза того времени глазами очевидца, а также анализ многих обычаев в их хронологических и пространственных отношениях, которые в настоящее время во многом недоступны в силу исторических причин и/или пространственно-временных изменений в жизни населения региона. Так, в специальных статьях М.С. Андреев дал характеристику древних таджикских семейных отношений [1,3,5] и посвятил семье и детям несколько глав в своей энциклопедии жизни населения высокогорной долины Хуф[6], а также привел основополагающие

подробности организации жизни семьи и общины в Таджикистане[9], Узбекистане [4] и Афганистане [2]².

¹ См., например, работы: Андреев М.С. Язгулемский язык: Таблицы глаголов (Ленинград, 1930); Андреев М.С. Хуфский язык. Таблицы глаголов (1904). О последнем издании и материалах по хуфскому языку см. подробнее: [15] Бытованию ягнобского языка посвящена также работа: Андреев М.С., Пещерева Е.И. Ягнобские тексты с приложением ягнобско-русского словаря, составленного М.С. Андреевым, В.А. Лившицем и А.К. Писарчик (М.–Л., 1957).

² См. подробнее: [15]. Здесь дано описание связанных с детьми визуальных материалов из Фонда М.С. Андреева. Детям здесь посвящены фотоматериалы из фотоколлекции №1: *Афганистан*. 1926 г.: 78. Афганские дети на окраине Кабула; *Таджикистан* (1925 г.): 174. сел. Варзоб. Женщины и дети из зажиточной таджикской семьи; *Ходжент и окрестности Касана*: 279–280. Дети (по 2 снимка); 281. Типы ходжентцев. Дети (3 снимка); 322. Играющие дети (3 снимка). *Горный Таджикистан. Верховья Пянджа*: 203. Ребенок, привязанный к колыбели (отсутствует); 204. Нижняя часть тела мальчика привязана к колыбели. 1929 г. *Узбекистан*: 305. Учитель и ученики в классе (3 снимка); 306. Ходжент. Школа, бывшая в ведении инспектора М.С. Андреева (1914–1918 гг.) (3 снимка); 307. Учитель и ученики в классе (3

В силу отсутствия письменных текстов и исторических документов, фиксирующих ситуацию на местах во многих горных регионах и сообществах, в настоящее время эти данные являются весьма ценными историческими свидетельствами, создающими предыдущий хронологический срез этнографических и лингвокультурных данных, а также этапов фольклорной традиции. Для Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан, где бытуют бесписьменные памирские языки и диалекты и нет традиции создания текстов на этих языках, сегодня эти данные особенно ценны.

Я отмечу лишь несколько конкретных моментов, когда в последующие исторические этапы пришедшие им на смену исследователи смогли воспользоваться их ценными документально точными материалами и опереться на них. В своих собственных работах по этнолингвистике, лингвокультурологии и лексико-семантических статьях я, – как и многие современные исследователи, – во многом опиралась на работы обоих этих ученых.

А.А. Семенов – большой знаток местной жизни Туркестана XIX–XX вв. – был одним из первых, кто обратил внимание на иранском материале Центральной Азии на отношения в семье, на отношения взрослых к детям, отметил в своей публикации, посвященной роли детей в семье, любовь и внимание, то особое мягкое отношение старшего поколения, с которым относились к детям в таджикской семье, при том что количество детей в семье было значительным (Семенов 1899). Этой работой были заданы основные направления и тенденции исследования таджикской семьи как основы таджикского общества. Это направление разрабатывалось многими этнографами Таджикистана. Так, вопросам традиционной семьи посвящены исследования Н.А. Кислякова [20–22], Е.М. Пещеревой [24], публикации З. Юсуфбековой [48,49], написанные по ее собственным многолетним полевым обследованиям, и многие другие работы.

В этой работе, ученый привлек внимание к вопросу о семье, ее жизни в тяжелых природных условиях высокогорья, ее внутренних духовных установках, несколькими яркими мазками дал очерк жизни в патриархальном обществе и роли в ней старших и младших его членов. А.А. Семенов подчер-

снимка); 308. М.С. Андреев и ученики возле школы (4 снимка); 309. Школа. Общий вид (2 снимка); 310. Преподавательница и ученики в классе (2 снимка); 311. Ходжент. М.С. Андреев с учениками у школы, бывшей в его ведении в 1914–1918 гг. (2 снимка); 312. Ходжент. М.С. Андреев с учениками у школы, бывшей в его ведении в 1914–1918 гг. (2 снимка); 313. Ходжент. М.С. Андреев у Приходского училища, бывшего в его ведении в 1914–1918 гг. (2 снимка); 314. Ученик у доски в классе. 3 снимка; 322. Играющие дети (3 снимка).
Негативы из коллекции №1: Инв. № 280. Типы ходжентцев. Дети; Инв. № 322. Играющие дети. Ед. хр. 7: фотографии З. Варзоб. Женщины и дети из зажиточной таджикской 1 семьи (1 снимок). *Ягноб* (1924–1925–1927 гг.): 253. Мальчик с игрушечным домиком (2 снимка); 254. Тот же мальчик с поднятой рукой (2 снимка) [15].

квивает настрой на воспроизводство новых поколений таджикского общества, здоровых духовно и физически. При этом для него было важно показать процесс адаптации ребенка к окружающему миру, при котором взрослые своим примером, посредством эмоционального отношения к детям и заботы о них, посредством демонстрации моделей поведения и нравственных установок, обеспечивают работу социальных процессов, благодаря которым ребенок усваивает и воспроизводит систему норм и ценностей позволяющих ему быть полноценным членом сообщества в будущем.

Здесь имеет место двусторонний процесс, где ребенок формируется во взаимодействии с окружающим его миром и обществом, участвует в воспроизводстве отношений, принятых в его семье, общине. В этой связи А.А. Семенов пишет далее, «нигде, кажется, дети не пользуются таким попечением и внимательностью, как у горцев-таджиков. Чадолубие вообще присуще всем таджикам; всюду дети у них составляют предмет особенно нежной любви, которая в некоторых своих проявлениях у равнинных обитателей заходит иногда даже за пределы приличия. Но дети-горцы, живущие в патриархальной неиспорченной среде своих отцов, пользуются особенно нежною любовью и привязанностью своих родителей и окружающих их взрослых. Детей ласкают, нежат и при первой возможности спешат их хоть чем-нибудь порадовать. Их не бьют, не наказывают и даже дать небольшой щелчок или подзатыльник считается позором» (Семенов 1899, 99).

В этом описании эмоционального отношения взрослого к ребенку проявляется эмпатия, желание оберечь ребенка, насколько возможно, от трудностей, наряду с этим проявлена сплоченность по отношению к детям не только членов самой семьи, но и всей сельской общины. При этом задана и оценка автора увиденной им картиной, и его одобрение увиденного.

В этой работе, отразилось взаимодействие в традиционном обществе старших и младших возрастных групп – детей, что накладывало отпечаток на особенности традиционного жизненного цикла и на терминологию обозначения места индивида в сообществе, его возрастной и гендерной принадлежности.

1 Возрастные градации традиционного общества: дети

Известно, что представитель каждой группы получает в обществе обозначение, соответствующее его биологическому возрасту в соответствии с возрастными градациями, принятыми в рамках конкретной культуры. Обычно отрезки жизни выделялись на основе этапов жизненного цикла. В раннем детстве дети обоих полов постоянно находились при матери, это определяло их статус маленького ребенка. Практически до трех, а иногда и более лет, ребенок содержался в колыбели.

Вот как об этом пишет А.А. Семенов «Местом пребывания новорожденного до тех пор пока он будет в состоянии ходить, служит колыбель («гово-

ра)), на которую сверху набрасывают полог. Эта колыбель очень низка и несколько напоминает наши детские качалки» [29,100]

. Далее он продолжает: «Как часто можно наблюдать в садах и огородах горных кишлаков женщин, занятых какою-либо работою – сбором овощей, подчисткою деревьев и проч. – и подле многих из них стоят колыбели с детьми» [29,100]

Можно полагать, что в данном случае подмечена и описана важная характеристика уклада жизни, давшая даже само название такого положения ребенка в значительном горном регионе Таджикистана и Афганистана.

При обозначении новорожденного, маленького грудного ребенка в ряде языков региона применяется термин:

т.гор., т.бад., т.гор. *uštuk* ‘ребенок, дитя’, т.дарв. *māštək*, ш. *(w)ix̄tak*, *(w)uštuk*, хуф. *wux̄tak* (Андреев 1953, 53), ишк. *ušt̄yk*, вах. *wāštək* ‘новорожденный (ребенок), младенец’, букв. ‘запеленутый (ребенок)’. Он связан с др.-ир. корнем *¹dar̄z-: *dr̄z-* ‘закреплять, привязывать, завертывать’ (ЭСВЯ, 400; ЭСИЯ 2003, 365). По предположению Г. Моргенстиерне, данное обозначение связано с тем, что ребенок постоянно находился в люльке, где был крепко завернут в пеленки и перевязан, ср. перс. *gondāq(i)* ‘грудной, завернутый в пеленки (ребенок)’. В иранских языках восточной группы имеется значение ‘закреплять поклажу’ – ‘навьючивать’ – ‘отправляться кочевать’ [Morg. EVP, 42], пшт. *bleždal* ‘быть запеленутым, запутываться’ возводится к **upa-dr̄z-*, *bleždawəl* ‘пеленать; спутывать, запутывать’ [Morg. EVP, 15], а также сар. *derz-*: *ḍax̄t* ‘грузить, выучить’ < **darz-* [Morg. EVSh, 32]. [46, 2003, 366]

Еще одно интересное обозначение маленького ребенка зафиксировано в одном из памирских языков на территории Китая. Здесь обнаружен термин сар. *ceg-bačō* ‘грудной ребенок’ – сложение *ceg* ‘сосун(ок) (ж.р.)’ и заимств. из т., перс. *bač(č)a* ‘дитя, детеныш’. Ср. ш. *cīgbic* ‘роженица, родильница; только что отелившаяся, оягнившаяся (о животном)’ (*cīg*, *ceg-* ж. к м. *cog* ‘маленький, мелкий, сосун(ок) (о животном)’ + *bic* ж. к м. *buc* ‘дитя, ребенок’), а также хуф. *cogij* ‘первое, не выдаваемое на сторону молоко коровы после отела носит название «цогидж»’ [6,120]. Среди терминов, обозначающих маленького грудного ребенка, бытующих в современном таджикском языке имеются близкие по значению слова. Однако здесь образ строится на элементе «молоко», который входит в состав термина, что связано с употреблением ребенком молока: т. *širx̄u/or* ‘сосущий (грудное) молоко (ребенок)’ (т. *šir* ‘молоко’ + *x̄urdan* ‘есть’), данная лексема вошла и в шугнанский язык: *širxor* ‘грудной, питающийся молоком’. Другое обозначение того же понятия – т. юж.диал. *širmak* ‘грудной ребенок, сосунок; сосунок, детеныш млекопитающего; новорожденный, младенец, молокосос’ (т. *šir* ‘молоко’ + *takidan* ‘сосать’).

Для патриарахального общества были характерны возрастные обычаи социализации. Среди выделяемых этапов в начале жизни отмечались вынос

на свежий воздух, надевание первой рубашки, головного убора, стрижка ногтей и стрижка волос, положение в колыбель и др. Более подробно эти ритуальные процедуры и этапы начала жизни ребенка и становления семьи для начала XX в. описаны М.С. Андреевым. См., например, [3;5;6] Так, в книге «Таджики долины Хуф» М.С. Андреев отмечает интересный обычай. Он пишет, что в целях апотропаической, отгоняющей беду, магии в ухо младенца как метку, показывающую духам, что ребенок уже имеет хозяина, вставляли серьгу. [6;8] Этот обычай, подмеченный ученым, имел место у широкого круга народов региона и впоследствии данное замечание использовалось рядом более поздних исследователей в разных культурах.

Изменение традиционного общества в процессе глобализации, отказ от жизни расширенной семьей, активная миграция и урбанизация способствуют пересмотру представлений социума и реструктуризации возрастных групп.

К жизни является такое новообразование, как т. *navzod* ‘новорожденный (ребенок)’ (*nav* ‘новый’ + *zod* ОПВ, *zoyidan* ‘рождать’), букв. ‘недавно рожденный’, возможно, калька с русского. Однако подобная модель композита присутствовала в таджикском языке традиционно. Ср. *parizod*, ш.-руш. *parizōd/t*, сар. *parizud* ‘красавица’ (букв. ‘из рода пери’), т. *odamizod*, ш.-руш. *odamizōd/t* ‘человек, представитель рода человеческого’ (букв. ‘рожденный человеком’), ср. перс. *nowzāde* ‘новорожденный’, *zādorud* *уст.* ‘ребёнок, дитя, детвора, домочадцы; семья, родной, близкий’ [11]

При этом в современном таджикском языке активна лексема *zoda* ‘рожденный; урожденный; сын; дитя, ребёнок; потомок’ [44] Данный элемент вошел в Таджикистане в состав современных фамилий.

Здесь можно отметить, что наряду с этим по тому же принципу в таджикском языке образованы композиты: *navzoy* ‘роженица; новорожденный (о ребёнке)’ (*nav* ‘новый’ + *zoy* ОНВ, *zoyidan* ‘рождать’), *navzoida* ‘только что, недавно родившая’ (*nav* ‘новый’ + *zoida* прич. прош. времени к *zoyidan* ‘рождать’).

Все эти слова восходят к др-ир. **žan-* ‘рождать’ [46,256]), ш. *zi-*, руш. *zau-*, вах. *yož-*: *yožd* ‘рождать, рожать (чаще о животных)’, сангл. *ažīy-*: *ažīd-* ‘рожать’ (о животных) [47]; т. *zo(i)dan* ‘рождать(ся)’ (о человеке); ш.-руш. *zā* ‘отел, рождение’ (о животных); *zā a/injīvdōw* ‘роды, схватки (о животных)’.

ш. *zeča* ‘роженица’ из т. диал. Бадахшана *z(a)iča* ‘роженица, оягнившаяся овца, коза’, т. кар., дарв., кул. *zača* [28,67], панджшер. *zača* ‘роженица’, т. *zoj*, перс. *zāj/č(a)* ‘родильница с первого по седьмой день после родов’, *zoja*, *zāča* ‘новорожденный’ [12, 406], *zājsūr* ‘пир, устраиваемый при рождении ребенка’, дари *zâč* ‘роженица с первого по сороковой день после родов’, панджшер. *začaxona* ‘дом, в котором родился ребенок’ [2,406; 9,36].

В ряде памирских языков отмечены лексемы с тем же значением: ишк. *zas*, снг. *zot*, перс. *zah*, вах. *za(y)* ‘ребенок, дитя, мальчик’ от того же корня. Причем в ваханском языке косвенная форма мн. ч. *zav*, букв. ‘дети’, исполь-

зуется как обращение мужа к жене, ср. ягн. обращение к супругу *pulrot* 'дети'[7,127; 45]. Наряду с этим в памирских языках южной группы присутствуют лексемы с значением «дитя, сын»: вах. *z(ə)man* 'сын, ребенок, дитя, птенец', ишк. *z(ə)man*, сангл. *z(ə)man*, йид., мдж. *zomon* 'дитя, сын, мальчик' < др.-ир. **zanma-na-*, **zan-* 'рождаться'. Однако, по мнению И.М. Стеблин-Каменского перечисленные слова усвоены, видимо, из индо-арийских, ср. др.-инд. *janman-* 'рождение, существо'[45,436, 437]

Возвращаясь к работе А.А. Семенова, подчеркнем то, что ученый осветил роль женщины в обществе, ее материнский вклад в его воспроизводство и ее подвиг в рождении и воспитании детей в трудных высокогорных условиях. Кроме того, он отметил вербальную сторону взаимодействия между матерью и ребенком. Именно в таком общении закладываются основы владения родным языком, выстраивается детская картина мира, языковая и ментальная, формируется мировоззрение человека. Обратимся к словам самого А.А. Семенова: «Уход за новорожденным и кормление ребенка составляют самую главную заботу туземной женщины. Она отдает детям все силы, здоровье и молодость; целые дни она проводит у крохотной постельки своего малютки, укачивая его, заботливо поправляет, осыпает его миллионами поцелуев и называет самыми разнообразными ласкательными именами, какие только может подсказать ее безгранично-любящее материнское сердце» [29,100]

Исходя из этого описания А.А. Семенова следует, что в силу особого отношения к детям и заботы о том, чтобы они выжили и окрепли, избежали влияния злых сил, предпринималось много магических действий, выполнялись особые апотропаические ритуалы по защите и оздоровлению ребенка, кроме того, многим детям давались описательные обозначения и эвфемистические охранительные имена, предотаращающие смерть. Так, в современном таджикском языке засвидетельствована лексема т. *tifli nošusta* 'новорожденный ребенок', букв. 'не(об)мытый ребенок', что связано с обычаем, согласно которому роженице не положено мыться три дня после родов, чтобы не вызвать явление алмасты [6, 53], поэтому не обмывают также и ребенка¹.

Среди описательных таджикских оборотов различного происхождения, применяемых для обозначения ребенка, выделяются: обозначение ребенка в сообществе как гостя: т. *mehmoni nav* 'новорожденный' (*mehmon* 'гость'+ *IZ+nav* 'новый'). Например, в шугнанской загадке говорится о «безгрешном

¹ Сходный обычай зафиксирован у киргизов, когда в качестве предохраняющего от смерти имени, мальчика называли Качкынтай («убежавший жеребенок», пожелание избежать смерти), Таштемир («камень-железо», пожелание стать как твердый, как железо) или имена-обращения, выражающие просьбу, чтобы ребенок остался жить, например, Турсун «пусть живет» (Фиельструп Ф.А. Рождение ребенка. Недоношенные младенцы // Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни кыргызов начала XX века. М.: Наука, 2016).

госте» из мира иного, которого следует встретить жертвой, познакомиться с ним: *memûn yodâ as yaub, miÿÿ wi-rd kaÿen, yu be ayb, memûn-and dindûn nist, miÿÿ-and sitxûn nist* ‘Гость приходит с того света, ему режут барана,

он невинный. У гостя нет зубов, у барана нет костей’. Знаменательно при этом, что дитя в ее разгадке обозначается *kûdak baĉâ*, то есть двойным обозначением, двумя терминами, имеющими значение «ребенок, дитя» и «ребенок, сын». Ср. также таджикское высказывание уже не только о самом ребенке, но и его воспитании: *Кудак хуб аст, адабаи аз ин ҳам хубтар аст* ‘Ребенок хорошо, а его воспитание – ещё лучше’ [50, 47].

В современных таджикских южных диалектах есть термины, в которых подчеркивается наличие у новорожденного души: *jondorak* ‘новорожденный, грудной ребенок’ (*jondor* ‘одушевленный, имеющий душу’ + *ak.DIM*), или его небольшой вес: *misqol(ak)* ‘новорожденный, младенец’ (букв. ‘размером с мискаль (обычно 4, 72 г.)’ из *misqol* ‘вес 25 г.; мелкий, мелочь’), о весе данной единицы в Таджикистане см. [14], а также *sulandî* ‘новорожденный, младенец’, ср. перс. *sulāmā* ‘the bones (and a bone) of the fingers and toes / сустав пальца руки/ноги’ [51], совр. перс. *solāmā* ‘сустав, фаланга пальца’ [11], (БПРС), ср. т. юж. диал. ‘подросток, мальчик, парень’.

В следующей возрастной группе, также относящейся к *раннему детству* (до 3 лет), отмечаются обозначения детей без различия пола.

Здесь отмечаются таджикский термин т.бад. *k/gûdak*, т. юж. диал. *gud/lak*, который был заимствован в ягнобский и памирские языки: ягн. *gudak*, ш. *k/gûdak* ‘ребенок, дитя; младенец, малыш; прил. маленький; в младенческом возрасте’, язг. *kudak* ‘ребенок, дитя’, который связывается с др.-ир. *k(a)uta- ‘маленький’ [46, 382]. В первой четверти XX в. Н.А. Кисляков зафиксировал для долины Вахио Боло обозначение ребенка на основе общетаджикского *kudak*: *Az hamûn Nusaj bolo, gulaka “kalak” game* ‘Выше того Нусая ребенка называют «каляк»’ [19, 46].¹

К лексемам, несущим значения, связанные с маленькими детьми до трех лет, без различия пола, относятся в севернопамирских языках 2-й компонент в композитах и сочетаниях: ш.-руш. *-buc* (м.р.), *-bic* (ж.р.) в ‘ребенок, детеныш животного; диминутив; обращение’, ‘эмф. молодец’, восходит к др.-ир. *put/ŭra- м. ‘сын, дитя’, др.-инд. *putrá-* ‘сын, ребенок; детеныш животного’, и.-е. *pu-tlo-s ‘дитя, сын’, *p̥u-: r̥ū/u- ‘маленький, малый (о детях, детенышах)’, т. *pisar, pus* ‘мальчик, сын’, ягн. *pulla* ‘ребенок, младенец, мальчик; младший; меньший, маленький’, ш. *pus* ‘сын’, вах. *pətr* ‘сын’, т. *pisar, pus* ‘мальчик, сын’.

¹ Существовали специальные святыи места, мазары, помогающие зачатию или отвращению определенных болезней. Так, по сообщению Н.А. Кислякова, в верхнем течении р. Хингоу на деревья-мазары близ кишлака Псода привязывали лоскутки материи с целью иметь потомство, а к скале-мазару на р. Оби-мазар, выше кишлака Сангвор, обращались с просьбой, чтобы дети не мочились во сне. [21].

В шуг.-руш. *-bus* лексикализовано как самостоятельное слово: ш.-ршв. *bus* м., ж. *bic*, сар. *by/Ûc* ‘дитя, ребенок, птенец, маленький’ (о плоде), а также в составе глагола: *bus č.* ‘рож(д)ать, давать плоды, начинать завязь’ (о животных, плодовых растениях); в язг. зафиксировано *boc* ‘детеныш животного’, *bəcək* ‘ребенок, маленький плод тыквы, дыни’, вах. (из ш.) *byc* ‘маленький’ (о плоде). Производные слова бдж. *buciki* (ж.р. *buciki*) ‘детство; молодость; детский’ (46, 316, 321–322).

К микрополю *ребенок, дети*, – помимо т. *farzand* ‘ребенок, дитя; потомок’ и *bača* ‘дитя; ребёнок, сын, мальчик; парень, детёныш (животного)’, – относятся лексемы, несущие значения, связанные с маленькими детьми. Они применяются в составе композитов: т. *bača-kačaho* ‘домашние’ (*bača* ‘дитя, ребенок’, *kūč* (из тюрк.) ‘семья, чада и домочадцы’) (Зарубин 1928, 530), ‘семья, домочадцы, кочевье, имущество’, т. юж. диал. *bačavu kača* ‘дети, семья’, т. диал. вандж. *bač(u)kač* ‘дети’, горон. *bačkač* ‘детвора’ (Богорад 1956, 47). Аналогично в памирских языках: ишк. *bačkač*, сангл. *baška/āč* ‘дети’, *kuč-at bač* ‘жена и дети, семья’, вах. *bačkáč, kūč-u bač*, мундж. *bāč-kāč* ‘семья, чада и домочадцы, жена и дети’, ш.-ршв. *bāč(-at)-kāč*, сар. *bačkač* ‘семья, дети, домочадцы’, *kūč(-at)-bāč* ‘дети, вся семья, домочадцы’ (употребляется преимущественно при расспросах о здоровье).

Сюда же примыкает: ршв. *balo*, сар. *balo* ‘дитя, ребенок, детеныш птиц и зверей’. Заимств. из тюрк кирг., узб. *bala* ‘дитя, ребенок’.

Среди описательных оборотов в этой группе представлены обозначения различного происхождения, передающие особенности малышей: т. юж. диал. *devoldavak* ‘ребенок, подросток, соб. дети’ (*devol* ‘стена’+ *avidan* ‘бегать’), *du/əmravak* ‘ребенок 2-3 лет’ (*du/əm* ‘хвост’+ *raftan* ‘бегать’), т. юж.диал. *sherak* ‘крупный маленький, грудной ребенок; активный, храбрый, легкомысленный’ (*sher* ‘лев’+ *ak.DIM*).

В эту же группу входит и термин, также получивший широкое хождение в шугнанском языке: *zulik* ‘маленький (ребенок), малютка’, *zulikik Muk* ‘маленький Мук’ (персонаж сказки В. Гауфа «Маленький Мук») с двойным диминутивным суффиксом, ср. вторичное «детство»: *tu zuliki lap ajoyib vad* ‘в моем детстве мне (все) было очень интересно’, *At māš zulikenām fukaθ xu tumenqati nūst kicoren ti* ‘А мы, дети, все садились со своими бабушками на кичор’ (*shughni_corpus*).

2 Проведение праздника Навруз

Новый год, Навруз, который в ираноязычных и ряде других стран проводится весной, олицетворяет собой новое начало, свежесть, рост. Здесь дети, а также разного рода растения, зелень, также выполняют ведущие роли.

А.А. Семенов, наблюдавший праздничные обычаи в горных районах Таджикистана (Заравшан, Каратегин и Дарваз) в начале XX века, особо выделил такую распространенную игру детей, как «битье яиц». Он писал, что как и везде, дети в регионе особенно любят отдых и игры, а таджикское

население радовало своих детей, наряжая их и давая им окрашенные в разные цвета яйца. А.А. Семенов подметили, что во время праздника взрослые также обмениваются крашеными яйцами. Дети же целый день «катают яйца» на свежем воздухе, а взрослые с удовольствием наблюдают, как веселятся дети [33,90–92]

Об игре «катание яиц» упоминает и А.А. Бобринской в отношении горцев Вахана и Ишкашима. Он пишет, что во время торжеств люди красят яйца в разные цвета и собираются вместе, чтобы разбить и «катать» яйца [10,98]

И по сей день в Шугнанае во время праздника Навруз самыми распространенными играми для детей является «битва на яйцах, соревнование, кто сможет устоять и чье яйцо не расколется. Два игрока ударяют заостренными концами яиц (ш. *tarmurx sarak*) друг о друга или катают яйца, соревнуясь, чье яйцо треснет. Удачный год ожидает того, чье яйцо останется целым, поскольку считается, что в данном соревновании заложена идея, символизирующая борьбу добра и зла. Такие конкурсы продолжаются до тех пор, пока яйца всех участников не бывают разбиты.

М.С. Андреев описал празднование Навруза, – этого важного для таджикского анрода праздника оновления и начала сельскохозяйственных работ, – и приемы определения календарных дат в Бадахшане. Он зафиксировал, что в то время дата определялась для каждого селения отдельно на месте религиозным служителем (*халифа*). Для этого во многих селениях существовали специальные знаки на приметных точках рельефа и дополнительно рассчитывался угол падения солнечного луча внутрь дома; о наличии в Хуфе таких приемов календарного счета упоминает [6;27] устройства из камня, работающие по принципу теодолита, были известны и в Ишкашимае и Вахане. Сходные способы определения на местном рельефе дат зимнего и летнего солнцестояния отмечает М.С. Андреев и для долины Панджшер в Афганистане; в дополнение он приводит рассуждения приехавшего в Ташкент горного таджика о сложности определения на равнине точного времени календарных дат [6,26,67]

О важности состояния «ритуальной сытости» упоминают М.С. Андреев и А.А. Половцев, описывая заготовку хозяином дома прутьев, что применялось в целях магического воздействия на будущий урожай. Они пишут: «По возвращении хозяина домой, крошат хлеб, бывший у него за пазухой, в чашку с молоком, и он наедается этим кушаньем досыта. Делается это в знак того, что наступивший год должен быть «сытный, обильный, урожайный» [9].

В заключение еще раз можно подчеркнуть, что создание такими пионерами истории и этнографии, как М.С. Андреев и А.А. Семенов, хронологической шкалы этнографических и лингвокультурных исследований заложило основы последовательной традиции. И сегодня специалисты Таджикистана и многих других стран мира опираются на наработки и результаты этих ученых.

Литература

1. Андреев М.С. Вещие сны, несколько примет и детская игра «Сорока-ворона» среди некоторых народов, главным образом Средней Азии // ИСКМОПСИП. 1923. Вып. 2. С. 1–34.

2

А 3. Андреев М.С. Из материалов по мифологии таджиков // Сб. По Таджикистану. Ташкент, 1927а.

д 4. Андреев М.С. Поездка летом 1928 г. в Касанский район // Изв. Общества для изучения Таджикистана. 1. Ташкент, 1928.

е 5. Андреев М.С. К характеристике древних таджикских семейных отношений // Известия ТФАН Сталинабад. 1949. № 15.

в 6. Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Вып. I–II. Сталинабад, 1953; 1958.

7. Андреев М.С. Материалы по этнографии Ягноба (Записи 1927–1928 гг.). Мюдгот. к печати, ред. и предисл. А. К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1970.

8. Андреев М.С., Пещерева Е.И. Ягнобские тексты с приложением ягнобско-русского словаря Афганисанендолим Ста Андреев (Материалы визитов в К. А. Писарчик М. 1926). Издательство Академии наук СССР. 1957.

9. Андреев М.С., Половцев А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан. СПб., 1911.

10. Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). М., 1908.

11. БПРС – Большой персидско-русский словарь. Сост. В.Б. Иванов. Т. I–III. М.: Наука, 2020–2024.

12. Гаффаров М.А. Персидско-русский словарь. Под ред. Ф. Е. Корша. Том 1-2. М.: Наука, 1976.

13. Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М. Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык (тексты, словарь, грамматический очерк). Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1976.

14. Давидович Е.А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии // Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрич. систему; Давидович Е.А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970.

15. Додухудоева Л. Научное наследие А.А. Семенова и М.С. Андреева (архивные документы). Под общей ред. акад. Р.М. Масова. Душанбе, 2013.

16. Додухудоева Л.Р. Вербальный код Навруза: лингвокультурологический анализ сангличских текстов Ш.П. Юсуфбекова // Армянский гуманитарный вестник. Памяти Валентина Александровича Ефимова. Специальный выпуск. Москва–Ереван, 2022.

17. Додухудоева Л.Р. Об обозначении половозрастных групп и семантическом наполнении поля *дети* в иранских языках Таджикистана // Дети в языке и культуре: (избранные) материалы конференции (23–24 ноября 2023 г.). М.: ООО “МАКС Пресс” (Москва). С. 36–44.

18. Зарубин И.И. Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги // В.В. Бартольд. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927. С. 361–374.

- 19.Кисляков Н.А. Описание говора таджиков Вахио-Боло // Труды Таджикостанской базы АН СССР, 1936. Т. 3. С. 29–57.
- 20.Кисляков Н.А. Семья и брак у таджиков // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. XLIV. М.–Л., 1959. С. 29–57.
- 21.Кисляков Н.А. О некоторых древних поверьях таджиков долины реки Хингоу // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. 80. М., 1960.
- 22.Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969.
- 23.Пещерева Е.М. Некоторые игры у оседлого населения Туркестана // Бюллетень Среднеазиатского университета. 11. Ташкент, 1925. С. 81–98.
- 24.Пещерева Е.М. Домашняя и семейная жизнь. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. XXIV. М.–Л., 1954.
- 25.Пещерева Е.М. Игрушки и игры у таджиков и узбеков (по материалам 1924–1935 гг.) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XVII. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 22–94.
- 26.Пещерева Е.М. Свадьба в ремесленных кругах Каратага // Семья и семейные обычаи у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978.
- 27.Писарчик А.К. Новый год в припамирском календаре // Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Вып. II. Сталинабад, 1958. С. 329–333.
- 28.Рахимов М.Р. Рождение и воспитание ребенка // Таджики Каратегина и Дарваза. Под ред. Н.А. Кислякова, А.К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1976.
- 29.Семенов А.А. Отношения к детям у горных таджиков // Этнографическое обозрение 1899. № 3. С. 99–108.
- 30.Семенов А.А. Из области религиозных верований горных таджиков // Этнографическое обозрение. М., 1900. Т. 47. №4. С. 81–88.
- 31.Семенов А.А. Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. М., 1900–1901. Ч.1. Грамматический очерк и памятники народного творчества. М., 1900 56 с.; Ч. 2. Памятники народного творчества и словарь. М., 1901. 74 с.
- 32.Семенов А.А. По границам Бухары и Афганистана (Путевые очерки 1898 г.) // Исторический вестник. Год XXIII. 1902, № 3–4. т. 87, № 3. С. 961–992; т. 88, № 4. С. 98–122.
- 33.Семенов А.А. Этнографические очерки зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903.
- 34.Семенов 1916 – История Шугнана (Тарих-и Шугнан). Пер. А.А. Семенова. Ташкент, 1916.
- 35.Семенов А.А. Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки. Путеводитель по Каттагану и Бадахшану: данные по географии страны, естественно-историческим условиям, населению, экономике и путям сообщения. Пер. П.П. Введенский, Б.И. Долгополов и Е.В. Левкиевский; под ред., с предисл. и прим. А.А. Семенова. Ташкент: Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, 1926.
- 36.Семенов А.А. Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов // Мир ислама. Т.1. №4. СПб, 1912.

37. Семенов А.А. Материальные памятники арийской культуры // Таджикистан. Сб. статей. Ташкент, 1925. С. 113–150.
38. Семенов А.А. Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии. Сталинабад, 1944.
39. Сухарева О.А. Мать и ребенок у таджиков (обряды и представления, связанные с материнством и младенчеством у таджиков г. Самарканда и кишлаков Кусохо, Канибадама и Шахристана) // Иран. Л., 1929. 3. С. 107–154.
40. ТКД – Таджики Каратегина и Дарваза. Под ред. Н.А. Кислякова, А.К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1976.
41. Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 3. Душанбе, 1976.
42. Троицкая А.Л. Первые сорок дней ребенка среди оседлого населения Ташкента и Чимкентского уезда // В.В. Бартольд. Туркестанские друзья, ученики и читатели. Ташкент, 1927. С. 349–360.
43. Троицкая А.Л. Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана (по материалам Среднеазиатской экспедиции 1926–1927 гг.) // Советская этнография. 1935. № 6. С. 109–135.
44. ТРС – Таджикско-русский словарь. Под ред. Д. Саймиддинова и др. Душанбе, 2006.
45. ЭСВЯ – Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999.
46. ЭСИЯ – Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. М.: Вост. лит. Т. 2. 2003; Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. М.: Вост. лит. Т. 4. 2011; Т. 5. 2015; Т. 6. 2020.
47. Юсуфбеков Ш.П. Сангличский язык в синхронном и историческом освещении. Дисс. д. фил. наук. М., 1999.
48. Юсуфбекова З. Семейные отношения внутри большой неразделенной семьи в Шугане (конец XIX – начало XX вв.). Душанбе, 1985.
49. Юсуфбекова З. Семья и семейный быт шугнанцев, конец XIX – начало XX века. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан. М.: ИЭА РАН, 2015.
50. Юсуфбекова З., Шовалиева М. Проблемы воспитания и социализации детей как механизм межпоколенной трансмиссии культуры у таджиков // МУАРРИХ / ИСТОРИК. 2017. С. 47–51.
51. Steingass F.J. A Comprehensive Persian-English dictionary, including the Arabic words and phrases to be met with in Persian literature. London: Routledge & K. Paul, 1892.

Гафур Шерматов
Душанбе

«ШЕЙХ ТУРКЕСТАНА». КТО ОН, ОРГАНИЗАТОР И ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ТАДЖИКИСТАНА?

30 сентября исполняется 150 лет со дня рождения выдающегося русского и советского востоковеда, дипломата, заслуженного деятеля науки Таджикской ССР, первого директора и организатора Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикистана, академика Александра Александровича Семенова.

Пролог Весной 2012 года к автору статьи обратился доктор исторических наук, профессор Виктор Дубовицкий с просьбой попытаться найти могилу академика А.А. Семенова, доселе считавшуюся утерянной. Более того, по его словам, многие узбекские коллеги - историки считали, что А. А. Семенов умер в Ташкенте и захоронен там, но розыски его могилы в

Ташкенте и захоронен там, но розыски его могилы в

Выпускник Лазаревского института восточных языков А. А. Семенов

Академик А.А.Семенов и молодые ученые А.Мухтаров и Н.Нурджанов Сталинабад (Душанбе) 50-е годы XXвека

Ташкенте не увенчались успехом. Поиски в Душанбе на православном кладбище проходили летом и осенью, сложно и нелегко, большая терри-

тория, жара, могилы и проходы, заросшие дикорастущей растительностью, и все же в октябре 2012 года захоронение академика А.А Семенова и его супруги было найдено.

«Надеюсь, что ученые учреждения Узбекистана и Таджикистана достойно увековечат память А.А. Семенова – «Шейха Туркестана»...». Владимир Минорский - русский востоковед и дипломат, исследователь истории, профессор Лондонского

университета, Статский советник, дипломат, вице-губернатор

Осенью 1897 года состоялось очередное заседание краеведов Лазаревского института восточных языков в Москве. Слово было предоставлено студенту, недавно побывавшему в Бухаре и Самарканде, окончившему второй курс института Александру Семенову. Традиционные азиатские базары, тайны дервишских орденов, мечети с высокими минаретами, памятники Самарканда и Бухары, высокие горы Кухистана – его доклад вызвал неподдельный интерес присутствующих. Он говорил об особенностях жизни, истории и культуры таджиков, подчеркнул не изученность Восточной Бухары. Эта поездка открыла будущему востоковеду Среднюю Азию и зажгла в его душе потребность ее дальнейшего познания.

На перспективного молодого ученого обратил внимание русский этнограф, археолог, путешественник граф Алексей Алексеевич Бобринский. И пригласил его в экспедицию по Восточной Бухаре и Памиру. За годы

Директор института истории, археологии и этнографии Академии Наук Таджикской ССР, действительный член Академии Наук Таджикской ССР, член корреспондент Академии Наук Узбекской ССР, заслуженный деятель науки Узбекской и Таджикской республик, доктор исторических наук, профессор А.А.Семенов

экспедиций путешественники прошли через Зеравшанский район, могучие хребты Каратегина, Дарваза и Памира, побывали в Гиссаре, Каратегине, Кулябе. Результатом участия Александра Семенова в экспедиции стала опубликованная в Москве в 1903 году книга «Материалы для изучения наречий горных таджиков в Центральной Азии», за которую Семёнов получил золотую медаль Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. И это первое знакомство с территорией нынешнего Таджикистана и его древним народом еще больше укрепило решение посвятить свою жизнь интересному краю.

С 1900 года начинается служебная деятельность Семенова в аппарате Туркестанского генерал-губернаторства. Занимая различные должности, он не прерывает научных занятий. Здесь же он получил блестящее знание таджикского, узбекского, арабского и турецкого языков. Связанные с выполнением служебных обязанностей многочисленные поездки по Средней Азии, а также работа над множеством восточных рукописей расширили научный кругозор А. Семенова и дали ему возможность собрать и опубликовать интересные материалы преимущественно по истории и истории культуры таджиков, нередко до того совершенно неизвестные. Тогда же А. А. Семёнов перевел с таджикского языка сказание об основании Бухары.

Летом 1906 года А. А. Семенов был переведен из Ашхабада в Ташкент в канцелярию Туркестанского генерал-губернаторства. 26 июня 1906 года он был введен в состав Наблюдательного комитета за ведением дел Туркестанской публичной библиотеки и музея. В это же время А. А. Семенов активно участвует в работе Туркестанского отдела Русского географического общества. В силу своего служебного положения поддерживает исследовательскую работу проводимую востоковедами М. С. Андреевым, В. Ф. Минорским, В. Л. Вяткиным. Уже в тот период его работа по изучению восточных рукописей расширила горизонт молодого ученого, дала возможность опубликовать интересные материалы, посвященные истории прошлого таджикского народа. В июне 1911 года

А.А. Семенов стал заниматься в качестве чиновника дипломатической работой. В период Первой Мировой войны он был назначен вице-губернатором Самаркандской области. Он проработал в Главном управлении Туркестанского края и по ведомству Министерства иностранных дел до 1917 года. Работая на этой должности, он быстро вошёл в когорту знаменитых русских востоковедов, активно участвуя в работе Туркестанского отдела Русского географического общества, поддерживая исследования проводимые востоковедами В.Ф. Минорским, А.С. Андреевым, В.Л. Кастальским всеми теми, кто составил славу русского востоковедения в Средней Азии на рубеже 20-го века. В этот же период А.Семенов опубликовал более шестидесяти работ, большинство из которых были посвящены изучению прошлого таджикского народа.

Академики Академии наук Таджикской ССР (первый слева А. А. Семенов). Сталинабад (Душанбе) 1957 г. Фото Н. Софьиной

Историк, литературовед, археолог

А. А. Семенов дослужился до чина статского советника, то есть генерала, и был награждён многими орденами Российской империи и Бухарского эмирата.

Октябрьскую революцию Александр Александрович встретил сочувственно, хотя одобрения советской власти публично он никогда не высказывал. 25 апреля 1918 года А. А. Семенов был командирован Совнаркомом Туркестанской АССР в Москву и Петроград для решения вопросов, связанных с открытием в Ташкенте университета. При этом Александр Александрович смог добиться встречи с главой Советского государства Владимиром Ильичом Лениным и тот отправил его в Ташкент создавать университет и в придачу знаменитый поезд с известными профессорами, приборами, учебниками и наглядными пособиями.

С 1921 года А. А. Семёнов стал профессором на Восточном факультете Среднеазиатского университета в Ташкенте. А. А. Семенов очень тесно был связан с Обществом изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, активно участвуя в заседаниях общества, часто выступал с докладами. Александр Семенов как человек был дальновидный и бескомпромиссный. На рубеже сложных 40-х годов ученый-историк отстаивал идеи, за которые вполне мог угодить в ГУЛАГ. «Запомнилось, пишет узбекский советский искусствовед, профессор Лазарь Ремпель, - как в одной из своих работ Семенов назвал иранскую культуру арийской. Последовала суровая и далеко не во всем справедливая критика, в которой доказывалось, что А.А. Семенов стоит на чуждых позициях. Пышнотелый, грузный, с колючими стрелками закрученных в разные стороны усов, Александр Александрович сидел на поскрипывающем под ним стуле в окружении соболезнующих ему

нейтралов и, как бы рассуждая сам с собой, сказал: «Ну что ж удивительного в том, что я плохой марксист, было бы удивительно, если бы выяснилось обратное - что бывший губернатор Туркестана стал хорошим марксистом».

*Академик А. А. Семенов и ученый, литературовед и востоковед
Камол Айни. Сталинабад (Душанбе) 1957 год*

В начале 50-х годов прошлого века А. Семенов переезжает из Ташкента в Душанбе, где 1951 г. на базе Таджикского филиала АН СССР была учреждена Академия наук Таджикской ССР, А.А. Семенов был избран действительным членом вновь образованной академии. Понимая заслуги Семенова в становлении развитии исторической науки в Таджикистане, руководство Республики и Президиум АН Таджикской ССР, просили ученого взять на себя задачу возглавить Институт истории, археологии и этнографии. Возглавив Институт истории, Александр Александрович свои административные обязанности совмещает с большой научной и педагогической работой.

Пожалуй, даже сегодня, через много лет после его кончины, трудно найти человека, который знал бы историю Таджикистана лучше Александра Семенова. Полвека кропотливой работы с древними рукописями, глубокое знакомство с историей страны и народа, изучение таджикского и узбекского языков сделали Александра Александровича Семенова выдающимся ученым-востоковедом.

Дом № 4 на улице Истравшан, где, когда то проживал академик А.А. Семенов. После его смерти там находилась мемориальная квартира – музей ученого. В настоящее время дом снесен. Фото Г. Шерматова.

В огромном списке научных трудов профессора Семенова можно встретить работы по истории, археологии, литературоведению, переводы памятников художественной и научной литературы прошлых веков, описание рукописей и т.п. Одной из заслуг Семенова являлась его работа по воспитанию научных кадров республики. Сколько времени он потратил для организации защиты диссертаций аспирантами – таджиками в Ташкенте, Москве и Ленинграде. Чтобы выявить способных и тяготеющих к науке молодых студентов, ученый преподавал в Таджикском государственном университете и Душанбинском государственном педагогическом институте. А.А. Семенов вел историю Средней Азии XVI - середины XIX вв. Такой же, но значительно расширенный и углубленный курс читался им для аспирантов. Кроме того, у студентов-старшекурсников и аспирантов он вел курс источниковедения по истории Средней Азии, а у студентов-археологов - курсы арабской палеографии, средневековой среднеазиатской метрологии и курс «Хронология Востока». Многочисленные экспедиции института возглавляемого А. А. Семеновым, - историков, этнографов, археологов ежегодно выезжали в различные уголки республики, собирая богатейший материал, освещающий развитие Таджикистана много веков назад, давая представление о высокой ма-

териальной культуре таджикского народа. Александр Александрович Семенов получил огромное признание в научном мире. Многочисленные публикации по важным проблемам средневековой истории Средней Азии: «К вопросу о происхождении Саманидов», «Абу-Али ибн-Сина», «Описание персидских, таджикских

Центральное городское кладбище Душанбе. Памятник-obelisk на могиле академика Александра Александровича Семёнова. Фото Г. Шерматова

рукописей», переводы «Муким – ханской истории», «Истории Убайдуллы – хана» 18-века и другие не менее значимые исследования ставят Семенова в первый ряд ученых – исследователей таджикской истории. Рассказывая о научных трудах академика А.А. Семенова и его вкладе в мировую науку, можно с уверенностью сказать, что все его труды по истории таджикского народа заслуживают самого серьезного внимания и изучения.

*Бахринисо Кабилова
Душанбе*

РОЛЬ НУСРАТУЛЛО МАХСУМА В ВОЗРОЖДЕНИИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТАДЖИКОВ

История свидетельствует о том, что XX век \ стал для древней и цивилизованной таджикской нации веком усилий и борьбы за возрождение и восстановление государства - веком пробуждения нации...

В деле сохранения нации, возрождения государства, защиты национальных интересов, свободы, справедливости и исторической истины в отношении таджикского народа очень велики заслуги Нусратулло Махсума.

Эмомали Рахмон [5]

В начале XX века у истоков национальной идентичности таджиков стоял Нусратулло Максум, внесший решающий вклад в образование Таджикской автономной республики, став первым ее руководителем. «В этой должности, – отмечал академик Р.Масов, – ему приходилось активно участвовать в решении многих политических, экономических, социальных и культурных преобразований, происходивших в суровые, порой трагичные годы становления Советской власти»[3, 9]. О правильном подходе к решению разнообразных вопросов тогдашней жизни республики говорят публичные выступления Нусратулло Махсума на съездах Советов, различных совещаниях и митингах, проходивших в то время очень часто.

Человек исключительной личной честности и порядочности, прекрасно знавший традиции и особенности своего народа, Нусратулло Максум боролся против допускавшихся по инициативе ЦК РКП(б) грубых нарушений национальных традиций. В частности, он выступал против массовых репрессий зажиточных элементов в республике, когда энергичных и деловых людей, пользовавшихся заслуженным уважением среди местного населения, однозначно относили к категории баев и репрессировали. Он был против бездумного применения к условиям Таджикистана стереотипов классовой борьбы в Центральной России, считал необходимым учитывать специфику и своеобразные условия Таджикистана. Разумеется, его самостоятельность и неординарность неоднократно вызывали негативную реакцию со стороны ряда работников Центрального Комитета Компартии Таджикистана и, следовательно, со стороны ЦК ВКП(б).

Как Председатель Ревкома Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики (ТаджАССР) он был избран Почетным Председателем Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, созданного выдающимися русскими учеными в Ташкенте, сразу после образования ТаджАССР в начале января 1925 г. Конечно, для него национальный миф (государственная идентичность) должен был основываться на объективных факторах: знании Таджикистана и любви к нему, на исторической самобытности, гордости за создаваемое народное государство, стремлении овладеть природными богатствами Таджикистана посредством способностей, трудолюбия и нравственности его людей, развития их культуры, формирования гражданского сознания веками эксплуатировавшихся властителями, феодалами и муллами тружеников, использования природных богатств на благо людей и т.п. Он был далек от субъективно-мифологической окраски идентичности, от того, что сейчас называется национально-религиозной идентичностью.

Уже в феврале 1925 г. была определена программа Общества, в которой предусматривалось проведение этнографических, филологических, исторических, физико-географических и экономических исследований. Главным направлением Общества было изучение не только территории Таджикистана, но и других районов Средней Азии, населенных таджиками, то есть, той исторической общности таджиков, которые выходили за пределы современного Таджикистана. В принятом Уставе Общества регламентировались основные принципы работы этой добровольной научной организации. Членами ее могли быть как ученые-востоковеды, так и практические работники. Разрешалось вступать в Общество всем, кто оказывал ему услуги, интересовался ираноязычными странами и народами [6,7].

В состав правления Общества были избраны А.А.Знаменский – уполномоченный Народного Комиссариата иностранных дел в Средней Азии, 1923-1924 – уполномоченный ЦК РКП(б) в Бухарской НСР – полпред СССР в Бухаре. Будучи юристом по профессии, он увлекался востоковедением. По-видимому, работая в Средней Азии, он знал об этническом составе региона, поэтому оказывал всяческую помощь членам Общества – А.А.Семенову, изучавшему, в частности, Афганистан в рамках работы Общества [1], а также организатору и участнику многих этнографических и лингвистических экспедиций в Таджикистане и других республиках Средней Азии, тонкому знатоку быта, языков и говоров народов Востока М.С.Андрееву, а также геологу И.И.Бездеке.

Почетным членом Общества являлся академик В.В.Бартольд, внесший огромный вклад в изучение истории народов Средней Азии, в особенности таджикского народа. Безусловно, все эти ученые знали и своими исследованиями доказали, что таджики – один из древнейших коренных народов Средней Азии с высокой культурой, которые на протяжении тысячелетий отстаивали права на независимость.

Активными членами Общества также являлись профессор и преподаватели Среднеазиатского государственного университета, чья научная деятельность была тесно связана с изучением Таджикистана и таджиков.

Работа членов Общества проходила в сложных условиях, не хватало средств для организации экспедиций и издания научных трудов. И это понятно, ведь финансирование Таджикистана осуществлялось через узбекистанские финансовые органы, последние же злоупотребляли своими правами. Правительственные учреждения Узбекской ССР использовали вхождение Таджикистана в состав своей республики для ущемления экономических и культурных интересов таджикского народа. Более того, оказанную союзным правительством всестороннюю помощь Таджикистану финансовые органы Узбекистана использовали в интересах развития своих районов и областей (5, 499). Но, как нам известно из официальных источников, финансовую помощь в проведении исследований оказывал руководитель республики Нусратулло Максум. В 1925 году в Ташкенте был опубликован сборник статей «Таджикистан». Отмечая роль Нусратулло Максума в создании Общества и в организации исследовательских работ

М.С.Андреев в предисловии к своему «Краткому отчету о работах этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 г.» писал: «...позволю себе принести глубокую благодарность Таджикской республике, нашедшей возможность отпустить необходимые средства на проведение экспедиции и издание ее работ, в особенности председателю ЦИК республики Нусратулла Максуму, почетному председателю Общества для изучения Таджикистана...» [8, 16]. Также в предисловии к книге «Музыка таджиков. Музыкально-этнографические материалы, собранные и записанные на 1 Всетаджикском слете певцов, музыкантов», изданной в 1932 году, ее автор Н.Н.Миронов написал следующее: «Считаю для себя приятным долгом выразить мою искреннюю признательность всем лицам, оказавшим мне различного рода помощь и содействие как в деле собирания и записывания настоящих музыкально-этнографических материалов Таджикистана, так и их издания, а именно председателю ЦИК тов. Нусратулле Максуму, председателю СНК ТаджССР тов. Хаджибаеву и др. Благодаря их энергичной поддержке, как самой идеи духовных ценностей народа, так и ее практического осуществления, книга «Музыка таджиков» вышла в свет, несмотря на целый ряд серьезных препятствий, угрожающих срывом изданию этой книги».[4, 11]

За период с 1925 по 1929 гг. Общество опубликовало ряд работ, которые получили признание во многих странах, а его ученые способствовали установлению прочных связей с центральными научными учреждениями СССР и ряда зарубежных стран.

На открытии II съезда Советов Таджикской АССР 21 апреля 1929 г. Председатель ЦИК Нусратулло Махсум подчеркивал: «Обобщая все наши достижения в Таджикистане и предстоящие задачи, отмечу, что мы в течение этого периода провели большую работу, но не без помощи со стороны других республик. Нам помогали для того, чтобы мы сумели более успешно проводить свою работу, так как средств и кадров для этого у нас было очень и очень мало» [7,2-6].

Еще 5 лет назад в 1924 г. Нусратулло Махсум активно выдвигал предложение об образовании Таджикской ССР, считая, что, как по численности таджиков, так и по компактности их проживания это является вполне реальным и необходимым. Но размежевание базировалось на способе легитимации создававшегося государства, не в последнюю очередь, и как советского, народного, а не только этнического. Политические, исторические и культурные события можно оценивать по-разному. По-видимому у Нусратулло Махсума был свой баланс между собственно национальными ценностями (символическим пространством) и политической реальностью тех лет. Ясно, что он четко различал национальное и институциональное, то есть новые формы общественной жизни.

Образ Нусратулло Махсума как простоватого и необразованного дехканина - конечно, далек от истины. Он был политическим самородком. Настроения гнева и протеста стали для него мотивом активного исторического действия, он умел найти баланс общественных сил. Ему приходилось строить будущее, не отходя от настоящего. Его жизнь принадлежала Таджикистану и истории, и он

сумел вывести Таджикистан на основное течение мировой истории и политики. Он боролся за государственную (политическую) самостоятельность Таджикистана, за самоопределение наравне с другими вновь возникшими государственными образованиями в тогдашней Средней Азии. Не только знание и изучение народной культуры, языка и т. д., а переход на позиции народа, слияние с ним становятся для него лозунгом.

Социальная идентичность трудящихся – это было то новое, что революция добавила к самосознанию веками угнетавшегося деспотическими политическими режимами народа. Национальное сознание - это не только верное историческое (прошлое) сознание. Nation создают не только кровь (кровное родство, родовая общность) и почва (территориальное соседство), а и культура и цивилизация (государственность), и солидарность в борьбе с несправедливым миропорядком.

Но, как известно, большое реализуется не скоро. Людей нельзя припилить только национальной булавкой. Кто считает себя нацией, должен обладать конкретным представлением, характеризующим ее во всех аспектах. Нусратулло Махсум был готов к преодолению любых трудностей во имя будущего Таджикистана, к самоотверженному движению в историческую неизвестность.

История свидетельствует о том, что XX век стал для древней и цивилизованной таджикской нации веком усилий и борьбы за возрождение и восстановление государства – веком пробуждения нации. Впервые в истории человечества на карте мира появилось государство с названием Таджикистан.

В ходе борьбы таджикского народа за свободу, справедливость и восстановление национального государства особенно важное место заняли 20-е годы прошлого века. Ведь именно в эти годы решались вопросы сохранения государства и нации, а также судьба таджикской литературы и культуры.

В этот период на арену борьбы за определение судьбы таджикской нации и государства вышли такие достойные люди нашей Родины, как Нусратулло Махсум и Шириншо Шотемур, Чинор Имомов и Абдулкодир Мухиддинов, Садриддин Айни. Именно благодаря их последовательным усилиям Таджикистан был образован как Республика. Нусратулло Махсум, будучи первым ее руководителем, проявляя чрезвычайную смелость и политическую отвагу, прилагал выдающиеся усилия для справедливого территориального размежевания, боролся за возрождение национального облика таджикского народа и подчеркивал, что таджики должны быть признаны в качестве одного из древнейших народов Центральной Азии, имеющего многотысячелетнюю историю и культуру.

С именем Нусратулло Махсума тесно связан целый период в истории таджикского народа, – очень сложный и судьбоносный этап, – а также великие свершения нашей страны.

Литература

1. *Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушбеги*. Предисловие / А.А.Семенов / Путеводитель по Каттагану и Бадахшану: данные по географии страны, естественно-историческим условиям, населению, экономике и путям сообщения /Пер.: П. П.Введенский, Б. И. Долгополов и Е. В. Левкиевский; под ред., с предисл. и прим. А. А. Семёнова. — Ташкент: Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, 1926.
2. История таджикского народа. Т.5. Душанбе, 2001.
3. Масов Р. Всетаджикский староста. Нусратулло Махсум. Речи, доклады, статьи и материалы о его жизнедеятельности. Душанбе, 1997.
4. Миронов Н. Музыка таджиков. Сталинабад, 1932.
5. Рахмон Э. Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на церемонии открытия бюста Нусратулло Махсума в Раште. 27 июня, 2006
6. Фаньян Д. К истории советского строительства в Таджикистане (1920-1929 гг.) // Сб. документов. Сталинабад, 1946.
7. ЦГА РТ. Ф.12, Оп.1, Д.16, Лл.2-6. Стенограмма. Перевод с таджикского языка на русский Масаидова.
8. Этнографическая наука а Таджикистане (1920-1990гг.). Душанбе, 2002.

Гафур Шерматов
Душанбе

ТАДЖИКИСТАН ОТКРЫЛ ЕГО СЕРДЦЕ

24 сентября 2023г исполнилось 150 лет со дня рождения Михаила Андреева путешественника, дипломата, комиссара народного образования Ходжентского уезда, основателя Туркестанского восточного института в Ташкенте, первого исследователя жизни и быта таджиков долины Панджшер, автора «Таджиков долины Хуф» и, наконец, основоположника этнографической науки в Таджикистане

18 августа 2022 года автору посчастливилось найти на душанбинском православном кладбище могилу выдающегося российского и советского дипломата, востоковеда, исследователя культуры Таджикского народа, члена-корреспондента Академии наук СССР этнографа и языковеда, заслуженного деятеля науки Таджикской ССР и Узбекской ССР Михаила Степановича Ан-

дреева. Сказать, что я искал ее долго, это значит, ничего не сказать. Я искал ее долгие 10 лет среди более одного миллиона пятисот тысяч захоронений русских людей. Даже тогда, когда многие мои коллеги историки советовали мне прекратить бесплодные, по их мнению, поиски, так, как одни считали, что обелиск и надгробие М. С. Андреева разрушились от времени, а другие верили, что он перевезен в Ташкент и там захоронен. И я очень рад, что сегодня все не равнодушные к нашему прошлому люди, историки, этнографы смогут прийти на кладбище и увидеть обновленный обелиск после реставрации и могилу известного ученого.

Первые путешествия

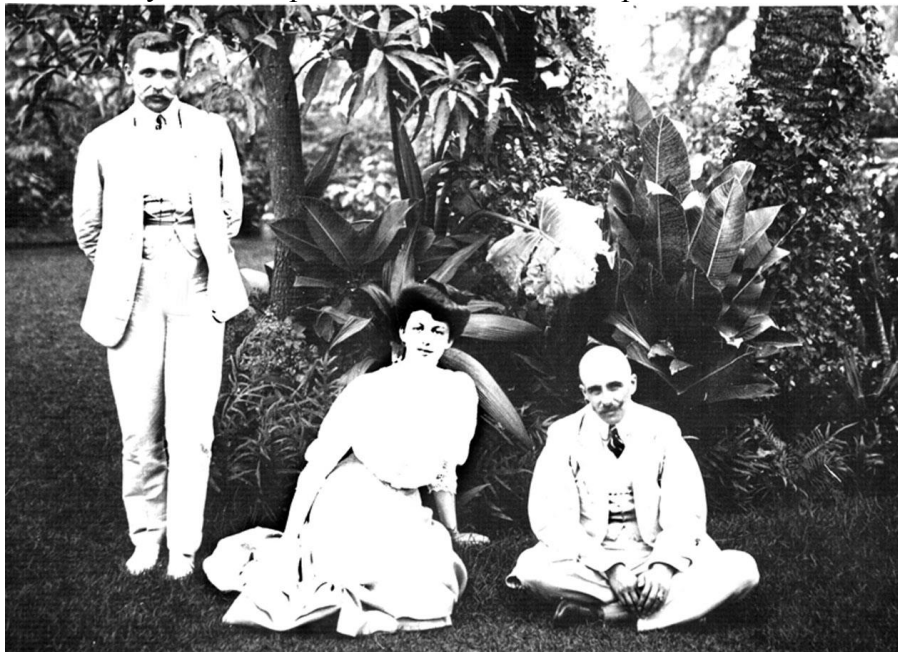
Михаил Степанович Андреев родился в Ташкенте 24 сентября 1873 года, учился в Ташкентской гимназии, затем в Ташкентской Учительской Семинарии одновременно поступив на учебу в медресе Ишан-Кули Додхо будучи единственным европейцем, обучившимся в среднеазиатском медресе. В медресе русского семинариста встретили с нескрываемым любопытством. Еще бы! Первый европеец пожелавший учиться в мусульманском медресе и переступивший его порог. «Муллобачаи урус», - шепчет кто-то вслед, и вот уже зашелестело от одного к другому - «муллобачаи урус», «муллобачаи урус». Только мударрис остается спокойным и невозмутимым. Русский юноша сам пришел в медресе учиться. Пусть он познакомится с основами великого учения мусульман. Велик Аллах! Учение в медресе было очень интересно для юного Михаила, открывшее ему возможность не только изучить таджикский, узбекский, арабский языки, но и быстро и свободно говорить на них. Оно открыло ему реальную жизнь Азии, строй мышления, верования, обычаи, приучило уважать и хорошо относиться к людям и видеть в них доброе и хорошее, их язык и уклад, который отличался от тех, в которых он рос в детстве.

В 20 летнем возрасте он самостоятельно совершает свои первые путешествия, побывав в верховьях Ангрена, пройдя пешком из Шахрисябза в верховья реки Хингоу, а затем в Ягноб. В 1895 году в полном одиночестве Андреев путешествует по Кухистану, побывав в Кара-Таге летней резиденции гиссарского бека. Как много дала ему эта поездка! Он мог наблюдать жизнь таджикских кишлаков, знакомился с местными наречиями. Позже Михаил Степанович, вспоминал: какие хорошие люди живут там, как сердечно они относились ко мне. Чувствовалось, что в обычной жизни нас отделяет друг от друга только стена взаимного незнания языка и предрассудки (с обеих сторон).

По мере того, как шли годы, круг его географических интересов расширялся, и желание узнать, как течет жизнь в других местах, где он еще не бывал, влекло его все дальше. К этому времени Михаил Степанович уже два года работал в Ходженте, учительствуя в местной школе.

От Кушки до Серакса

В 1896 году чиновник по особым поручениям Министерства внутренних дел Российской империи Александр Александрович Половцев (русский дипломат, этнограф, ориенталист) пригласил Михаила Андреева участвовать в экспедиции по изучению переселенческого дела в Средней

Пондишери (Индия), Российское консульское представительство. Вице-консул М. С. Андреев на фото сидит справа. Декабрь 1913 г.

Азии и Закавказью. Вместе с Половцовым, который очень высоко ценил работу своего секретаря, Михаил Степанович уезжает в Петербург, где входит в круг виднейших востоковедов, по достоинству оценивших его эрудицию и глубокое знание языков, жизни и быта народов Средней Азии. Эта должность открыла перед молодым ученым, широкие возможности: верхом на лошади он проезжает всю афганскую границу от Кушки до Серакса и к целому ряду поездок по Закавказью. Переехав в Петербург, Андреев начинает вплотную заниматься востоковедением, под руководством известного академика - ираниста Карла Залемана. Вскоре Андреева приглашают как признанного специалиста по таджикскому и узбекскому языку в новые экспедиции.словно калейдоскоп, проходили, проезжали, проплывали перед глазами неутомимого исследователя Азии края и страны: Семиречье, Сибирь, Китай, Монголия, Восточный Туркестан. В 1898 -1899 году Михаил Андреев работает во Франции, в Париже в Восточном Отделении Национальной библиотеки. Там он преподавал среднеазиатские языки. Из Парижа он вывез практическое знание французского языка, очень пригодившееся ему потом в Индии и во время его пребывания во французских колониях.

Из Индии в Фергану

С 1899 по 1905 год Михаил Степанович начинает интересоваться языками горных таджиков и их бытом. Андреев первым из европейцев узнает о существовании язгулемского языка и составляет таблицу глаголов на этом языке. В 1902 году он совершает одиночное путешествие верхом через Ош и Памир, проехав через Хорог и Вахан, побывав в Ишкашима, где собрал отличный этнографический материал. В 1906 г. М. С. Андреев, воспользовавшись предложением своего давнего знакомого А. А. Половцева, назначенного генеральным консулом России в Бомбее уехал в Индию, став его личным секретарем. От Академии наук он имел поручение по сбору этнографических коллекций. Об усердии М. С. Андреева в этом направлении свидетельствует тот факт, что в Музей антропологии и этнографии Академии наук им была передана коллекция в составе 1000 экспонатов.

В 1907 году Андреев проехал верхом из Индии в Фергану через Кашмир, западный Тибет, Гималаи и Памир. Таким образом, к моменту начала похода из Индии в Среднюю Азию, Михаил Степанович был опытейшим путешественником-исследователем, владевшим восточными языками, в том числе основами хинди и пушту. О причинах выбора такого маршрута М. С. Андреев так писал в своем дневнике: «...на Памире я надеялся пополнить филологические записи по наречиям горных племен верховьев Пянджа. Правда, маршрут через Восточный Туркестан являлся несоразмерно длинным, но для меня он был единственно возможным, так как англо-индийское правительство очень ревностно относится ко всяким попыткам неанглийских путешественников переехать индийскую сухопутную границу, и для меня, русского, выхлопотать разрешение на проезд в другом, кратчайшем направлении представлялось более чем затруднительным». Следует отметить, что до Яркенда Михаила Андреева сопровождал майор Г. Филдинг, личный адъютант вице-короля Индии.

Прибыв в Ташкент, Михаил Андреев представил туркестанскому генерал-губернатору доклад «Об английской разведочной организации в Индии и сопредельных странах». Михаил Степанович считал, что в Индии разведка англичан делится на 2 вида: внешнюю и внутреннюю. Он с большим уважением отзывался о постановке разведывательного дела у британцев и отмечал, что «англо-индийское правительство не щадит на это ни денег, ни усилий». Правительство умело использует информацию разведывательных учреждений о положении в стране и сопредельных государствах, благодаря чему англичане «еще удерживаются» в Индии. В сфере внешней разведки, по замечанию Андреева, англичане, как правило, для выполнения заданий в азиатских государствах использовали представителей местных племен или их единоверцев. В Афганистан засылали только афганцев, в Персию — индийских шиитов, так как персы «не будут дружить с суннитами». В русский Туркестан, по мнению Андреева, отправляли всех без разбора «и мусульман,

и индусов, так как английские подданные, приезжающие сюда по торговым делам, принадлежат к представителям обеих религий и агентам легче скрыться среди них, не возбуждая никаких подозрений». «Обстоятельство это придает особое значение Восточной Бухаре, находящейся сравнительно вдали как от нашего контроля, так и от контроля центрального бухарского правительства» - считал Михаил Степанович.

Вернувшись потом в Индию, он был назначен вице-консулом во французскую колонию Пондишери, а также Индокитай, где находился до 1914 года. В мае 1914 года Михаил Степанович сел на пароход в Коломбо и отплыл в Одессу. Оставив Индию на этот раз навсегда. По возвращении на родину М. С. Андреев был назначен инспектором народных училищ в Ходжентском и Джизакском уездах Самаркандской области. В его подчинении находилось 9 русских школ, 2 смешанные школы, 90 медресе и 700 мактабов. Взаясь за работу энергично, не боялся сориться с департаментом, постоянно требовал ассигнований на открытие новых национальных и русских школ, учил грамоте детей бедняков, добивался для них стипендий. Русское географическое общество поручило ему работу по составлению этнографической карты Туркестанского края, выполняя которую он посетил Нур-Атинские горы и прилегающую к ним территорию Кызылкумов. Андреев мечтал о научной работе, но начавшаяся первая мировая война перечеркнула все планы. Началась бесконечная борьба за открытие новых школ и поддержание старых. Несмотря на сокращение кредитов школы, начали вырастать одна за другой. Андреев самостоятельно открывает специальные мастерские в Ходженте, где работают австро-венгерские и германские военнопленные, изготавливая парты, столы, классные доски и другой инвентарь. Андреев старается помочь всем. Любопытное дело: русские учителя считали, что он состоит для надзора над русскими школами, а мударрисы – что он заведует только мадрасами.

«Борьба» за Кушку

Вскоре раздался гром Великой Октябрьской Революции. Михаил Андреев назначен комиссаром народного образования Ходжентского уезда. В 1918 – 1920 гг. он становится первым ректором, по сути, основателем Туркестанского восточного института в Ташкенте. Наконец - то Михаил Степанович смог отдавать свое свободное время и научно – исследовательской работе по востоковедным темам.

Зимой 1919 – 1920 года Михаил Андреев оказал Советской стране услугу, которая спасла и сохранила в составе будущего СССР огромную территорию с находящейся на ней крепостью Кушка. Андреев был приглашен в Ташкент консультантом по Индии и Афганистану в специальную комиссию (представительство) НКВД приехавшей из Москвы для переговоров с чрезвычайным афганским посольством, присланным специально из Кабула. Было решено отдать афганцам большой кусок нашей территории с находящейся на

ней нашей крепостью Кушкой. Это, конечно, грозило нам неприятными политическими и стратегическими изменениями, т. к. с отходом намеченной территории к афганцам обнажался подступ к нашей Закаспийской железной дороге, поддвигавшейся под возможность близких фланговых ударов, не говоря уже о политическом значении такого акта для нашего престижа. Как оказалось, афганцы ввели нашу комиссию в заблуждение, неверно излагая факты, представляя всю эту территорию, якобы искони принадлежавшей Афганистану. Узнав об этом, Андреев обратился непосредственно к председателю комиссии, очень прося опровергнуть афганские притязания, написав ответную записку с нашей стороны. Вскоре ответ с привлечением доказательств из чисто афганских исторических источников, английских и наших данных был готов. М. С. Андреев выступил на заседании, приведя все источники и данные на которые ссылался. После этого все афганские претензии были опровергнуты и «ни одна пядь Советской Земли» благодаря Михаилу Степановичу в Средней Азии не была отдана.

Путешествие в долину Панджшер

Летом 1926 года в Особую Советскую Миссию прибыло пополнение дипломатических работников. Среди прибывших был этнограф и языковед Михаил Степанович Андреев, командированный в Кабул в качестве старшего драгомана советско-афганской комиссии отдела Среднего

Фотоснимок, выполненный Андреевым в долине Панджшер, жители селения Бозорак

Востока НКВД СССР. В Афганистане, этой малодоступной в те далекие годы стране, он пробыл почти полгода. Пользуясь благосклонностью афганского правительства и личной дружбой с руководителем военного ведомства Мухаммад Омар-Ханом, Андреев смог поехать туда, куда он, так давно стремился долину Панджшер, населенную исключительно таджиками. Эта долина, расположенная на южном склоне Гиндукуша, могла, как казалось Андрееву сохранить своих коренных жителей в чистом виде, как образец малоизвестной области южных таджиков. Там он благодаря отличному знанию языка подружился со многими местными жителями селения Бозорак, побывал во многих горных кишлаках. За время короткого пребывания в Афганистане Андрееву удалось собрать материал по языку и быту таджиков долины Панджшер. Его знания культуры, языка и обычаев таджиков оказались настолько полезными в Афганистане, что он получил предложение остаться в Кабуле и продолжить работу в Миссии. Но научная работа бесконечно влекла Михаила Андреева, и вскоре он вернулся в Ташкент, где уже через год издательство «Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами» выпустило книгу: По этнологии Афганистана, Долина Панджшер. Почетным председателем Общества был Глава Ревкома Таджикской АССР Нусратулло Максум Лутфуллаев, который оказывал всяческое содействие и поддержку Михаилу Степановичу Андрееву в развитии его научной деятельности и экспедиционной работы в республике.

Путешествия по Памиру

В 1927 г. М. С. Андреев возглавил экспедицию в Ягноб, а в 1929 г. в долину Хуф. За лето проведенное в этой долине был собран огромный этнографический – лингвистический материал. В это же время Михаил Степанович стал заниматься народным орнаментом горных таджиков. Своими работами ему удалось определить и показать значение стилизации в таджикском орнаменте. Доклад об этом был сделан Андреевым на Всесоюзном съезде этнографов, созванном в 1937 году в Ленинграде, и был встречен одобрителем со стороны научного сообщества.

31 января 1929 года М. С. Андреев по представлению выдающихся советских востоковедов академиков С. Ф. Ольденбурга, В. В. Бартольда, Ф. И. Щербатского и И. Ю. Крачковского был избран в члены-корреспонденты АН СССР - Отделение гуманитарных наук (по разряду восточных наук (иранистика)). От предложения работать в Ленинграде Андреев отказывается напрочь, считая возможным для себя плодотворно работать, только в Средней Азии.

Лицо Средней Азии менялось. Стирались постепенно белые пятна с географической карты Таджикистана. Но этнографически Таджикистан оставался почти сплошным белым пятном. В 1930 году по просьбе правительства Таджикской ССР Михаил Андреев составляет «Обзор таджикских говоров»,

как один из первых материалов по алфавиту и грамматике таджикского языка, ставшей первой работой по таджикской диалектологии.

В 1934 году М. С. Андреев по предложению Правительства Таджикской ССР и осуществил еще одну экспедицию в Припамирье для пополнения собранных ранее этнографических и языковых материалов по долине Хуф и другим прилегающим к Пянджу долинам. В августе 1938г. его арестовывают. К счастью, несколько месяцев заключения по ложному доносу, закончились освобождением. С конца 1934 до 1940 г. М. С. Андреев состоял также в должности консультанта по искусству народов Средней Азии в Музее искусств в Ташкенте. В 1936 году он возглавил этнографическо-искусствоведческую экспедицию Музея в Бухару и Хиву. Андреева поразило почти полное отсутствие систематических научных описаний Бухары этого Рима ислама, как определял роль Бухары в прошлом Арминий Вамбери.

«Таджикистан открыл мое сердце»

Мемориальная доска на стене музея этнографии им. М.С. Андреева в Душанбе. Фото Г. Шерматова

В 1943 году Михаил Андреев сделал шаг, которые многие в его ближайшем окружении сочли безумным. В 70 летнем возрасте, Михаил Степанович решительно обратившись к Таджикскому правительству, получает разрешение и финансовое обеспечение на проведение этнографической экспедиции в Рушан и Хуф. Научным результатом, которой стали его предыдущие и настоящие исследования и выпущенная уже после его смерти книга «Таджики долины Хуф», ставшая классикой мировой этнологии. Многие материалы М.С. Андреева, такие как оригинальные записи-автографы, фотографии, рисунки, сегодня хранятся в Центральной научной библиотеке име-

ни Индиры Ганди Академии Наук Таджикистана. В 1944 году в одном из своих писем Михаил Андреев писал: ... «Я рад, что получаю отзвуки в руководстве новой Академии. Но я должен работать в Таджикистане, который как-то хорошо открыл и мое сердце. Жить осталось мало, и нужно скорее обрабатывать и подытожить сделанное, собранное и требующее обработки, а его так много»...

В 1948 г. уезжает в Душанбе, где ведет работу по подготовке к открытию Музея археологии и этнографии. Харизма, блестящее чтение лекций и редкая эрудиция снискали ему славу и популярность в Сталинабаде.

Но предчувствие не обмануло ученого. 10 ноября 1948 года профессор

Центральное городское кладбище Душанбе. Памятник-обелиск на могиле М. С. Андреева. Фото Г. Шерматова

Михаил Степанович Андреев трагически погиб в Душанбе в своей квартире расположенной на улице Орджоникидзе в доме № 2 квартира 25. О

чем свидетельствует запись акта о смерти № 1907 выданная его научной сотруднице и помощнице Белькис Кармышевой, а 13 ноября он был погребен на городском кладбище Душанбе.

Прошли годы после смерти известного ученого, и сегодня в Таджикистане открыт и работает музей этнографии (им. М.С. Андреева) первые приобретения, которого были сделаны этнографом Михаилом Степановичем Андреевым, считающегося основоположником этнографической науки в Таджикистане. Однако жизнь этого удивительного человека, его труды в области дипломатии, этнографии и на других поприщах науки хранят еще много неизвестных и неисследованных страниц и ждут своих исследователей.

Нигора Эркаева

Мичиган

Сафар Эркаев

Худжанд

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТАДЖИКОВ В ТРУДАХ А.А.СЕМЕНОВА И М.С.АНДРЕЕВА

*С помощью ученых из братских республик,
прежде всего России, таджикская наука
достигла уникальных результатов
в самых различных сферах»
Эмомали Рахмон[7,45].*

Вопросы национальной идентичности таджиков в трудах А.А.Семенова и М.С.Андреева всесторонне проанализированы. Под влиянием русской прогрессивной общественно-политической мысли в Средней Азии возникло течение, известное под названием просветительство[3,169]. Надо признать в этот исторический процесс произошли кардинальные изменения в жизни таджикского народа, и это дало возможность русским ученым специалистам шире развернуть изучение социально-экономической и культурно-политической жизни народов Средней Азии.

Уже во второй половине XIX века был организован ряд научных экспедиций. Прочные основы географического изучения Туркестана заложил известный русский географ П.П. Семенов-Гяньшанский, продолжал плодотворно работать над физико-географическим изучением Памира Н.А. Северцев. Известный русский ученый А.П. Федченко первый исследовал Ферганскую долину и Алай, открыл на Заалайском хребте высочайший пик(ныне пик Сомони), обследовал Кара-Кумы и Зеравшанскую долину. И.В.Мушкетов составил первый список туркестанских минералов и вместе с Г.Д.Романовским – первую геологическую карту Туркестана. Экспедиции осуществлялись в невероятно трудных условиях бездорожья, в непроходи-

мых горах и пустынях, с весьма примитивным оборудованием, на скудные средства.

По инициативе географов А.П. Федченко и В.Ф. Ошанина был создан местный отдел «Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии». В начале 1897 г. по инициативе В.Ф. Ошанина и С.И. Жилинского было организовано Туркестанское отделение «Русского географического общества», которое проводило великолепную работу по научному изучению края и были созданы многие другие отделения. Большое значение для развития астрономии в Средней Азии имело основание в 1873 г. Ташкентской обсерватории. Особо важную роль в научной жизни края сыграли созданные тогда же метеорологическая станция, этнографический, исторический и археологический музеи и др., и появилось просветительство[2,133;4,906].

Велика роль Александра Александровича Семенова (1873-1958 гг.) и Михаила Степановича Андреева (1873-1948 гг.) в совершенной форме изучения дела великих русских ученых в изучении истории и культуры народов Средней Азии. Обширная научная, преподавательская, изыскательская, экспедиционная и административная деятельность Александр Александровича и Михаила Степановича, собранные ими коллекции уникальных образцов письменного наследия, искусства и ремесла народов Востока значительны по своему объему и значимости. Именно вопросы национальной идентичности таджиков в трудах А.А. Семенова и М.С. Андреева всесторонне анализированы.

Они были одними из первых, кто посвятил себя профессиональному изучению истории, этнографии, археологии, языков, письменных источников, памятников археологии, искусства, традиций, обычаев и обрядов таджикского народа в малоисследованном регионе мира, каким в конце XIX – начале XX веков являлся юго-восток Бухарского эмирата, так называемая Восточная Бухара. Каждая их публикация по и культуре таджикского народа является историческим источником.

В 1902 г. М. С. Андреев проехал через Ош на Памир, в Вахан, Ишкашим и обратно. Научным результатом поездки явилась совместная с А. А. Половцовым публикация по этнографии племен Ишкашима и Вахана. В ходе поездки, а затем во время проживания в Ташкенте М. С. Андрееву удалось собрать, в частности, некоторые материалы по почти неведомому тогда науке язгулямскому языку. В 1906 г. М. С. Андреев уехал в Индию в связи с назначением А. А. Половцова генеральным консулом в Бомбее. Академия наук дала ему поручение по сбору этнографических коллекций. Об усердии М. С. Андреева в этом направлении свидетельствует тот факт, что в Музею антропологии и этнографии Академии наук им была передана коллекция в составе 1000 экспонатов. В Индии М. С. Андреев изучал языки хинди и пушту. В 1907 г., во время отпуска, М. С. Андреев вновь прибыл в Среднюю Азию, пройдя пешком вместе с братом генконсула П. А. Половцовым из

Кашмира через Гималаи по перевалу Кара-Корум в Западный Тибет, а оттуда, проехав Яркенд, Ташкурган, Вахан, Шугнан и Восточный Памир, в долину Ферганы. В 1911 г. он был избран членом-корреспондентом Географического общества Бенгалии. По возвращении на родину М. С. Андреев был назначен инспектором народных училищ в Ходжентском и Джизакском уездах Самаркандской области.

Русское географическое общество поручило ему работу по составлению этнографической карты Туркестанского края, выполняя которую он посетил Нур-Атинские горы и прилегающую к ним территорию Кызылкумов, а в 1916 г. совершил поездку в Матчу. Великая Октябрьская социалистическая революция застала М. С. Андреева в Ходженте. С установлением здесь Советской власти он был назначен комиссаром народного образования Ходжентского уезда, а затем вызван в Ташкент, где ему была поручена организация востоковедческого вуза.

В ноябре 1918 г. в Ташкенте начал функционировать Туркестанский восточный институт [6]. Его первым руководителем стал Михаил Степанович Андреев. Он вел занятия по персидскому языку и таджикским наречиям, читал курсы по этнографии таджиков и др. Активная деятельность М. С. Андреева в Туркестанском восточном институте, а затем в качестве доцента и профессора на восточном факультете Среднеазиатского государственного университета (САГУ) продолжалась более двадцати лет. О жизни и трудовой деятельности академиков А. А. Семенова и М. С. Андреева написано много книг и статей, и особенно надо отметить новую научную труд Л. Н. Додхудоевой «Научное наследие А. А. Семенова и М. С. Андреева (архивные документы)» [1]. Она является ценнейшим историческим источником по изучению истории и культуры таджикского народа и национальной идентичности таджиков. Это первая публикация всех документов Александра Александровича и Михаила Степановича, хранящихся в этнографическом архиве института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ.

В XIX-начале XX веков всесторонне обсуждаются вопросы национальной идентичности таджиков в трудах русских учёных. В этот же период были изданы первые монографии по этнографии таджиков: «Горцы верховья Пянджа» и «Орнамент горных таджиков» А. А. Бобринского, написанные на основе большого полевого материала, собранного автором. А. А. Семенов публикует материалы по разным проблемам истории таджиков Центральной Азии, в частности «Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза».

Выдающиеся исследователи Александр Александрович Семенов и Михаил Степанович Андреев были одним из основных учредителей и активных участников «Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», организованного в 1925 году в городе Ташкенте. По мнению академика Р. М. Масова, оно являлось важной вехой в изучении ис-

тории, лингвистики и культуры таджиков в начале XX века[6,69]. Деятельность общества всесторонне и широко поддерживал руководитель Таджикской АССР и одновременно почетный его председатель Нусратулло Максум. Общество сыграло важную роль в развитии науки в Таджикистане, т.к. в тот период не было необходимой базы и соответствующих научных кадров. Перед созданным впервые научным учреждением по изучению истории и культуры таджиков стояло множество проблем, решение которых требовало огромной научно-исследовательской работы и больших материальных расходов. По составленному в начале февраля 1925 года плану «Общество» приступило к этнографическому, филологическому, историческому, физико-географическому и экономическому исследованию республики[2,327]. Основное внимание уделялось организации различных экспедиций для сбора археологического, этнографического материала и музейных экспонатов.

Главное место в работе «Общества» занимало изучение дореволюционной истории, этнографии и литературного наследия таджикского народа. Научная деятельность «Общества» велась в двух отделах: физико-географическом и экономическом, историко-филологическом и этнографическом[9,8]. «Общество» сыграло положительную роль в развитии советского источниковедения и историографии Таджикистана. Оно явилось единственным научным учреждением(созданным по объективным причинам не в самой республике, а за ее пределами), которое непосредственно занималось всесторонним изучением дореволюционной истории таджикского народа.

За годы своего существования «Общество» завоевало заслуженное признание и популярность в научных кругах нашей страны и за ее пределами. Об этом свидетельствует обширная научная переписка по обмену изданных «Обществом» научных трудов с зарубежными научными организациями и отдельными учеными, которые заказывали выпускаемую исследовательскую продукцию[7,9]. Александр Александрович и Михаил Степанович опубликовали в этот период многочисленные труды.

Все сохранившиеся документы и труды академиков Александра Александровича Семенова и Михаила Степановича Андреева представляют особый научный интерес вне зависимости от их объема в силу своей уникальности и являются историческими источниками по истории, этнографии, археологии и культуре народов Востока и том числе таджикского народа в конце XIX – первой половине XX века. Вопросы национальной идентичности таджиков трудах А.А. Семенова и М.С. Андреева всесторонне ими анализированы, сейчас эта проблема актуальна в таджикской науке и исследуется таджикскими исследователями.

Литература

1. Додхудоева Л. Научное наследие А.А.Семенова и М.С.Андреева(архивные документы). Душанбе. 2013.

2. Из истории культурного строительства в Таджикистане.1924-1941 гг. Сб. документов, т.1. Душанбе: Ирфон, 1966.
3. История таджикского народа. Том 11. Кн.2. Москва, 1964.
4. История таджикского народа. Том 1У. Душанбе, 2010.
5. История Таджикской ССР. Душанбе, 1983.
6. Масов Р.М. История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане. Душанбе: Дониш, 1988.
7. Рахмон Э. Таджики в зеркале истории. Душанбе: Шарки озод, 1996.-
8. Семенов А.Ф., Козачковский В.А. Историческая наука в Таджикистан за 25 лет.- Докл. АН Тадж.ССР, вып.12, Сталинабад, 1954.
9. Шагалов Е.С. Первое научное общество Таджикистане (Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами) Душанбе: Дониш, 1966.

Лола Додхудоева
Душанбе

А.А. СЕМЕНОВ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЭПОХИ ПРЕДМОДЕРНА

Труды Александра Александровича Семенова охватывают широчайший спектр проблем историко-культурного развития средневековой Центральной Азии за огромный исторический период, причем в разработке целого ряда не только отдельных вопросов, но и целых направлений (в частности, исмаилизма) ученый выступил как первопроходец и по существу определил перспективу дальнейших исследований.

**А.А. Семенов-директор
ИИАЭ НАНТ 1958г.**

Оценивая сегодня итоги творчества А.А.Семенова можно утверждать, что глубокое изучение им памятников среднеазиатской, прежде всего, письменной, культуры, способствовало их возвращению в мировой культурный тезаурус в таких масштабах, которые сделали изучение культуры региона не узкой сферой исследований специалистов-одиночек, а большим коллективным культурным проектом.

Оценивая сегодня итоги творчества А.А.Семенова можно утверждать, что глубокое изучение им памятников среднеазиатской, прежде всего, письменной, культуры, способствовало их возвращению в мировой культурный тезаурус в таких масштабах, которые сделали изучение культуры региона не узкой сферой исследований специалистов-одиночек, а большим коллективным культурным проектом.

Фокусом наших научных интересов в настоящее время является правление династии Шибанидов -Абу л-хайридов (906/1500-1007/1599) в Мавераннахре, концептуальная повестка их власти в свете общих тенденций эпохи предмодерна. В ходе нашей работы, стремясь уточнить отдельные детали, лучше понять некото-

рые аспекты жизни региона, мы вновь и вновь обращаемся к серии фундаментальных работ Александра Александровича по проблемам этого круга, не потерявших своей научной значимости.

В небольшой статье мы ограничимся лишь некоторыми замечаниями о подходах ученого к интерпретации сведений первоисточников в его работах, освещающих ключевые проблемы указанного периода, и их актуальности.

Взросший в настоящее время интерес исследователей к проблемам всемирной истории эпохи предмодерна закономерен, особенно в свете феномена деколонизации сознания.

Этот феномен приобрел глобальный масштаб, учитывая, что в государствах, которые обрели статус независимых в конце Второй мировой войны, к 1980 г. проживало почти 40 % населения мира (порядка 1 780 млрд чел.). В годы антиколониальной борьбы (1945–1960) и в постколониальный период (с 1960-х) представители интеллектуального сообщества колоний в Азии, Африке и Латинской Америке, а также члены многочисленных наднациональных политических групп и движений из числа мигрантов из этих колоний, проживающих ныне в бывших метрополиях, пытаются найти способ приостановить деформацию собственной культурной идентичности, сохранить и упрочить свой культурный генотип, освободившись от диктата колониализма в интеллектуальной сфере.

Признанно, что сложившиеся в период предмодерна тренды и институции социально-политического, экономического, религиозно-правового развития задали вектор движения стран мира надолго вперед, продемонстрировав *прямую зависимость* программ и форм этого движения от пройденного ими исторического пути. [7,14]

Решающее воздействие на дальнейшее развитие мировой цивилизации оказали процессы, проходившие в политико-правовой сфере европейской части Евразии предмодерна, кардинальным образом повлиявшие и на ход истории в исламском мире, что сделало углубленное изучение проблем предмодерна и Европы, и Дар ул-ислама магистральным направлением сегодняшних историко-политологических исследований.

Главными движущими силами в процессе политических изменений в позднесредневековой Европе стали церкви. В связи с этим многие эксперты признают трансформацию всей социально-правовой и политической сферы, отразившейся в принципах Вестфальской системы международных отношений, положивших конец Тридцатилетней войне в Священной Римской империи, непосредственным итогом европейских «церковных войн». В тексте мирных соглашений Вестфальского договора 1648 г. религиозный фактор был исключен как значимый и во внутрисударственных, и межгосударственных отношениях, в связи с чем этот текст воспринимается как акт деидеологизации, новый тренд мировой истории.[8,105] Зафиксированный в

этих текстах впервые концепт «секуляризация» превратился в субстанциальный элемент модели территориального национального государства.

Сущностными принципами модели «государства-нации» стали совпадение культурных и политических границ, а также объединение людей одной этнической группы и культурной традиции, как основы формирования гражданской идентичности. В последующую эпоху в ходе европейской колонизации именно эта модель государства была закреплена не только в Европе, но и в социально-политической реальности народов неевропейского происхождения. [16]

Если же обратиться к истории исламского мира, то среди фактов, вызывающих особое внимание к эпохе предмодерна, безусловно, стоит отметить нараставший после VII/XIII столетия самый масштабный после арабского завоевания процесс исламизации в мировой истории. Считается, что «из 1,7 миллиарда мусульман, живущих в 2017 году, большинство происходят от людей, которые приняли ислам в период с 1300 по 1900 год, в основном в Китае, Южной и Юго-Восточной Азии, Восточной и Западной Африке». [19,355]

Во многом этот процесс был обусловлен грандиозной политической трансформацией в обеих частях Евразии, появлением новых государств, в формировании которых определение религиозной/ конфессиональной идентичности становилось первоочередной задачей.

В мусульманском мире этот процесс был запущен уже с конца IV/X в.; постепенное ослабление, а затем и гибель Аббасидского халифата VII/XIII в. только ускорили его. Крах Тимуридской империи в конце IX/XV в. привел в действие более сложные механизмы политической реорганизации отдельных частей Дар ул-ислама и стимулировал появление новых *территориальных* политических образований, отличающихся собственной политической повесткой и религиозной идентичностью. Последняя в мировой истории волна перемещения значительных масс кочевников прибавляла драматизма в этот процесс.

Провозглашение шиизма государственной идеологией новой политики в регионе, Сафавидского государства (902/1502-1148/1736), привело к расколу мусульманской части Евразии. В ответ на это сложился т. н. «суннитский пояс», в который вошли Османская и Могольская империи. Появившееся на территории Мавераннахра ханство Шибанидов ветви Абу-л хайридов¹ стало его третьим участником.

Представители династии Шибанидов - Абу-л хайридов, возводя свое происхождение к Шибану/Сибану, прямому потомку Чингиз-хана, считали закрепление своей власти в регионе, лишь на время отнятой

¹ Прямые наследники самого основателя государства Шибанидов в Мавераннахре Абу-л-Фатха Мухаммада Шейбани-хана никогда и нигде не правили. [9,10]

нечингизидами – Тимуридами, актом свершившейся справедливости - восстановлением правления «золотого рода» Чингизидов. Мухаммад Шибани-хан(пр.905 /1500-916/1510), основатель династии, утверждал: «По своему предназначению я – слуга Бога, по своему рождению я происхожу из рода Чингиза». [18, 57-68.] Брачные союзы Мухаммада Шибани - хана и его родных с представительницами рода Чагатая, которому отец передал в правление улус,охватывавший Мавераннахр с югом Хорезма, большую часть Семиречья и Восточный Туркестан почти до [Турфана](#) (включая [Кашгарию](#)), позволили Шибанидам, гордившимся своим происхождением от Шибана – внука Чингиз-хана от его сына Джучи, основателя Золотой Орды, объединить две чингизидские ветви прямых потомков завоевателя мира - Шибана и Чагатая [24, 89-91] .Большую роль в этом играло не только кровное родство, но и факт завещания этих земель самим Чингиз-ханом вплоть «до потомков потомков». [6,278]

Феноменом, во многом определившим жизнь региона в этот период, явилась последняя в его истории волна номадизации.

Процесс активной номадизации Центральной Азии, нараставший с конца IV/X в., проходил на фоне угасания политического влияния Багдада и появления новых политий, правителями которых теперь выступала военная элита недавних кочевников-степняков, а позже и закрепившиеся в регионе в ходе монгольского нашествия родственники Чингиз-хана. В конечном итоге обобщенное воздействие всех этих факторов привело к кардинальному изменению геополитической парадигмы развития региона, формированию новых идентичностей, в том числе и в недрах укоренившихся в регионе тюркско-монгольских племен.

Представить реальный масштаб массированного появления кочевников на этих территориях сложно, сведения источников разнятся. Согласно данным Ю. Брегея, число *только узбекских племен, оставшихся в Мавераннахре и Фергане*, могло достигать, по меньшей мере, от 200 000 до 400 000 человек, а общее число пришлых кочевников, по его мнению, значительно превышало это количество. Т. Султанов считает, что «общую численность эмигрировавших из степи людей к концу первого десятилетия XVI в. можно приблизительно определить в 240—360 тысяч». В. Хольцварт полагает, что в завоеваниях 1500-1512гг. могло участвовать от 300 000 до 500 000 кочевых узбеков, при том, что местное население (оседлый и кочевой сегменты) составляло не более четырех миллионов человек. По оценке А.Вильде, «узбекское завоевание, по-видимому, повлекло за собой появление в Трансоксиане от трехсот тысяч до полумиллиона узбекских кочевников». [15,11;11,21;26,91]

Политическая борьба за ресурсы и установление власти новой властной элиты во все времена предполагает жесткие военные действия, несущие разрушения, смерть, насильственное перемещение значительных масс людей.

Не стала исключением и рассматриваемая эпоха, ее в полной мере можно назвать временем нескончаемой турбулентности.

Вместе с тем этот период стал известен в истории литературы региона как весьма интенсивного увеличения поры литературной «продукции», как время «тиражирования» трудов ушедшей эпохи, и создания новых, самых разных по жанру и форме, сочинений. Об этом свидетельствует тот факт, что в большинстве рукописных коллекций региона число сочинений этого периода превосходит количество трудов, написанных в предыдущий и последующий периоды. [22, 21-199] Поэтому как некий парадокс воспринимался тот факт, что при таком обилии письменных источников период правления Шибанидов в Мавераннахре практически до последнего времени оставался одной из самых темных, не изученных страниц истории региона.

В одной из работ по истории Шибанидов замечательный советский/американский востоковед Юрий Брегель объяснял причину такой недостаточной изученности той эпохи негласным запретом на его полноценное исследование, связанное с нежеланием советского руководства формировать травмирующие зоны коллективной памяти, «воскрешая» периоды хаоса, деструкции и кризисов, связанные с вторжением и укоренением значительных масс новых для региона кочевых этносов. [15,12]. Действительно, история периода вторжения и укоренения кочевых племен, пришедших вместе с Шибанидами, дает возможность формирования т.н. «trauma studies», закрепления за одним сегментом населения региона образа жертвы, за другим – бездушных варваров¹

Однако такая позиция контрпродуктивна для формирования полноценного понимания истории периода в целом, как и мироощущения и самоосознания обеих сторон. Попытки рассматривать историю региона только сквозь призму «trauma studies» полностью отсекают возможность изучения и, как итог, понимания того, каким образом народам региона удавалось находить пути к выстраиванию диалога для преодоления последствий тех самых хаоса, деструкции и кризиса. [12, 701–717] Такая логика в рамках безусловной политической ангажированности этой тематики лишает возможности, как минимум, осознать тот факт, что развитию экономики региона на протяжении веков способствовало теснейшее взаимодействие столь различных на первый взгляд хозяйственных укладов оседлых и кочевых народов. [20, 137-154; 21, 495-531]. Ведь вплоть до перехода региона к секулярной модели государства в начале XIV/ XX столетия регион жил по социально-политическим и экономическим принципам, утвердившимся в X/XVI в.

Знакомство с работами А. А. Семенова свидетельствуют о том, насколько хорошо понимал ученый несостоятельность такого однобокого

¹ «Trauma studies» - предмет огромного количества публикаций. Надо признать, что в работах отдельных советских ученых по истории Мавераннахра указанного периода осуществлялись попытки развернуть эту тему именно в таком ключе.

подхода к изучению корпуса источников указанного периода. В его методе работы с источниками и интерпретации их сведений преобладает, я бы сказала, деликатность, не только как проявление его человеческой природы, но и как основа его научной позиции, сформированной глубочайшими знаниями истории Дар ул-ислама.

Александр Александрович прекрасно понимал, насколько сложно и мозаично складывался конгломерат племен и племенных объединений, который привел в Мавераннахр Шибани-хан; поэтому замечания ученого по этническим проблемам той эпохи весьма взвешены. Вот как через тридцать лет (!) после появления работ А. А. Семенова пишет об этом феномене Т. И. Султанов: «Условия феодальной раздробленности, близкородственная среда, отсутствие резко очерченных этнических границ, частые вовлечения правителями соседних стран кочевников Узбекского улуса в династические распри и войны и ряд других причин разрывали родо-племенную замкнутость и местную ограниченность, создавая тем самым широкое поле для этнического смешения. Наличие общих родоплеменных названий у нескольких народов, связанных на протяжении веков общей судьбой, - явление большой сложности и требует специального изучения». [11,10-11]

В то же время Александр Александрович ясно указывает, что платформой консолидации разных сегментов населения складывавшегося ханства становилось обращение в ислам, благодаря этому вновь прибывшие получали единую религиозную/конфессиональную идентичность, равные социально-экономические права с другими мусульманскими народами региона и – соответственно – возможность большей интеграции в социально-политическую, экономическую и культурную жизнь завоеванных ими земель. Следует подчеркнуть, что проводимая Шибанидами жесткая борьба за торжество суннизма ханафитского толка против шиизма имела не только внешний вектор, но была направлена и вовнутрь, с целью подавить внутреннее диссидентство, унифицировать религиозно-правовую сферу. [3, .99-132]

В осознании этой проблематики особую роль играют работы Александра Александровича о культурном уровне представителей верхнего эшелона правящей династии. Ученый показал, что после победоносных военных действий Мухаммада Шибани-хана в Хорасане его имя произносилось в хутбе в пятничной мечети Герата с титулом «Имам - аль-заман ва халифат аль-рахман» («Предводитель века и наместник милостивого»), что зафиксировано на его монетах. [1] План хана, «согласно которому он вскоре будет править такими отдаленными землями, как Сирия и Египет»[25,100]? демонстрировал его амбициозные претензии на духовное и политическое господство. [13?69-90;23] Риторика Мухаммада Шибани показывает его как царя-воина, гордящегося своим чингизидским происхождением, готового к обширным завоеваниям и великим свершениям внутри государства *на основе шариата*. [18, 57-68] следования синхронных османских источников показывает, что идея возрождения халифата занимала умы различных правителей

той эпохи. Неоспоримыми показателями стремления Шибанидов легитимировать свою власть как продолжателей традиций халифата времен четырех праведных халифов являются, к примеру, упоминания имен Абу Бакра, 'Усмана и 'Али в важнейшем проявлении ханской власти - чеканке монет Мухаммада Шибани. [1] В рукописи «Манакиб ул-хулафа», написанной при дворе Абдуллах-хана Второго (пр. 991-1006/1583-98), воссоздается великое прошлое четырех халифов в свете деяний Шибанидов. [5,114 -132.]

Таким образом, очевидно, что династы делали все возможное, чтобы построить ханство или, по крайней мере, представить его в источниках как некое идеальное политическое образование, полностью соответствующее классической модели. Работы А. А. Семенова показывают, что в основе их замыслов и действий лежали знания, на освоение которых ханы не жалели времени и сил. Нарративы и дискурсы из оригинальных исторических работ, которые были введены в научный оборот публикациями А. А. Семенова, показали, что новые правители были ориентированы на независимое правление и выстраивали свои политики на локальных формах религиозно-политической легитимности, актуализируя собственные версии богатого символического капитала ислама II/VIII – VII/XIII вв. В своих работах Александр Александрович убедительно показал, что созданные в исламской культуре транснациональные трансферы знания, которыми овладевали вливавшиеся в глобальную умму народы и их правители, создали уникальный феномен, который способствовал формированию «универсальной идентичности, которая бы могла, объединяя элиты завоевателей и завоеванных, позволить и тем, и другим сохранить собственную самость». [10,290]

Творческие приемы интерпретации сведений исторических источников и научные подходы А.А.Семенова к изучению этой информации не потеряли своей актуальности и сегодня.[2,85-94]. И то, что наши сегодняшние представления в этой области исторического знания стали глубже, во многом сформировано более внимательным прочтением его работ. Нам представляется, что в его исследованиях в полной мере проявились черты Александра Александровича и как первоклассного ученого - широчайший научный кругозор, великолепное знание восточных рукописей, написанных на трех основных языках региона, и человеческие качества - его мировоззренческие позиции и житейские наблюдения над хорошо знакомой ему социально-политической действительностью Бухарского эмирата, основы которой были сформированы в период правления Шибанидов.

Литература

1. Давидович Е.А. Корпус золотых и серебряных монет Шейбанидов XVI век. М. 1992.
2. Джумаев А. «Радости бытия высокого порядка» Александр Семенов – исследователь культуры Средней Азии// Восток Свыше. Вып. 27. Ташкент. 2012. С. 85-94. Джумаев А. «Радости бытия высокого порядка» Александр Семенов – иссле-

- дователь культуры Средней Азии// Восток Свыше. Вып. 27. Ташкент. 2012. С. 85- 94.
3. Додхудоева Л.Н. Второй этап формирования исламского права в Трансоксиане периода предмодерна: свидетельства рукописей// Исламоведение. Том 14 № 3 (57). 2023.С.99-132;
 4. Додхудоева Л.Н. Секуляризм и ислам: к истории взаимодействия // Исламоведение. 2021. Т. 12, № 2. С. 91– 112.¹
 5. Додхудоева Л.Н. Уникальная рукопись эпохи Шибанидов из фонда Центра письменного наследия Таджикистана //Письменные памятники Востока. Т. 18, No 2.2021. Вып. 45. С-Пб. ИВР РАН. 2021.С. 114 -132.
 6. Дробышев Ю.И. У истоков имперской идеологии средневековых монголов // Общество и государство в Китае. М. 2012. Т. XLII, ч. 3. С. 278.
 7. Заостровцев А. Парадигма модернизации: как ее понимать? СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. (Серия препринтов: М-68/18. Центр исследований модернизации).
 8. Кисриев Э.Ф. Арабские революции в глобализирующемся мире и «новый ислам»//Протестные движения в арабских странах, предпосылки, особенности, перспективы. (Материалы круглого стола). М.: URSS. 2012. С. 105.
 9. Кляшторный С. Г., Султанов И. Т. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб, 2000. С. 10.
 - 10.Кузнецов В.А. Ранняя арабо-мусульманская историческая мысли иудео-христианская традиция// «Рассыпанное» и «собранное»: стратегии организации смыслового пространства в арабо-мусульманской культуре. М. 2015. С. 290.
 - 11.Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). М. 1982.
 - 12.Полосин В.С. Комплекс религиозного превосходства: психологический взгляд. Minbar. Islamic Studies. 2023. 16(3).С. 701–717.
 - 13Babajanov B. La Naqshbandiya sous les premiers Sheybanides. //Cahiers d'Asie centrale. 1997.No 3-4. Tashkent – Aix-en-Provence. P. 69-90;
 - 14regel Yu. Bukhara. iii-iv // Encyclopedia Iranica. 1989. Vol. IV/5;
 - 15 BregelYu. The Role of Central Asia in the History of the Muslim East// Institute of Asian and African Affairs. The Hebrew University of Jerusalem. Occasional Paper. No 20. 1980.N. York.P. 11
 - 16.Bulliet R.W. Religion and the State in Islam: From Medieval State to the Muslim Brotherhood. Occasional Paper Series. Paper No. 2. Denver: University of Denver. Center for Middle East Studies.19p.
 - 17.Holzwarth W. The Uzbek State as Reflected in Eighteenth Century Bukharan Source // Mitteilungen des SFB 586. Differenz und Integration. No 4/2. 2004. P. 96;
 - 18.Kilic N Change in Political Culture: The Rise of Sheybani Khan// Cahiers d'Asie centrale . 1997.N 3/4: L'Heritage timouride Iran-Asie centrale – Inde. XVe-XVIIIe siecles. P. 57-68. 58. F. 8.
 - 19.Melvin-Koushki M. Early Modern Islamicate Empire: New Forms of Religiopolitical Legitimacy // The Wiley-Blackwell History of Islam. Malden, Mass.: Wiley-Blackwell. 2017. P. 355.

20. Nomads and Bukhara. A Study in Nomad Migrations, Pasture, and Climate Change (11th century CE) // *Der Islam*. 2016. 93(2). P. 495–531.
21. Paul J. Who Makes Use of Whom? Some Remarks on the Nomad Policy of the Khwārazmshāhs, 1150–1200 // *Nomad Military Power in Iran and Adjacent Areas in the Islamic Period*. WIESBADEN. 2015. P. 137-154; ideam.
22. Richard F. Des Manuscrits Exceptionnels au Service du Prestige des Khans // Lola Dodkhudoeva and Francis Richard. *Le Siècle des Shibanides en Asie Centrale. Pouvoir, Legitimite et Arts du Livre sous les Khans Shibanides (906-1007/1500-1599)*. P. 121-199.
23. Schwarz F. 'Unser Weg schließt tausend Wege ein': Derwische und Gesellschaft im Islamischen Mittelasien im 16. Jahrhundert. Berlin. 2000.
24. Subtelny M.- E. Review: Babadjanov B., Muminov A. and Paul J., Schaibanidische Grabinschriften [Maria Eva Subtelny] Babadjanov Baxtiyor, Muminov Ashirbek and Paul Jürgen, Schaibanidische Grabinschriften. 2000. P. 89-91.
25. Welsford Th. Four Types of Loyalty in Early Modern Central Asia. The Tūqāy-Timūrid Takeover of Greater Mā Warā al-Nahr, 1598-1605. Series: Brill's Inner Asian Library. Leiden; Boston: Brill. Vol. 27. 2013. P. 100.
26. Wilde A. What is beyond the river? Power, authority, and social order in Transoxania, 18th-19th centuries. 3 vols. Veröffentlichungen zur Iranistik no. 80, Vienna: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2016. P. 91.

Ольга Ладыгина
Душанбе

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ В КУЛЬТУРЕ ПИТАНИЯ

Повседневность представляет собой естественную среду, в которой изо дня в день, из года в год проходит жизнь отдельного человека и общества в целом. Эта среда формируется под влиянием природно-климатических, географических, исторических условий, вбирая в себя коллективный опыт познания и переживания действительности, адаптации к ней. Мир повседневности создает живой образ культуры, в котором отражается все многообразие картины мира народа, его мироощущение, мировосприятие и мировоззрение.

Установленный порядок жизни, воспринимаемый как должное, придает стабильность существованию общества, позволяет четко определять границы «своего» и «чужого» пространства, обнаружить себя в социальном мире, понять «кто я есть» и дистанцироваться от «Другого». Эти представления, отражаясь в жилище, одежде, еде, досуге, игре, создают реальность, свойственную той или иной культуре. Поэтому культура повседневности является идентификационным маркером. Ее изучение позволяет дифференцировать культуры, акцентируя внимание на функционировании структурных элементов культуры в их символическом значении, и открыть в обыденном и привычном национальную специфику. Этим определяется научный интерес к изучению повседневной культуры.

На основе проведения социологического опроса среди студентов направления «Культурология» Российско-Таджикского (Славянского) университета, глубинных интервью с жителя Рушанского района Горно-Бадахшанской автономной области был проведен сравнительно-сопоставительный анализ данных полученных от информантов с данными, содержащимися в фундаментальном исследовании М.С. Андреева «Таджики долины Хуф» с целью определения степени устойчивости традиций в культуре питания таджиков. В изучении национальной специфики культуры питания были использованы материалы научно-исследовательской экспедиции в Горно-Бадахшанскую автономную область, предпринятую автором в 2019 году, а также сведения из русской культуры питания.

Еда представляет собой неотъемлемую часть национальной жизни. Об этом свидетельствуют результаты социологического опроса среди студентов. Если культура таджикского народа ассоциируется с пловом и курутобом, то русская – с борщом и блинами.

Предпочтения в еде находят свое отражение в языке народа. В этом смысле трудно переоценить значение пословиц и поговорок, содержащих «гастрономические» термины. Благодаря им можно сделать вывод, что русские – любители щей, каши и блинов («*гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной*», «*щи да каша – пища наша*»; «*где блины, там и мы*»; «*где с маслом каша, там и место наше*»). Таджикский дастархан невозможно представить без угро, плова и халвы: «Духтари беноз - оши бепиёз, как вариант зани беноз» («Девушка без капризов как плов без лука»); «Нонро калон гиру гапро» («Надо брать лепешку большими кусками, а не речь (большую/ высокую, велеречивую)»).

Фразеологизмы таджикской и русской лингвокультур указывают на значение хлеба в культуре питания: «*хлеб на стол, и стол – престол*», «*без хлеба сыт не будешь*»; «*одамон ба нон низ доранд – ин пеш аз ҳама, ва он чизе, ки ба сари шумо гузошта мешавад, ин даҳум аст*» («людям нужен хлеб – это прежде всего, а что на голову надеть, это уж дело десятое»); «*нон нон аст, нонрезаҳо низ нон мебошанд*» («хлеб – это хлеб, хлебные крошки тоже хлеб»). Подобное отношение можно рассматривать в качестве процесса надления священным смыслом пищевых продуктов, «связывая их чисто физические характеристики с духовными, возвышенными качествами личности или процессами». [2] Батюшкой русские люди называли хлеб, подчеркивая его значение в жизни человека. В записях М.С. Андреева есть упоминания о том, что в Хуфе местные жители клялись хлебом. «Желая подтвердить правдивость своих слов, хуфец говорит: икам гарда маш шойд этот хлеб - наш свидетель...». [1,386] Уроженка г. Рушана Горно-Бадахшанской автономной области М.Б. Давлатмирова в ходе интервью рассказала, что сегодня молодые люди в порыве эмоционального возбуждения в споре часто используют эту клятву, отстаивая свою правоту.

Хлеб в различных своих формах приобрел у земледельцев сакральный смысл и стал атрибутом традиционной обрядности. У русских принято встречать гостей и молодоженов хлебом и солью, выражая пожелание благополучия и достатка, демонстрируя доброжелательность. Хлеб является необходимым элементом в религиозной православной практике для сотворения таинства причастия.

С языческих времен у славян сохранился обычай готовить на поминки блины, которые символизируют вечную жизнь. Главная роль в поминальной трапезе равнинных таджиков также отводится блинам (*чалпаки*). Считалось, что исходящим при жарке дымом питаются умершие этого дома. [8] Однако традиция почитания предков блинами есть в Горном Бадахшане. Бабушка М.Б. Давлатмировой каждую пятницу утром готовила блины, обильно смазывая сковородку жиром, чтобы было много дыма. Эти блины она раздавала прохожим на перекрестке дорог, почитая таким образом своих предков.

Блины стали символом Масленичной недели. Ассоциируясь у славянских народов с солнцем, блины символизировали приход весны, нового жизненного цикла. В культуре таджикского народа приход весны отмечается древним праздником Навруз, символом которого является суманак – сладкая каша, которую готовят из пророщенных зерен пшеницы.

На пищевые предпочтения большое влияние оказывает природно-географическая среда и климатические условия проживания народа. Если в северных регионах Таджикистана большое значение придается испеченному хлебу (*нон*), то в высокогорье западного Памира главная роль в пищевом рационе занимает жидкая мучная похлебка, а хлеб, как и прежде, не является доминантой в пищевых предпочтениях. Его едят после основной трапезы.

Этнический маркер жителей Горного Бадахшана – *ширчой* (чай с молоком и небольшим кусочком сливочного масла). Ширчой вошел в гастрономический ассортимент в начале XX века. Этот легкий и сытный напиток сегодня употребляется ежедневно. Он способствует нормализации давления, являясь незаменимым продуктом в условиях высокогорья.

Сопоставление описания пищи жителей долины Хуф М.С. Андреева с данными, полученными от информантов, жителей кишлака Энкуда Раушанского района Горно-Бадахшанской автономной области осенью 2023 года, позволяет сделать вывод о сохранении традиций в культуре питания жителей региона. В повседневном рационе и сегодня преобладают блюда, приготовленные на основе муки и воды (*ош*; *омоч-ош*) по технологии, описанной М.С. Андреевым: «При приготовлении лапшевой похлебки кипятят воду в котле и бросают в нее лапшу, добавляя еще той же муки». [1,236] В отличие от лапшевой похлебки *ош*, в *омоч-ош* бросают скатанные маленькие шарики из теста (клецки) и добавляют курут.

Худодод Рухсона, молодая жительница кишлака Гудара Раушанского района, рассказала, что муку не покупают, а готовят ее сами из черных бо-

бов. Эту же муку используют при приготовлении праздничного блюда *бат* на Навруз. В большом котле смешивают муку с водой и со льдом, и с утра до вечера 10 мужчин по очереди перемешивают однообразными движениями содержимое котла. В результате получается мучной кисель. «... это традиционное новогоднее кушание, настолько обязательно, что дни празднования Нового года называются во многих местах верховьев Пянджа «днями бата», - отмечает М.С. Андреев[1,383]. Другое праздничное блюдо – *axixc* – также готовят на основе муки с добавлением сахара и масла.

Продукты питания обретают сакральный смысл в ритуалах жизненного цикла. Традиционным поминальным блюдом у горных таджиков является бодж, в отличие от чалпаки равнинных таджиков. М.С. Андреев в своем исследовании приводит бранные поговорки, в которых отражается поминальный характер используемых продуктов: «*Похлеbatь бы мне по тебе боджа* («*Тау боц – фурум*»), соответствующей таджикской равнинной: «*Поесть бы мне по тебе горячих (поминальных) блинов*» («*Чалпаки гармата хурам*»). [1,384] Эти бранные слова можно услышать и сегодня из уст не только старшего поколения, но и молодежи.

Сакральный смысл придавался продуктам, которые были связаны с хозяйственной деятельностью, с первой весенней запашкой, с первым вывода в поле волов. Таким блюдом является коче – густая мучная похлебка с солью. [1,382] В горных кишлаках коче сохраняет свою ритуальную функцию.

Традиционным остается употребление молока и молочных продуктов. На завтрак в семье Рухшоны обычно готовят *шир-бринч* – молочную рисовую кашу. Среди своих любимых блюд традиционной кухни Рухшона назвала *x'xuvdxarvo*, которое готовится из молока и муки с добавлением соли, которая теперь не является редкостью.

Кислое молоко используют при приготовлении теста для выпечки хлеба. Закваска (*хамир-мо*) представляет собой кусочек теста, оставшийся от предыдущей выпечки. Как сообщила Худодод Рухшона, его кладут в посуду (*тач*) и хранят в шкафу в укромном месте. В соответствии с традицией, описанной М.С. Андреевым, к ней относятся с особым почтением. Считается грехом садиться, протянув ноги в ее сторону или перешагивать через нее.[1,237] Если нет в доме закваски, то ее готовят из курута.

В своем исследовании М.С. Андреев подробно описывает технологию выпечки, которая сохраняется сегодня практически без изменений: на предварительно раскаленные стенки очага прикрепляются лепешки (большие – *гарза* и маленькие – *кулча*) при помощи круглых подушек из тряпок, которые в Рушане называют *рафида*.

Названия лепешек связано с их формой (кружок, круглый), символизирующий солнечный диск. Очевидно, с этим связана символическая функция лепешки. В дальнюю дорогу и русские, и таджики брали с собой хлеб / кулча, не только в качестве съестного припаса, но и как защиту от напастей.

Чтобы защитить ребенка от злых сил, ему под подушку и сегодня кладут кулча в качестве оберега. В старину на Руси был также распространен этот обычай – класть в колыбель младенцу хлеб.

Заменой хлеба в трудные голодные времена становится сушеный тут, которым богат Рушан. Поэтому к тутовому дереву местные жители относятся с особым почетом и уважением, считая тут райским плодом. М.С. Андреев приводит в своем исследовании распространенную клятву. «Икам меваи баишт маш пиронде» - «Вот передо мной этот райский плод», - говорит хуфец, утверждая правдивость своих слов [1,293]. Жители кишлаков сохраняют традиционную технологию приготовления муки из сушеного тута. М.Б. Давлатмирова рассказала, что во дворе бабушкиного дома был большой плоский камень, на который насыпали сушеный тут и на нем катали другой камень, только круглый. Во время экспедиции в Горно-Бадахшанскую автономную область в 2019 году ее участники познакомились с несколько другими приспособления для получения муки из тута. В углублении большого камня другим камнем женщины растирали сушеный тут, словно пестиком в ступке.

В культуре питания большое символическое значение имеет не только практика приготовления пищи, но и ее потребление. Символическим предметом трапезы в русской культуре является стол. «В доме стол – Божий престол», «Стол – ладонь Бога» — гласят русские пословицы. С.Ю. Дубровина пишет, что стол считался освященным местом, за столом нельзя было стоять, хватать куски до общей раздачи или есть одному («кусочничать»), сидеть за столом развалиясь и небрежно. За стол нужно было садиться с чистыми руками, женщины должны были спрятать волосы под головной убор[4,52], а мужчины – снять шапки.

В культуре питания таджиков принято есть, сидя на полу, застеленного ковром или матрасами. За дастарханом не принято лежать или сидеть, вытянув ноги вперед или в сторону, прислоняться спиной к стене. Изучая традиции приема пищи таджиков-мусульман, Д.М. Маддахи, обращает внимание на правильную позу за дастарханом – сидя на корточках. «...застолье является пространством для проявления и популяризации скромности, социальной справедливости, избавления от высокомерия и духа превосходства, простого образа жизни ...».[5]

Лепешки принято не разрезать, а разламывать руками и класть их лицевой стороной на дастархан. Есть также принято руками. Возможно, это связано с осознанием значимости руки человека в его преобразующей деятельности еще в архаический период. Ладонь человека стала первым предметом изображения в палеолитической стенной росписи. Образ руки демонстрировал органическое единство разных аспектов ее функций в культуре, которую она символически представляла. В эпоху арийской цивилизации, отмечает А. Шохуморов, ладонь почиталась как атрибут единого Бога – Ахура-Мазды и символизировала пять божественных лучей [9,77]. В индийской культуре

пять пальцев руки олицетворяют пять стихий: воду, воздух, огонь, небо, эфир, отправляя нас к основам арийской культуры. Считается, что, беря еду руками, божественная энергия пяти стихий передается всему организму через пальцы. С принятием ислама ладонь стала называться «Пятерня Князя Мужей-Али» [9,77]. Можно предположить, что стремление таджиков одухотворить повседневную жизнь способствовало устойчивости обычая - есть руками. Одухотворенность проявляется и в медленном приеме пищи без разговоров.

Совместная трапеза имеет глубокие корни в культуре любого народа. Ее функциональное значение заключается в преодолении социальной и культурной отчужденности, снятии напряженности и, как следствие, сплочение членов общества [9,77]. А. Соболева обращает внимание на активную роль совместной трапезы в социальном конструировании реальности[[7]. Общая трапеза является символом единения, участники застолья представляют собой некое коллективное тело, что делает естественным использование общей чаши, миски.

Изучая особенности ценностных смыслов в культуре питания, М.А. Беллон справедливо отмечает, что «наиболее семантически нагруженные структуры связаны с началом и завершением застолья»[2]. Начинает трапезу хозяин – старший мужчина в семье. В традиционном укладе немислима еда без молитвы. Если в русской культуре принято начинать трапезу молитвой, то в таджикской – завершать ею. В Рушане принято также после благодарности Богу обращаться с благодарностью к хлебу, прикладывая руки сначала к губам, а потом к хлебу.

Изучая обычаи, связанные с началом и окончанием трапезы в русской культуре И.А. Морозов отмечает: «Первая и последняя порция (ложка) часто предназначена для усопшего или замещающих его в обряде персонажей (нищего, странника, птиц)»[6,24-25]. У таджиков не принято оставлять еду, что зафиксировано в языке: *«Аз он рӯзе, ки дунёро бино кард, савоби косалесонро ҷудо кард» («С того дня, как Бог сотворил мир, он отблагодарит человека, который последним съедает остатки»).*

В культуре питания значительную роль играет гостеприимство. «То, с каким посылом еда преподносится гостю, какое внимание уделяется его личности, его желаниям и настроению (а не только социальному статусу), говорит о степени культурности принимающей стороны», - справедливо отмечает М.А. Беллон. [2]

Гостеприимство горных таджиков не исчерпывается приготовлением еды и угощением гостя. Гостей надо развлечь. В каждом доме жителей Горного Бадахшана есть музыкальный инструмент (рубаб, танбур), к которому относятся с особым почтением. В исследовании М.Б. Давлатмировой есть рассказ о вселении Духа в тело человека благодаря музыке [3,131], который можно рассматривать как объяснение сакральной ценности музыкальных ин-

струментов. Молодые жители кишлака Гудара, как юноши, так и девушки владеют игрой на этих инструментах наравне со старшим поколением.

Несомненно, пища представляет собой витальную ценность, так как является условием существования человека. Однако творческий потенциал человека наделяет пищу сакральным смыслом, опредмечивая его. В культуре питания отражаются ценностные представления и смыслы народа. Поэтому их сохранение и осмысление является важной задачей не только научных изысканий, но и практикой повседневной жизни молодого поколения.

Литература

1. Андреев М.С. Таджики долины Хуф. - Переизд. Бишкек: ОсОО «Джем Кей Джи». Вып.2, 2020.

2. Беллон М.А. Культура питания как воплощение ценностных смыслов // <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-pitaniya-kak-voploschenie-tsennostnyh-smyslov> (дата обращения: 31.11.2023)

3. Давлатмирова М.Б. Национально-специфические особенности макроконцепта «судьба» в различных лингвокультурах (на материале таджикского, арабского и языков шугнано-рушанской группы. Душанбе: РТСУ, 2020.

4. Дубровина С.Ю. Пища в традициях народного православного календаря // Традиционное русское застолье: сб. ст. Москва: Гос.респ. центр рус. фольклора, 2008.

5. Маддахи Д.М. Семиотика застолья в исламской культуре питания // <https://cyberleninka.ru/article/n/semiotika-zastolya-v-islamskoy-kulture-pitaniya>

6. Морозов И.А. Обычаи, верования, магия, связанные с началом и окончанием трапезы // Традиционное русское застолье: сб. ст. Москва: Гос.респ.центр рус.фольклора, 2008.

7. Соболева А. Символические функции еды в современной политике // <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolicheskie-funksii-edy-v-sovremennoy-politike> (дата обращения 15.10.2023)

8. Шовалиева М. Знаковая символика похоронно-поминальной пищи таджиков // <https://cyberleninka.ru/article/n/znakovaya-simvolika-pohoronno-pominalnoy-pischi-tadzhikov> (дата обращения: 31.11.2023)

9. Шохуморов А. Памир – страна ариев. Душанбе, 1997.

Фереште Машҳадӣ Рафӣ
Техрон
Шакарбекова Мавзуна
Маскав

А. А. СЕМЁНОВ ВА ТАҲҚИҚИ АҚОИДИ МАЗҲАБИИ ТОЧИКНИ БАДАХШОН

А.А. Семенов. 1948.

Мероси арзишманди адабӣ ва фарҳангии форсии тоҷикӣ ҳамеша дар маркази тавачҷӯҳи доираҳои адабии Руссия қарор доштааст. Дар бораи тавачҷӯҳ ва таъсири шоирон, нависандагон ва шарқшиносони маъруфи рус, ба мисли Александр Пушкин, Лев Толстой, Сергей Есенин, Николай Гумилёв, Александр Александрович Семенов, Евгений Эдуардович Бертельс, Игнатий Юлианович Крачковский ва бисёри дигарон аз осори адибони форсу тоҷик дар Руссия, Эрон ва Тоҷикистон китобҳо ва мақолаҳои зиёде навишта шудаанд. Таъсире, ки дар қолаби

“тақлид ба сабк ва қорбурди бархе аз матолиби адабиёти форсӣ ва ҳифзи асолати шарқшиносӣ аз ҷониби шоирони рус дар осори комилан миллии худ”[4,20] зоҳир шудааст. Ин масъала ошқоро нишон аз қудрат ва таъсири каломи адибони форсизабон мидиҳад, ки он марзи мушаххаси ҷуғрофиёиро наметавонад ва метавонад дар ҳар гӯшаи дунё, хоҳ дур бошад хоҳ наздик, қалби дӯстдорони адабиётро тасхир кунад.

Бояд гуфт, ки тавачҷӯҳ ба адабиёти форсу тоҷик, ва ба хусус адабиёти классикӣ дар миёни адибону шарқшиносони рус бо мурури замон коҳиш наёфт, балки аз он замон ба ин сӯ, ба шарофати талошҳои мутарҷимон ва адибони рус аз забони форсӣ, осори пураарзиши пажӯҳишӣ ва тарҷумаи осор ба вучуд омадаанд. Асарҳои классикони форсу тоҷик ба забони русӣ таълиф шудаанд ва ин дар навбати худ барои хонандагони рус имконияти хубе фароҳам овард, ки бо мероси пураарзише, ки аз бузургони адабиёти классикии форсу тоҷик гузоштааст, бештар шинос шаванд.

Александр Александрович Семёнов (1873-1958), яке аз шарқшиносони барҷастаи Руссия ва Иттиҳоди Шуравӣ аст, ки ҳамеша ба ганҷинаҳои адабиёт ва фарҳанги халқи тоҷик тавачҷӯҳи ҳосе зоҳир мекард. Вай дипломат, олими шоистаи Иттиҳоди Шуравии Тоҷикистон, аввалин директор ва муассиси Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии Академияи илмҳои Тоҷикистон буд. Хизматҳои пураарзиши ӯ дар пажӯҳиши фарҳангу адабиёти Осиёи марказӣ, ба хусус Тоҷикистон ва Ўзбекистон, ба ӯ унвони

“Шайхи Туркистон” дода шуд, ки дар миёни мардуми ин минтақаи чуғрофӣ шаҳодат медиҳад.

Тирамоҳи соли 1897 дар ҷаласаи даврии муаррихони маҳаллӣ, ки дар Донишгоҳи забонҳои шарқӣ ба номи Лазаревский дар Маскав баргузор шуд ва А.А. Симёнов донишҷӯи ҷавоне, ки чанде пеш ба Самарқанду Бухоро сафар карда буд, гузорише ироя кард. Гузоришаш ба бозорҳои анъанавии Осиё, масҷидҳои манорадори баланд, биноҳои Самарқанду Бухоро, кӯхҳои баланди Осиёи марказӣ бахшида шуда буд, ки ба истиқболи фаровон аз тарафи ҳозирин дар ҷаласа рӯ ба рӯ шуд.

А.А. Семёнов мактаби шарқшиносии Осиёи Миёнаро таъсис дод. Якчанд наслҳои олимон, ки дар Осиёи Миёна зиндагӣ ва кор мекарданд, худро шогирдони ӯ медонистанд. Хотираи ҷавулода ва дониши густурда дошт, дostonгӯи пурҳарорат ва шухтабъ буд ва натиҷаи мушоҳидаҳои шастсолаашро аз рӯзгори ҳаррузаи мардуми Осиёи Миёна дар қолаби хотироти ҷолиб ба риштаи таҳрир даровард. Ӯ барҷастатарин устоди маъхазҳои хаттии шарқӣ (бештар форсӣ-тоҷикӣ) ва мутахассиси барҷастаи таърихи ислом дар Осиёи Миёна, баҳусус таърихи исмоилия буд. Ба гуфтаи Ю. Крачковский, асарҳои А.А. Семёнов «дар бораи исломшиносӣ маълумоти аҷоиб меоданд. Асарҳои ӯ, ки ба омӯзиши нусхаҳои хаттии Осиёи Миёна, баҳусус арабӣ алоқаманданд, дар байни мо мақоми комилан истисноӣ доранд».

Александр Александрович Семёнов, аввалин ва дар воқеъ ягона муҳақиқи ҷиддии ҷаҳонбинии Носири Хусрав дар замони шуравӣ буд. Ӯ дар баъзе аз осори худ, ки ба масъалаҳои исмоилия ва масъалаҳои алоқидар ҳаёт ва эҷодиёти шоир бахшида шудаанд, дар бораи хусусиятҳои ақидаҳои фалсафии ин мутафаккир масъалаҳои муҳимро баррасӣ кардааст. Профессор А. А. Семёнов аввалин шахсе буд, ки баъзе аз хусусиятҳои хоси дидгоҳи фалсафии Носири Хусравро аз таълимоти исмоилӣ, ки ҳоло машҳур аст, дар шоҳаи низорӣ нишон дод. Дар баробари ин дар осори Семёнов А.А, робитаи бунёдии ақидаҳои Носири Хусрав ва мактабҳои фалсафии асрҳои миёна, ки дар замони у пешрав буданд, нишон медиҳад. Ҳамчунин мақолаҳои «Аз эътиқоди динии исмоилиёни Шуғнон» [1912], «Носири Хусрав дар бораи олами маънавӣ ва моддӣ» [1923], «Дар бораи зиндагиномаи Носири Хусрав» [1924], «Тазоди ақидаҳои исмоилиёни помирӣ ва Носири Хусрав дар бораи таносуи рух» (1925), «Дар бораи теологияи назариявии исмоилияи помирӣ», [1926] ва «Нигоҳе ба Куръон дар исмоилияи шарқӣ» [1927] навишта аст [5,11].

Яке аз ҳамфикрони А. А. Семёнов олим Абусаид Шохуморов буд, ки дар китобаш “Помир — кишвари ориён” дар боби “Хонаи пайравони ростӣ” мушоҳидаи А. А. Семёновро дар саҳифаи 123 меоварад: “Худо дар ҳар ҷой ва дар ҳама ҷо зиндагӣ намекунад, барои он ки бисёр ҷоҳои нопок мавҷуд аст, ки лоиқи буданаш нестанд, вале ӯ метавонад дар ҳар ҷое, ки хоҳад

бошад. Аз ин сабаб барои вай чои муайяне, ки дар он чо, ӯ дуову санои башариро хуш қабул кунад, вучуд надорад. Ин аст, ки исмоилиён чунин ибодатгоҳҳо надоранд”.[3]

Мардуми ориёӣ дар таърихи ҳаёти маънавии башар аввалин падиоварандагони низоми мазҳабии мутафовит буданд, ки заминаи пайдоиши кайҳоншиносӣ ва фалсафаи Эрони қадим гардида, дар навбати худ барои таҷаккули фалсафаи Юнони қадим заминаи муфид фароҳам оварданд.

Ориёӣҳо аввалин бор дар таърихи башарият асоси дини яктопарастиро ҳамчун идеологияи иҷтимоӣ гузошанд, ки он ҳалқаи пайвастандандаи дигар ҷиҳатҳои маънавии ҷамъиятҳои қадим гардид.

Хахоманишиҳо, бешубҳа, асосгуздорон ва бинокорони аввалин империяи ҷаҳонӣ, аввалин дини яктопарастӣ, аввалин китоби муқаддас -Авасто буданд. Дар он замон ба ҷуз аз Худованди мутаъол- Ахуро Маздо - панҷ Амшоспанди абадӣ ё фариштаи сафед, ки ниғаҳбони олам буданд, низ гиромӣ дошанд. Онҳо ёварони Худованди Мутаъол ҳисобида мешуданд ва ҳар яке барои бахше аз офаридаҳои Худо масъул буданд. Ҳар як Амшоспандро алоҳида "Язит" - "Язд" (ба маънои "озод") меномиданд ва ҳамаро "Яздон" (ҷамъи "Язд") - (ба маънои "Озодон") меномиданд. "Язд" ба маънои Худо истилоҳест, ки дар асрҳои миёна маъмул шудааст.

Офтоби мудаввар барои ориёӣҳо рамзи худои осмонӣ - Ахура Маздо буд, ки офтоб, моҳ ва «тафаккури нек»-ро офаридааст. Баъдан файласуфони исмоилия дар асрҳои миёна ҳамин маъноро аз он гирифта, ғояи дастаҷамъиро сарчашмаи маънавий, ғайримоддӣ ва нофаҳмо донистанд, ки офаринандаи ҳар ду олам (маънавий ва моддӣ) мебошад. Тибқи ин назария, инсон низ аз ду асл иборат аст: ақли осмонӣ ва рӯҳи заминӣ. Андеша чун асли ҳастии воло ҳамеша дар осмон ҷой дорад ва он дар замин тавлид мешавад. Аз ин рӯ, осмон рамзи падар ва замин рамзи модар аст.

Дар китоби “Помир —кишвари ориён”, дар боби дуёми «Инъикоси дини ориёӣ дар дини исмоилии помирӣ»-и А. Шохуморов зимни суханронӣ дар бораи теологияи ориёӣ помирӣ зикр мекунад, ки Носири Хусрав ба илоҳиётшиносии помирӣ «даст» накардааст, балки танҳо ба он «ҷомаи исмоилӣ» пӯшидааст.

Александр Александрович Семёнов дар олами илм эътирофи бузург пайдо карда буд. Асарҳои сершумори шарқшинос оид ба масъалаҳои муҳими таърихии асрҳои миёнаи Осиёи Марказӣ : “Оид ба пайдоиши Сомониён”, “Абуали ибни Сино”, “Тасвири нусхаҳои хаттии форсу тоҷик”, “Таърихи Муқимхонӣ”, “Таърихи Убайдуллоҳон” аз асри ХУ111 ва дигар тадқиқотҳои пунарзишаш уро дар қатори аввалин олимону муҳақиқони таърихи Тоҷикистон қарор доданд. Асарҳои илмӣ ва саҳмаш дар илоҳиётшиносии помирӣро ба назар гирифта, бо камали боварӣ гуфтан мумкин аст, ки тамоми асарҳои ӯ дар мавзӯи таърихи халқи тоҷик сазовори тавачҷӯҳ ва омӯзиши ҷидди мебошанд.

А. Семёнов соли 1903 «Достони таъсиси Бухоро»-ро аз тоҷикӣ тарҷума кард. Дар соли 1907 бобҳои аввали «Таърихи Муқимхонӣ»-ро аз форсӣ бар асоси нусхаи хаттӣ тарҷума кард. Вай ҳамчун яке аз пешравони илми бостоншиносии Осиёи Миёна ва умуман таърихи миллии машҳур аст. Соли 1898 бори аввал дар Тирмиз ба гурӯҳи харобаҳои бостонии вилояти Сурхандарё рафтааст. Соли 1913 бори дуюм ба Тирмиз сафар карда, дар соли 1914 тавсифи мусаввари маҷмуаи меъмории Султон Содотро тартиб додааст. А.А. Семёнов дар солҳои 1916—1914 дар тартиб додани чилдҳои 591—544-уми «Маҷмуаи асарҳо ва мақолаҳои туркистонӣ, ки умуман ба Осиёи Миёна ва алаҳусус ба вилояти Туркистон дахл доранд» иштирок кардааст. Солҳои охири умраш мудирӣ Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии Академияи илмҳои Тоҷикистон буд.

Дар охир баъзе асарҳои муҳимтарини Семёновро дар шарҳиносии зикр мекунем:

1. Семёнов А.А. Мақолаҳои этнографии кӯҳҳои Зарафшон, Каротегин ва Дарвоз. М., 1903.
2. Семёнов А.А. Принсипҳои асосии тақсимоии заминро барои байни туркманҳои минтақаи Закаспий // Шарҳи этнографӣ, ҷ. 57, № 2, с. 116—120.
3. Семёнов А.А. Мақолаҳо оид ба таърихи ҳамроҳшавии Озод Туркменистон (1885-1881) (дар асоси маълумотҳои архивӣ). Тошканд, 1909.
4. Семёнов А.А. Аз дидгоҳи мусулмонони Осиёи Марказӣ ва Ҷанубӣ оид ба сифат ва аҳамияти баъзе сангу маъданҳои қиматбаҳо // Олами ислом, ҷ 1, № 3, с. 293—321.
5. Семёнов А.А. Шайх Чалолиддини Румӣ аз нигоҳи исмоилиёни Шуғронӣ // Кайдҳои филиали шарқии имп. Ҷамъияти археологии Руссия. Т. XXII. 1913—1914. с. 1915. с. 247—256;
6. Семёнов А.А. Дастнависҳои шарқ дар китобхонаи марҳум В.В. Вельяминов-Зернов (намояндаи академик В.В. Бартольд дар маҷлиси шуъбаи илмҳои таърих ва филология, с.1919 // Хабарҳои Академияи илмҳои Руссия. №. 6. Т. 12. с. 855—872.
7. Семёнов А.А. Нури таърих. Таърихи Афғонистон бо фармоиш ва бо иштироки наздики амири Афғонистон Ҳабибуллоҳон мурағаб шудааст // Хабарҳои Туркистони Ҷамъияти географии рус, XVII. Тошканд, 1924. с. 197—207.
8. Семёнов А.А. Дар бораи илоҳиётшиносии назариявии исмоилияҳои Помир (б. 11-и «Чехраҳои имон»-и Носири Хусрав). Тошканд, 1926.
9. Семёнов А.А. Достони форсӣ дар бораи Мир Алишери Навоӣ // Ахбори САГУ, № 13, Тошканд, 1926, с. 177—186;
10. Семёнов А.А. Тавсифи дастхатҳои форсӣ, арабӣ ва туркии китобхонаи асосии Донишгоҳи давлатии Осиёи Марказӣ. Тошканд, 1935 (Материалҳои САГУ. Сер. 2. Шарҳ. №4).
11. Семёнов А.А. Рисолаи Бухоро дар бораи рутбаҳо, унвонҳо ва вазифаҳои барандагии онҳо дар Бухоро, дар асарҳои миёна // Сов. шарҳиносии. В.М.; Л.: Нашриёти АИ СССР, 1948. с. 137—153.
12. Семёнов А.А. Маҷмуаи дастхатҳои шарқии Академияи фанҳои РСС Узбекистон / Ад. ва бо иштироки аъзо-корреспондент. Академияи Фанҳои РСС

Узбекистан, Ҷаъза Академияи фанҳои РСС Тоҷикистон, проф. А.А. Семёнов; [ҷилд. 1–11:] 1952–1987.

13. Семёнов А.А. Очерк оид ба сохтори идораи марказии маъмурии хонии Бухоро дар замонҳои баъдӣ // Материалҳои оид ба таърихи тоҷикон ва узбакҳои Осиёи Миёна. Ҷилди. 2 (Материалҳои Академияи Фанҳои РСС Тоҷикистон. Т. 12).

14. Семёнов А.А. Тавсифи дастхатҳои тоҷикӣ, форсӣ, арабӣ ва туркӣ китобхонаи асосии Университети давлатии Осиёи Миёна ба номи Ленин. Ҷилди. 2. Тошкент, 1956.

15. Фидой. Китоби бихидоят ал-муъминин ат-толибин (Таърихи исмоилият) / Дар асоси дастнависи тоҷикӣ, бо пешгуфтор ва қайдҳои А.А.Семёнов. М.: Наука, ГРВЛ, 1959 (Ёдгориҳои адабиёти халқҳои Шарқ. Матнҳо. Серияҳои хурд, I).

16. Семенов А. А. Шугнанско-исмаилитская редакция «Книги света» Насир-и Хосрова // Записки Коллегии Востоковедов. 1930. [Вып.] V.

Адабиёт

1. Дивани аш‘ари 2001 — *Насир-и Хусрав-и Кубадиани*. Дивани аш‘ари. Муштамил аст бар: Раушанаи-нама, Са‘адат-нама, қасаид ва мукта‘ат / ҷопи 2-м. Техрон: Энтешарати «Ма‘ин», 1380 (2001).

2. Пригарина Н. И., Шакарбекова М. А. Насир-и Хусрав и его «Раушанай-наме» («Книга просветления»). Бейты 323-455 // *Ориенталистика*. 2022. Т.5, №5, с.980-990.

3. Шохуморов А. Помир — кишвари ориён, Душанбе, 1997.

4. Чахонгир Дорӣ. Равобити Руссия бо адабиёти форсӣ, эроншиносӣ, Ҷ. 9, №1, 2016, с.19-37.

5. Эдельман А.С. «Носири Хисрав и его мировоззрение» .Дис...на соиск. уч.степ.канд.ф-логич.наук. Сталинаб, 1955г. -259с.

Лариса Додхудоева

Душанбе

КЛЮЧЕВЫЕ МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТАДЖИКСКОЙ ЭТНОКУЛЬТУРЫ, СФОРМИРОВАННЫЕ А.А.СЕМЕНОВЫМ И М.С. АНДРЕЕВЫМ

*Рудаки и Авиценна дают таджикскому народу
право на вечную славу среди человечества*

А.А. Семенов

Современные исследователи считают, что историю открытия и изучения этнокультуры таджиков можно традиционно разделить на три этапа. Первый этап (первая четверть XIX века) — это собственно открытие самих таджиков, выделение их из числа народов Средней Азии (Центральной Азии), второй — это начальный период описания их культуры. И, наконец, третий — систематическое исследование традиционной культуры таджик-

ского народа.[6,65] В историческом контексте двух последних этапов проходила научная деятельность Александра Александровича Семенова (1873- 1958) и Михаила Степановича Андреева (1873 – 1948) в области таджиковедения. Наследие этих двух выдающихся ученых занимает особое место в транскультурном процессе между Востоком и Западом, «который положил начало формированию новой эстетики: конструированию собственной национальной идентичности и обретению дистанции для оценки собственной традиции, ее изучения, исследования» [10,39] в науке.

Прежде всего, встает вопрос: почему эти исследователи обратились к изучению этнокультуры таджиков, а не других народов Центральной Азии. Хорошо известно, что оба выдающихся ученых были и известными тюркологами, что позволяло им заниматься сравнительным изучением тех или иных проблем истории и культуры разных народов региона. Считается, что для этого существовало несколько причин:

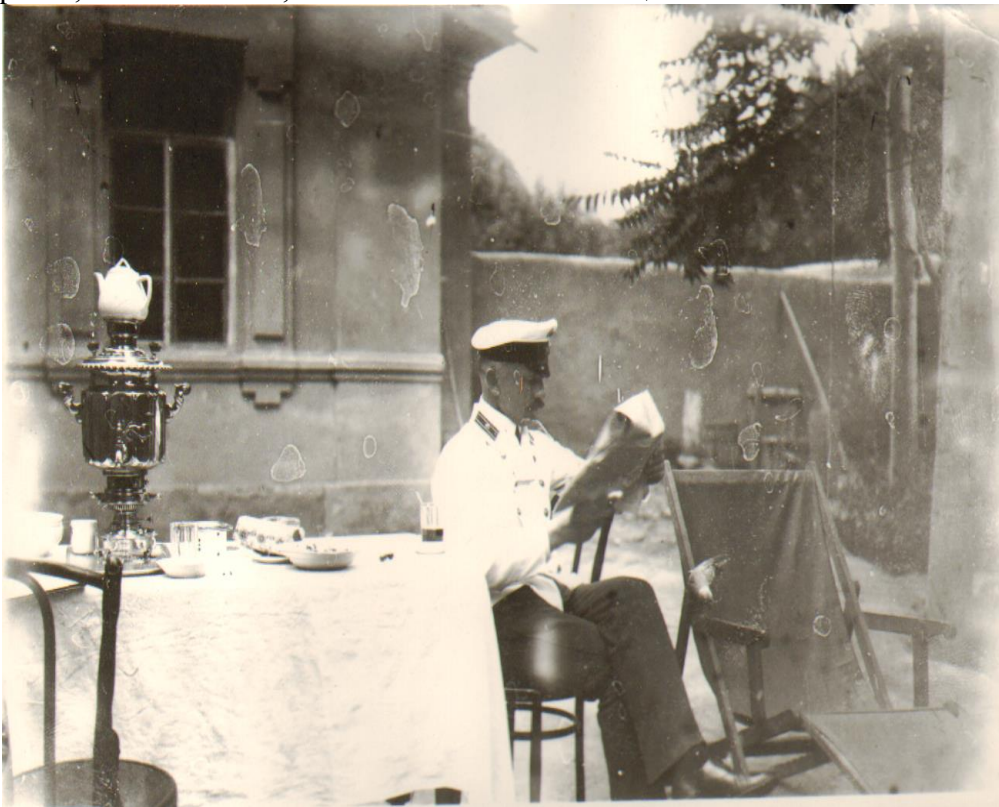

Чиновники Туркестанского генерал-губернаторства. Сидят (слева направо): А.Д. Калмыков, Н. П. Остроумов, Д. И.Субботич, Ефимов (Сахаров), Н. Г. Маллицкий, стоят слева направо: А. А.Семёнов, И. Ягелло, И. Беляев

1. Мнения большинства исследователей сходятся в том, что к моменту покорения центральноазиатского региона Российской империей здесь не сложились (да и не могли сложиться) представления об этнической / национальной идентичности в том варианте (-ах), в котором она существовала в европейской науке эпохи модерна [29, 102]. Более того большая популяр-

ность таджикского языка в городах Центральной Азии, двуязычие практически всего оседлого населения стало для многих российских тюркологов, приехавших работать в Туркестан, вообще неожиданностью. [29, 103] Подобное обстоятельство, несомненно, вызывало большой интерес к носителям таджикского языка. Следовательно, перед А.А. Семеновым М.С. Андреевым встала задача «рекультивировать» идентичность народов Центральной Азии.

2. Важным было и появление к тому времени так называемого арийского дискурса как сугубо научного проекта в европейской науке в XIX в., [36, 33-39] согласно которому из своей прародины Бактрианы арийцы расселялись в другие регионы мира. Во второй половине XIX в. «арийский миф» был введен в высокую науку востоковедом Э. Ренаном и лингвистом-индологом Ф. М. Мюллером. Последний отделял арийцев от туранцев, с которыми, по их мнению, они не имели ничего общего.

М.С. Андреев в Ходженге. 1915-1917гг.

В последней четверти XIX века такие взгляды были популярны и у русских интеллектуалов, интересовавшихся Востоком. [36, 45-47] Н.В. Богоявленский, член экспедиции графа А.А. Бобринского, в которой участвовал и студент А.А. Семенов в 1898г., откровенно писал, что перед ними стоял вопрос: «являются ли автохонными жители Памира, и если «да», то следует ли

их считать арийцами, или, как утверждали некоторые западные ученые, например, Шарль-Эжен Уйфальви, что они пришельцы, но откуда они пришли?». [35, 82]

Как известно, А.А. Семенов после окончания экспедиции опубликовал в 1900г. несколько своих работ :«Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии», а в 1903г.- «Этнографические очерки За-рафшанских гор, Каратегина и Дарваза», [15;18;23;24;27] а также ряд других. Они свидетельствуют о его интересе к Кухистону , горной стране, где в основном обитали таджики, и о том, что его интересы как ученого уже сложились к данному времени скорее всего под влиянием научного направления, связанного с арийской теорией.

Что касается М.С. Андреева, то он сам признавался, что профессор К.Г. Залеман¹ в 1898г. во многом помог ему определиться с будущим направлением научной работы, а то, что он узнавал во время встреч с представителями Бадахшана, «было положительно откровением для него и возбудило у него большое желание съездить в верховья Пянджа...» . [8,25]

М.С. Андреев в Ходженге. 1915г.

Таким образом, А.А. Семенов и М.С. Андреев были одними из тех “этнографов и лингвистов”, о которых В.В. Бартольд говорил, что они были

¹ Залеман Карл Германович(1849-1916)- русский филолог-иранист, академик Петерб. АН (1895), директор Азиатского музея АН. Исследовал пехлеви, согдийский ,осетинский языки, языки Памира, Ягноба. манихейские памятники.

очарованы “так называемыми ”исконными" народами». [4,12] Современный же исследователь П. Бергне, подчеркнул, что именно таджики стали тем народом, который российские востоковеды первоначально продвигали как нацию. [39,48]

Академик Б.Г. Гафуров не мог не оценить подобных устремлений бывших служащих российской империи, тем более что с образованием Бухарской Народной Республики в сентябре 1920 года, ее лидер, Файзулла Ходжаев, объявил узбекский язык официальным языком государства и начал сознательную кампанию по понижению уровня персидского (таджикского) языка. Появились многочисленные высказывания других тюркских активистов о том, что таджики являются национальным меньшинством или же представляют собой узбеков, принявших персидский язык и т.п.

Академик Б.Г. Гафуров как мог защищал проекты А.А. Семенова и М.С. Андреева. Стоит только вспомнить какой нещадной критике подвергся труд А.А. Семенова "Материальные памятники арийской культуры" в 1925 г., а затем переизданный в 1945 г. под названием "Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии". [19,20] Тогда на автора обрушилась целая серия рецензий, в которых его упрекали в общей тенденциозной и вредной концепции, лежащей в основе всей работы. [7]

В 1924г. А.А. Семенов и М.С. Андреев вошли в научный совет вместе с И.И. Зарубиным, Н.Г. Малицким, Л.В.Ошаниным и др., осуществивших большую работу по сбору подготовительных материалов к национально-государственному размежеванию Средней Азии, а в 1925г. вместе с В.В. Бартольдом, Х. Корженевским стали отцами- основателями и активными членами «Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», под эгидой которого они проводили различного рода экспедиции и вели свои многочисленные исследования.

Именно поэтому академик Б. Гафуров пригласил этих известных таджиковедов для работы в Академии наук Таджикистана, а также привлек к сотрудничеству таких крупных русских ученых, как В.В. Струве, И.И. Умняков, А.Ю. Якубовский. Несомненно, с А.А. Семеновым, который в 1951г. стал директором Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, и с М.С. Андреевым, который образовал в 1947г. кабинет этнографии и музей этнографии в данном Институте, он неоднократно обсуждал проблемы культурной идентификации таджикского народа, поскольку сам являлся автором нескольких изданий по истории таджикского народа. [7]

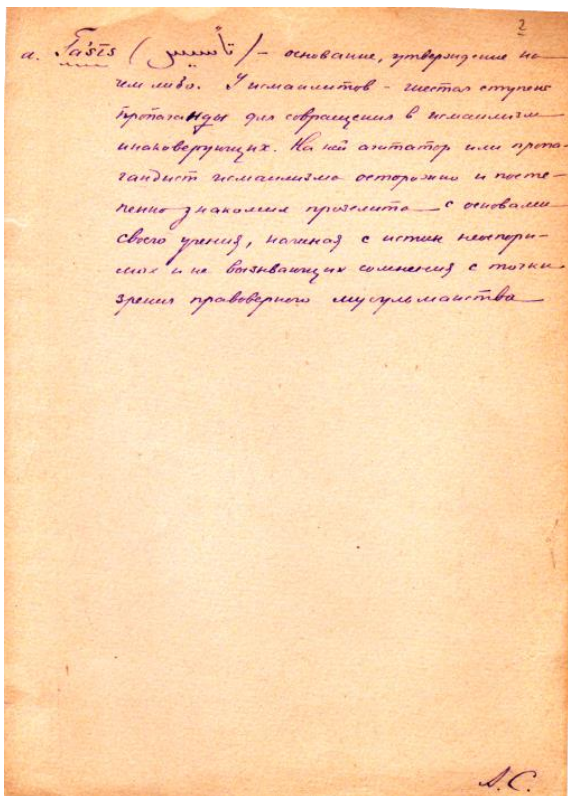
Поставив перед собой задачу раскрыть основы исследования А.А. Семеновым и М. С. Андреевым национальной идентичности в таджикской культуре, мы решились выделить основные компоненты их теории, которая, по сути, состоит из нескольких главных характеристик этнокультуры и име-

ют конкретные ключевые модели. Обратимся к конкретным моделям этнокультуры таджиков, которые сформировали А.А. Семенов и М.С. Андреев

Модель №1. Компоненты духовной культуры таджиков

Религия – одна из значимых идеологических конструктов культуры любого этноса. Зороастризм, маздеизм, манихейство сосуществовали и конкурировали в Центральной Азии с иудаизмом, христианством, буддизмом в результате чего ее собственная культура значительно совершенствовалась. Культ духов, культ огня был распространен не только у таджиков, но и у многих народов Центральной Азии, Алтая и Сибири. Но именно в среде предков таджиков сформировалась конструктивная теория зороастризма, следы которой так тщательно собирал М.С. Андреев во время своих этнографических полевых работ.

Три главных народных праздника таджиков Сада, Навруз и Мехргон – это манифестация культуры иранских народов, характер которой определяется через ряд присущих именно ей фундаментальных ценностных ориентаций. Изначально они не были присущи другим народам Центральной Азии и сопровождают историю таджиков от самых ее истоков. По мысли академика А. Турсунова, язык фарси (дари, таджикский) и Навруз символизируют «диахронную непрерывность и синхронную неразрывность живой ткани социокультурного бытия таджиков». [32,21]

**А.А. Семенов. Карточка терминов
исмаилизма**

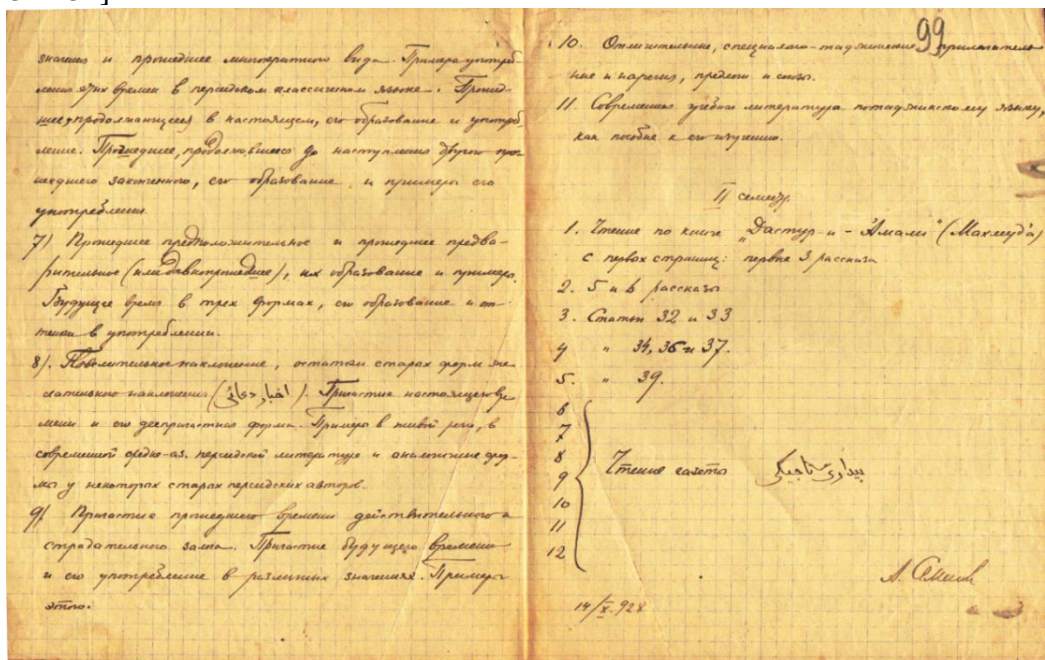
Вслед за И.И. Зарубиным, В.А. Ивановым, А.А. Семенов и М.С. Андреев обратились к изучению исмаилизма. В 1913 г. началось сотрудничество Александра Александровича с представителем шугнанских исмаилитов Сайидом Хайдаршо и исследование письменного наследия исмаилитов Бадахшана. [16,17,33] Отдельные документы, посвященные исмаилизму хранятся в личном фонде ученого в этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана (далее ИИАЭ

НАНТ). [8, 14-16]

М.С. Андреев в своих трудах, посвященных этнографии таджиков Ягноба и долины Хуф, также зафиксировал религиозные предания об зороастрийских традициях и исмаилитах. [3] Как известно, турки Средней Азии никогда не исповедовали исмаилизм.

Модель №2 Роль таджикского языка в процессе формирования самоидентификации народа

Известно, что таджикский язык принадлежит к индо-европейской группе языков и значительно различается с семьей тюркских языков. Он являлся главным официальным и литературным языком Центральной Азии на протяжении веков вплоть до национального размежевания. В своих трудах М.С. Андреев постоянно доказывал, что вся культурная терминология народов Средней Азии была основана на таджикском языке. Находясь в Казахстане он преподавал таджикский язык в Педагогическом институте в г. Алматы и других высших образовательных заведениях. Среди его архивных документов имеются интересные записи, в которых он объясняет, что цель изучения казахскими студентами языка древних насельников Средней Азии необходима «для правильного понимания и толкования многих терминов, которые вошли в турецкие языки Средней Азии как заимствованные с таджикского языка».[ИИАЭ АН РТ, Фонд М.С. Андреева. Опись №1, Ед.хр. № 74] [8, 131-132]

**А.А. Семенов. Теоретический курс таджикского языка. 1928-1929гг.
Этнографический архив ИИАЭ**

Как А.А. Семенов, так и М.С. Андреев, приводят данные о том, что согдийцы и хорезмийцы имели свою письменность ещё до арабского нашествия, а таджикский язык всегда оставался языком государственного делопроизводства и культуры в Бухарском ханстве. В свою очередь М.С. Андреев внес огромный вклад в изучение таджикского, ягнобского и памирских языков. Ученым были подготовлены таблицы ягнобских глаголов, издание по хуфскому языку.

В 1930г. А.А. Семенов стал членом Комитета таджиковедения, руководителем работы по составлению таджикско-русского словаря, и в этом же году М.С. Андрееву в связи «с переходом таджикского языка с арабской графики на латиницу» была поручена весьма важная работа по составлению соответствий традиционных звуков новой транскрипции. [ИИАЭ АН РТ. Фонд М.С. Андреева. Опись №1, Ед.хр.94] Таким образом, оба исследователя внесли свой особый вклад в изучение и развитие таджикского языка, считая его одной из главных характеристик национальной идентичности.

Модель №3 Городская культура и письменное наследие иранских народов как фундамент культурного наследия таджиков

Специфика среды обитания и хозяйства влияла на формирование этносов и развитие этнических процессов в обществах различных народов Центральной Азии. Городская культура являлась основой цивилизационного развития иранских народов, в том числе и таджиков, но не была присуща кочевым тюркским народам. Город был средоточием элитарной науки, архитектуры, литературы, визуальной культуры. Воздействие фарсиязычной культуры в регионе, главным образом, шло через этикет, ритуал, придворный круг, т.е. через составляющие городской культуры.

В Центральной Азии поселения оседлого населения почти неизменно располагались в оазисах-городах, окруженными степями и пустынями. Внутри оазисов иранские жители отличались от внешних кочевников по языку, культуре, обычаям. [41, 35, 38] Номады нередко разрушали плоды творчества и деятельности оседлого населения, а главным центром торговли во все времена оставался город. [43, 46] Когда номады собирались создавать империю, то создавали ее именно на основе оазиса, поскольку там уже были созданы городские инфраструктуры во всех сферах. В степи же отсутствовала администрация и образование, а города могли обеспечить этим кочевников. [37, 184]

Широкая циркуляция и функционирование различных влияний по каналам письменной информации главным образом на фарси (дари, таджикском языке) стали важными факторами эволюции городской культуры. Рукописная книга являлась детищем урбанистической культуры, поскольку именно в городе были сосредоточены те социальные слои, которые создавали книгу и обеспечивали на нее спрос. Книжная культура развивалась и в сельской местности, например, в Бадахшане, где делали бумагу, чернила, пе-

реписывали тексты, создавали декоративное украшение манускриптов. [5] Но центрами книжной культуры всегда оставался город.

Как отметил, академик А. Турсунов, «полноценная нация возникает тогда, когда формируются литературный язык и письменный эпос (не просто художественно описанное родословие народа, а культурное осмысление его этногенетического древа и истории борьбы за выживание)». [32, 18-19]

В этом контексте иранские народы, имевшие свой собственный письменный эпос «Шахнаме» Фирдоуси (Xв.), стали своего рода законодателями способа легитимизации не только династий иранского, но и тюркского происхождения. Поэме Фирдавси "Шахнаме" (10в.) суждено было жить в различных культурах, на разных языках и в разнообразных формах - подлиннике, переводах, подражаниях. В Иране, Центральной Азии, Индии и Турции поэма "Шахнаме" переписывалась не только на фарси, но и на тюркских языках. Для тюркских народов "Шахнаме" продолжало служить в некотором роде эталоном при написании эпических сочинений. По сути, эпос иранских народов стал идеологическим документом и политическим манифестом, основой всей письменной и визуальной структуры элиты как оседлого иранского населения так тюрко-монгольских правителей.

Миниатюра «Шибанихан приказывает придворному литератору Мулла Мухаммад Шади создать «Фатх-наме-и хани». Бухарская школа, 1502-1507 гг.

В миниатюре представлен Шибанихан, который, пытаясь создать некую реплику на эпос иранских народов «Шахнаме», приказывает придворному литератору Мулла Мухаммад Шади написать сочинение «Фатх-наме-и хани» («Фатх-наме») в стиле эпоса иранских народов. Как видим, переписка и иллюстрирование «Шахнаме» Фирдавси стала исторической традицией, которая была вызвана к жизни поисками собственной идентичности не только таджиками, но и тюрками в формате каждой эпохи.

А.А. Семенов был одним из организаторов систематизации манускриптов и создания каталогов различных рукописных коллекций в Бухаре и Ташкенте в 1925-1932гг. [9;12;30] В то время литература на арабском шрифте (графике) не приветствовалась, но было важно показать научную и историческую ее ценность, указать на необходимость систематизации коллекций. В виду этого обстоятельства был введен термин «таджикский», поскольку

большая часть письменного наследия была написана на фарси (дари, таджикском языке). [32,134-138]

Как верно отметил профессор Ф. Ришар, каталоги рукописей под редакцией и при участии А. А. Семенова, сыграли важную роль в развитии иранской библиографии и стали доказательством широкого распространения персидского языка в Центральной Азии, инициировали историческое изучение текстов таджикоязычного населения. Классический термин литературоведения «персидско-таджикская литература», узаконенный в номенклатуре понятий советского востоковедения начиная с 40-х годов прошлого столетия, был вовсе не идеологической конструкцией, а строгим научным понятием, основанным на солидном историческом, антропологическом и лингвистическом материале. [42,15]

Это было чрезвычайно важно в первой половине XX века, когда велись дебаты о происхождении таджиков и послужило некой реабилитацией наследия таджиков, гарантией успеха в сохранении классической эрудиции в области востоковедения и обучения молодых. Сам А.А. Семенов был увлечен коллекционированием восточных рукописей, и свое собрание завещал Институту истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Ныне она хранится в его Доме-музее. [40]

Модель №4 Миниатюрная живопись как визуальный источник по истории таджиков и других народов Средней Азии

Будучи блестящим специалистом в области рукописного наследия и занимаясь подготовкой каталогов рукописных собраний А.А. Семенов познакомился с многочисленными образцами книжной культуры Востока, которые в тот период практически оставались неизученными. Именно он стал основоположником такого научного направления в искусствоведческом востоковедении как миниатюроведение.

В своем докладе «Среднеазиатские рукописные фонды и важность их изучения» на Первой Всесоюзной конференции востоковедов в Ташкенте в 1957г. среди других проблем он указал на задачи исследования средневековой живописи. [26,307-308] Благодаря его почину в конце 40-х гг. XX века узбекские исследователи начали публиковать образцы миниатюрной живописи Среднего Востока, а уже во второй половине этого столетия Академия наук Таджикистана стала одним из известных центров по изучению книжной живописи Среднего Востока в СССР. Словом, инициативы А.А. Семенова оказались весьма успешными.

Известно, что на Среднем Востоке и в Центральной Азии в X - XX веках активно иллюстрировали персо-таджикскую поэзию, где главными сочинениями были эпос иранских народов «Шахнаме» Фирдоуси, (Книга царей), который имел самое большое количество иллюстраций, «Хамсе»(Пять поэм)

Низами Ганджави, произведения Абдурахмана Джамии, Саади Ширази и других классиков персидско-таджикской литературы.

А.А. Семенов, ищущий среди местных специалистов тех, кто желал бы посвятить себя изучению книжной культуры Востока, в 50-е гг. XX века публикует в Таджикистане ряд статей, посвященных рецептам оформления старинных фолиантов и миниатюрам самаркандской рукописи начала XVII в. «Зафар-нома» Шарафуддина Йезди». [21,89-98; 25,3-16]

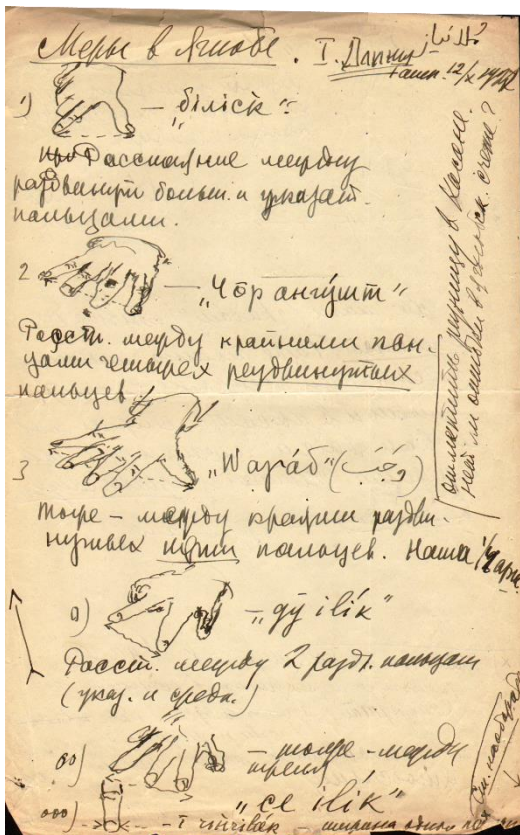
Модель № 5 Наследие горцев – этнопотенциал национальной культуры, служащий для распознавания этнотермина “таджик”

Наставник А.А. Семенова граф А.А. Бобринской указывал, что глубокое и всестороннее изучение современного горного населения поможет ему ответить на многие вопросы, относящиеся к древнейшим культурам Центральной Азии и северо-западной Индии. Память о них могла сохраниться «в традициях, повседневном укладе жизни тех, кто нашел укрытие в горах и всячески оберегал то, что смог с собой унести в горы, а унести можно только то, что сохраняется в душевной памяти». [35,84-85]

В интерпретации А.А. Семенова и М.С. Андреева знание и представления горных таджиков о своем прошлом является в некотором роде реконструкцией истории этноса. Они были уверены, что природу и основы культуры таджикского народа следует искать именно в сохранившемся наследии жителей верховьев Пянджа и Зарафшана, наследие которых они изучали во время полевых работ.

В своей книге «Таджики долины Хуф» М.С. Андреев пишет, что в разговоре с хуфцами они немало не колеблясь, объявляли себя «настоящими таджиками», более чистыми даже, чем живущие ниже их по течению реки Пянджа и говорящие на современном таджикском языке. «Асли тоҷик мо ҳастем» – «Настоящие таджики – это мы»-говорили они. [3,42]

Собранный А.А. Семеновым и М.С. Андреевым материал по данной проблеме является богатейшим источником о старом быте таджиков, его своеобразной энциклопедией. Так, Ягнобу, который М.С. Андреев называл «своего рода человеческой «Беловежской пущей», а также Бадахшану и равнинным регионам Таджикистана посвящены материалы, касающиеся языка, этнографических особенностей жилища, плана селений, утвари, орудий труда. [ИИАЭ АН РТ.Фонд М.С. Андреева. Опись №1, Ед.хр. № № 14, 17,27, 28,29,45,46,58,70,71,100,101] и др.

М.С. Андреев. Ягноб. Полевые записи. 12.10. 1927г. Этнографический архив ИИАЭ НАНТ.

Особое место среди работ А.А.Семёнова занимает «История Шугнана», написанная им в 1912 г. со слов жителя Шугнана Саида Хайдаршо на основе преданий и рассказов о про шлом, хранившихся в памяти шугнанцев.

Народный опыт формирования мировоззрения народа, содержится в традициях и обычаях в укладе семейного и общественного быта. Все ритуалы, обрядовая система, запреты и предписания возникли неслучайно, а в результате народного опыта. Источником их происхождения нередко выступали и фольклорные материалы.

Через труды и описания наследия горцев А.А. Семенова и М.С. Андреева возможна реконструкция прошлого таджикского этноса, изучение и обогащение культурологических, философских и гуманитарных аспектов диалога и взаимодействия восточной и других культур.

Модель № 6 Быт и жилищная

культура таджиков - особая часть их этнокультуры, важная форма их самоидентификации

Известно, что А.А.Семёнов по историко-этнографическим источникам, собранным им лично в конце XIX века, впервые описал жилища горных таджиков. В третьей главе своего сочинения «Селение и жилище» он рассматривает внешнее и внутреннее устройство, убранство и утварь

жилищного пространства.[27]Что же касается наследия М.С. Андреева, то в его работах также много зафиксировано сведений текстового и визуального характера, описывающих жилищную культуру таджиков, которая в корне отличалась от домостроительства тюркских народов, имевших свой собственный вид жилого помещения в виде юрты. Интересно, что в своей статье о поездке в Касанский район М.С. Андреев описывает некоторые особенности традиционного жилища таджиков этого региона и представляет эволюцию построек типа мехмонхона, связь "гап-хона" и джура с "домами огня" ("алоу-хона"). [2,109-130]

Модель № 7. Специфика визуальной культуры таджиков

В трудах А.А. Семенова и М.С. Андреева зафиксирована и специфика визуальной культуры таджиков. Известно, что в 1900г. на основе полевых работ в горных регионах Таджикистана, А.А. Бобринской издал свой известный труд «Орнамент горных таджиков». В этой экспедиции, как известно, участвовал и молодой А.А. Семенов, который в свою очередь написал рецензию на труд своего наставника.[22,76] Известный российский ученый В.В. Стасов вышивальное искусство и вязание горцев оценил весьма высоко и отметил родство русского орнамента и «иранских племен»: «Вот этот-то особенный, оригинальный стиль (горных таджиков), имеющий столько сходства и родства со стилем древнейших русских вышивок и вязаний, является теперь,...новым элементом для русской науки, русской этнографии, русского народоведения. Дело идет...о разнообразных элементах и коренных влияниях, действовавших в древнейшие времена на образование состава и физиономии древней культурной Руси». [31]

Такую же особенность подметил М.С. Андреев в 1925г. во время проведения выставки в Княжеском дворе в Ташкенте, где представил коллекцию, собранных им в верховьях Пянджа образцов вышивки таджиков и киргизов, вязанных памирских чулок *джурабов*. [1] Сам он отмечал удивительную особенность реакции посетителей на представленные экспонаты. Как правило, зрители проходили быстро мимо образцов рукоделия памирских таджиков, думая, что они по природе своей русские, и останавливались около изделий кыргызских мастеров, полагая, что именно они принадлежат таджикским мастерам.[ИИАЭ НАНТ Фотоколлекция №2, Инв. № 9,46.] Это свидетельствует о близости художественных школ орнаментального искусства таджикского и русского народов.

М.С. Андреев писал в своей работе «Орнамент горных таджиков верховьев Аму-дарьи и киргизов Памира»: «таджикские страны в верховьях р. Пянджа являются, по-видимому, самыми богатыми в области народного орнамента между горными таджиками вообще. И в Афганистане, по обе стороны Гиндукуша и в остальных горных местностях Туркестана, и в бывшей Бухаре орнамент, судя по тому, что доводилось видеть, был развит значительно слабее». [1,10,12]

Модель № 9. Музеи - хранилища художественного наследия таджиков, которое они актуализируют в настоящем

27-го ноября 1920г. был образован Туркестанский комитет по делам музеев и охраны памятников старины искусства и природы что положило начало системному изучению памятников Центральной Азии и образованию здесь различных хранилищ и собраний.

Национальная академия наук Таджикистана имеет разветвленную музейную сеть, в которую входят многочисленные мемориальные музеи, посвященные выдающимся деятелям культуры и науки, геологический музей и

другие. Среди них три имеют художественный характер и пользуются наибольшей популярностью. Это Национальный музей древностей и музей этнографии им. М.С. Андреева, которые находятся при Институте истории, археологии и этнологии им. А. Дониша Национальной Академии наук Таджикистана.

Богатый фонд двух последних музеев был собран благодаря усилиям А.А. Семенова и М.С. Андреева как во время их полевых работ, так и в процессе создания музейных структур. Почти все этнографические экспедиции, М.С. Андреева были тесно связаны с развитием музейного дела. Им были собраны прекрасные коллекции традиционного костюма, вышивки, керамических изделий, предметы народных промыслов. М.С. Андрееву, например, удалось открыть свыше тысячи предметов этнографического характера: уникальные образцы поливной орнаментированной керамики, вышитые свадебные лицевые занавески горных таджичек, головные уборы и т.д.[13] В художественном отношении самыми ценными среди них оказались михраб из селения Искодар, резные колонны из Оббурдана, Курута, Фатмева X-XI вв., которые не имеют аналогий среди других шедевров этого

*А.А. Семенов с этнографами М. А. Хамиджановой и А.К.Писарчик.
1952г.Архив М.А. Хамиджановой*

времени. [11,12] В Таджикистане в 1949г. был образован фонд при этнографическом секторе, а затем и музей, ныне носящий имя М.С. Андреева, на основе его коллекции, которую он собрал в Хуфе в 1947г.

По признанию известного советского этнографа А.К. Писарчик, А.А. Семенов был великолепным знатоком восточного искусства, как профессионального, так и народного, принимал активное участие как эксперт “в апробации и оценке приобретаемых этнографическим сектором экспонатов” для музея в Академии наук Таджикистана. [14]

А.А. Семенов и М.С. Андреев принадлежат тому времени, когда началось системное изучение историко-культурных памятников Центральной

Азии. Оба они не были кабинетными учеными, т.к. «Они принесли с собой и ветер дорог и аромат рискованных, порой с оттенком авантюризма путешествий, и огромный опыт общения с местным населением, начиная от простого дехкана и кончая Бухарским эмиром. [28,48] Научная проблема в виде арийского дискурса помогла им представить историю таджиков не периферийной и провинциальной, а значимой в региональном и глобальном контексте, [38,220] подтверждая тот факт, «что таджики были не национальным меньшинством, а нацией, которую он по сути возродили. [34] Их деятельность помогла внедрить концепции национальной идентичности таджиков в науку и государственную идеологию формирующегося таджикского государства в 1920-х годах. [38,217] Они создали идеальные ключевые модели, по которым распознается этнокультура таджиков среди других народов Средней Азии.

Словом, на рубеже XIX- XX веков, благодаря научным изысканиям многих таджикских и российских исследователей, среди которых были А.А. Семенов и М.С. Андреев, была представлена и, по сути, сформирована национальная идентичность таджикского народа, которая стала продуктом нового семантического порядка сначала в советскую эпоху, а затем и в годы политической независимости Таджикистана.

Литература

1. Андреев М.С. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-дарьи и киргизов Памира.-Ташкент, 1928.

2. Андреев М.С. Поездка летом в 1928 г. в Касанский район (Северной Ферганы). О жилище// Из "Известий общества для изучения Таджикистана и Иранских народностей за его пределом" Том I, 1928 г. Ташкент, 1929.С. 109-130.

3. Андреев М.С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи). Вып. I. Сталинабад: Изд-во Академии наук ТаджССР, 1953. (Тр. АНТаджССР. ИИАЭ: Т. 7. Материалы к изучению культуры и быта таджиков).

4. Бартольд В.В. Задачи русского востоковедения в Туркестане. Петроград: Типография Императорской Академии Наук, 1915.

5. Гуломшоев С.А. История библиотечного дела на Памире. Душанбе, 2009.

6. Дмитриев С. В. Этнография таджиков в трудах российских ученых XIX — начала XX в.// Таджики: история, культура, общество./Автор-сост. Р.Р. Рахимов; Отв. ред. М.Е. Резван.СПб, : МАЭ РАН, 2012.

7. Додхудоева Л. Академик Б.Г. Гафуров – основоположник эволюционной теории Цивилизации Центральной Азии //Академик Б.Гафуров- выдающийся исследователь и пропагандист истории таджикского народа. /Ред.-состав: А. Раджабов, Б. Кабилова. Отв. Ред. Н. Убайдулло.С.394-409.

8. Додхудоева Л Научное наследие А.А. Семенова и М.С. Андреева (архивные документы) / Под общей редакцией академика Р.М. Масова. -Душанбе, 2013.

9. Каталог рукописей Исторического отдела Бухарской центральной библиотеки // Труды Библиогр. Комиссии, бывшей при СНК ТаджССР. Вып. 2. Ташкент, 1925.

10. Лысенко, В. Ориентализм и проблема чужого: ксенологический подход // Ориентализм. Оксидентализм: языки культур и языки их описания / Ред.-составитель Е. Штейнер. М., 2012.

11. Массон М.Е. К вопросу о происхождении памятников древней архитектуры, открытых М.С. Андреевым в горах Самаркандской области. // По Таджикистану. Ташкент, 1927.

12. Описание персидских, арабских и турецких рукописей Фундаментальной библиотеки Среднеазиатского государственного университета // Труды Среднеазиатского государственного Университета. – Сер. 2. – Orientalia. Вып. 4. Ташкент, 1935.

13. Писарчик А.К. Памяти М.С. Андреева. // Памяти Михаила Степановича Андреева. Сталинабад, 1960.

14. Писарчик А.К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990 гг.). Подготовка к печати Н. Бабаевой. Душанбе, 2002.

15. Семенов А.А. Из области религиозных верований горных таджиков // Этнографическое обозрение. М. Т.47, № 4. С.81-88.

16. Семенов А.А. Из области верований шугнанских исмаилитов // Мир Ислама. СПб, 1912. Т.1., № 4. С. 523-561.

17. Семенов А.А. К догматике памирского исмаилизма: XI глава Лица Веры Насыр-и-Хосрова. Ташкент, 1926.

18. Семёнов, А.А. Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. Ч.1: Грамматический очерк и памятники народного творчества. М., 1900.

19. Семёнов, А.А. Материальные памятники арийской культуры // Таджикистан. Сб. статей. Ташкент, 1925.

20. Семенов А. А. Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии. Сталинабад, 1944.

21. Семёнов, А.А. Миниатюры самаркандской рукописи начала XVII в. «Зафар-нома» Шарафуддина Иезди // Сб. статей, посвященных искусству таджикского народа // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. 1956. - Т. 17. С. 3 - 16.

22. Семенов А.А. Отзыв о книге А.А. Бобринского «Орнамент горных таджиков Дарваза» // ЗВО РАО 1902, т. 4 вып.1.

23. Семенов А.А. Отношение к детям у горных таджиков // Этнографическое обозрение. М. – Т.42, № 3. С.99-107

24. Семенов А. А. Памятники народного творчества и словарь. М., 1901.

25. Семенов А. А. Рецепты оформления старинных восточных рукописей // Тр. Тадж. фил. АН СССР. Сталинабад, 1951. Т.29. С.89-98.

26. Семенов А.А. Среднеазиатские рукописные фонды и важность их изучения. // Первая Всесоюзная конференция востоковедов (Тезисы докладов и сообщений). Ташкент, 1957. С. 307-308

27. Семенов А.А. Этнографические очерки Зерафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903.

28. Синицына Л. Звезды светят всем. Душанбе: Ирфон, 1966.

29. Соболев В.Г. Образ «таджика» в русской непрофессиональной литературе // Таджики: история, культура, общество / Автор-сост. Р.Р. Рахимов; отв. ред. М.Е. Резван. СПб, : МАЭ РАН, 2012.

- 30.Собрание восточных рукописей Академии наук Узбек.ССР /под ред. и при участии А. А. Семенова. Т. I-3. ,4, 5. Ташкент, 1952, 1954, 1955, 1958, 1960.
- 31.Стасов В.В. Славянский и восточный орнамент по рукописям от 1У до XIХвв. СПб, 1887.
32. Турсунов Самандар и Зулкарнайн: к историософии таджиков// Таджики: история, культура, общество./Автор-сост. Р.Р. Рахимов;Отв. ред. М.Е. Резван.СПб, : МАЭ РАН, 2012.
- 33.Фида-и Китаббихидаят ал-Му‘минйнат-талибйн» («История исмаилизма»)/ По таджикской рукописи издал, предисл. и прим. А. А. Семенов. М., 1959.
- 34.Худоназаров Д. Об одной научной ошибке, или история без политики Неточность, или История без политики)», <http://www.fergananews.com/article.php?id=8655>
- 35.Худоназаров Д. Памирские экспедиции графа А. А. Бобринского 1895-1901 годов. Этнографический альбом. М: Наука,2013.
- 36.Шнирельман В. А. Арийский миф в современном мире: Новое литературное обозрение. Москва; 2015.
- 37.*Adshead S. A. M. Central Asia in. World History. Londres, Macmillan, 1993.*
38. *Battis M.Aleksandr A. Semenov (1873-1958): Colonial Power,Orientalism and Soviet Nation-building Wolfson College (Oxford University)History Faculty/D.Phil. 2015.P.217- C.220.*
- 39.*Bergne, P. The Birth of Tajikistan: National Identity and the Origins of the Republic. London: IB Tauris, 2007.P.48.*
- 40.*Dodhudoeva Larisa, Dodhudoeva Lola Manuscripts orientaux du Tadjikistan : la collection Semenov Cahiers d'Asie centrale.# 7,1999.P.39-54.*
- 41.*Frye R. The Heritage of Persia: The pre-Islamic History of One of the World's Great Civilizations, World Publishing Company, New York, 1963. Reprinted by Mazda Publishers, 2004.*
- 42.*Richard F. A.A. Semenov: the discovery and cataloguing of Persian and Tajik manuscripts in Central Asia Вклад академика А.А. Семенова в изучение истории и культуры таджикского народа. Материалы Международной научно-теоретической конференции, посвященной140-летию академика А.А.Семенова. Душанбе, 13 декабря2014г./ Общ.ред Р.М. Масова. Душанбе, 2014.- С.134-138*
- 43.*Rossabi M. The Legacy of Mongols.//Central Asia in Historical Perspective. Ed. By B. Manz. Oxford, 1994.*

**ТРУД М. С. АНДРЕЕВА «ТАДЖИКИ ДОЛИНЫ ХУФ» КАК
ИСТОЧНИК ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ЯЗЫКОВ
ТАДЖИКИСТАНА**

М. С. Андреев ушел из жизни более 70 лет назад, но его научное наследие продолжает вдохновлять ученых историков, этнографов, этнологов и лингвистов на все новые и новые исследования. Богатый материал собранный М. С. Андреевым, навсегда запечатлел культуру, быт, социальную жизнь жителей Средней Азии, Индии, Афганистана в его работах и стал источником материалов для изучения. Вклад выдающегося исследователя в развитие перечисленных сфер описан в интересных исследованиях Акрамовой Ф. Х. [1] Додхудоевой Л. [3,4] Писарчик А. К. [5]. В них М. С. Андреев предстает как знаток жизни и быта жителей Средней Азии, как коллекционер уникальных изданий, с большим интересом изучающий материальные и духовные стороны жизни людей и в странах Гиндукушского региона. Существует множество лингвистических работ, число которых уже наверное перевалило за сотню, где авторы при диахроническом описании языков Таджикистана выбирают основными источниками работы М. С. Андреева. Большая часть лингвистических работ по памирским языкам Таджикистана по традиции, всегда опирается на работы М. С. Андреева. Одна из выдающихся работ ученого «Таджики долины Хуф», в предисловии к последнему его изданию названа Л. Додхудоевой и З. Юсуфбековой классикой мировой антропологии, что и объясняет причину повсеместного обращения исследователей нового поколения к этой работе [2 V]. Другим объяснением большого интереса к книге является и цитирование авторов предисловия нового издания, редакторов первого издания данной книги академика А. А. Семенова и доктора М. С. Писарчик: «... без преувеличения настоящая монография является своеобразной энциклопедией старого быта таджиков, а, частично, и других среднеазиатских народов, с которыми таджики были связаны историческими судьбами» [5]. В ходе работы над лексическим материалом прошлого и настоящего по памирским языкам нами было обнаружено, что работа М. С. Андреева «Таджики долины Хуф» содержит большой лексический материал по памирским языкам, относящийся к различным сферам жизни женщин восточной части Таджикистана, в первой половине XX века. В настоящей статье будет изложено предварительное исследование по лексике шугнано-рушанской группы языков, относящееся к женщине, которая собрана М. С. Андреевым в монографии «Таджики долины Хуф». Лексический материал в статье будет представлен в соответствии с Международной иранской транскрипцией, основанной на латинской графике (с диакритиками и дополнительными знаками), в скобках даются обозначения слов на кириллице. Вся рассматриваемая лексика была разделена по выражаемым значениям на лек-

сико-тематические группы, чтобы ясно представить ту картину мира женщины, которую автор хочет представить в исследовании. В работе применяется метод описания, семантический и прагматический анализ лексики. Статья пытается ответить на вопрос какова роль языкового материала, собранного М. С. Андреевым и как он отражает картину мира женщины начала XX века.

В двух томах книги М. С. Андреева «Таджики долины Хуф», представлено около 186 лексических единиц, отражающих картину мира не только хуфской женщины, но и женщин других местностей Памира. Одновременно с хуфскими терминами часто приводятся параллельные названия на шугнанском и рушанском, бартангском языках, которые являются близкими и родственными хуфскому. Есть и лексемы, к которым приведены примеры названий на ваханском и язгулямском языках. Помимо памирских языков, М. С. Андреев останавливается на примерах из тюркских языков. Всю лексику темы «Женщина» можно по семантическим признакам разделить на 17 лексико-тематических групп, в соответствии с выражаемой ими тематикой. К лексической группе «Амулеты и обереги» относятся те лексические единицы, которые являются названиями предметов, имеющих, по представлениям, охранный характер. В книге их 5, но приведем лишь некоторые: *lukat pardonc* (лукат пардонц) – «деревянный замок с засовом от него» [2,255]. Деревянный замок находился в доме, где родился недавно ребенок и до наступления семи дней родственники, находящиеся в доме при входе чужих закрывали замок на ключ. По представлениям, до определенных периодов, 3, 7, 40 дней, женщина недавно родившая ребенка и ее ребенок в эти периоды, подвержены опасности получения вреда от вредоносных существ, людей, поэтому и нуж-

но их оберегать - «закрыть» с помощью поворота ключа в деревянном замке. Этот обычай уже забыт и данные слова помнит только поколение старше 60 лет. В лексической микрогруппе «Брак» 26 слов и фраз, она включает все лексемы и фразы, связанные со вступлением женщины в брак и ее жизни в браке. М. С. Андреев собрал обширный материал по этой теме и ряд слов, описывающих исчезнувшие традиции уже неизвестны молодому поколению носителей шугнано-рушанской группы языков. Так как рамки одной статьи не позволяют рассмотреть все слова, любопытные с точки зрения смысла и формы, остановимся на том слове, который ушел в архаизм. Это слово *niko* (h) -gardun (нико (x) гардун) - «брак отвращающий несчастье» [2,120]. М. С. Андреев сообщает, что это название заключения брака в младенчестве мальчика, родившегося в семье, где часто умирали дети. Заключая формальный брак младенца мальчика с другим младенцем-девочкой родители желали отворотить несчастье от своего сына.

Волосы и уход за ними играют важную роль в жизни каждой среднеазиатской женщины и не удивительно, что М. С. Андрееву удалось включить в книгу около 17 лексических единиц, связанных с волосами. И условно данную лексико-тематическую группу можно назвать «Виды причесок и все что связано с волосами». Дальнейший семантико-мотивационный анализ в будущем исследовании поможет выяснить почему такие виды причесок как рокак, рѳақ (покак) – «две косы завязанные на груди», кука, қуқа (кука) – «тонкая косичка, идущая от пробора» так названы [2,252]. М. С. Андреев в монографии привел также примеры слов, относящихся к таким явлениям как «Вредоносные существа», «Клятва женщиной». К последней тематике описания действий приводятся фразы, где мужчины описанием своих действий клянутся именем женщины, чтоб доказать свою невиновность при обвинении в прелюбодеянии [2,181]. Как и фразы с клятвами мужчин, названия таких вредоносных существ как *Almasti* (Алмасти) - «демоническое существо женского рода, которое может вредить женщинам, *Vayd Voyd* (Вайд, Войд) – «демоническое существо женского рода» в настоящее время постепенно уходит из речи носителей шугнано-рушанской группы языков [2,53].

Женщине начала прошлого века также было присуще тяга к использованию косметики. По теме «Косметика» у М. С. Андреева можно узнать о названии 7 косметических средств. Среди них такие слова как *rišk* (ришк) – «румяна» и *safed-ginoj* (сафед-гинодж) - «белила», известны не многим современным носителям языка [2,253]. Из 5 лексических единиц, относящихся к «Медицинским терминам» только 1 является обозначением болезни это: *pidawjin* (низавджин) – «прилипание ребенка». По народным представлениям, когда беременная женщина долго не могла родить ребенка причиной ее могло быть – прилипание ребенка. В народе считали, что эту болезнь можно лечить прижиганием: *ǰūw* (ǰу:оу) – «прижигание» [2,47]. Данные представления в настоящее время исчезли и слова тоже исчезают из речевого обихода

многих носителей. М. С. Андреев в работе остановился и на описании ряда слов и фраз, относящихся к периоду смерти и похоронным обрядам. «Лексика периода смерти» включает в монографии 17 лексических единиц. Это фразы обращения женщины перед смертью к членам семьи, названия песен-плачей и церемония зажигания лампы. Пожалуй, это одна из тех немногих тематических групп слов, где слова все так же остаются в активном употреблении, так как обряды и обычаи, данного периода приведенные в книге сохранились. Хуфское название *tau mod luvdoy* - (тау мод лувдоу) - «говорить твоя мать» - это обозначение того, как после вхождения в дом, где траур, группа женщин начинает петь печальные песни способом фалак, а остальная часть женщин голоса произносятся чаще фразой *tau mod-* «твоя мать» [2,193]

Одежда и обувь у М. С. Андреева представлены самым большим количеством лексических единиц. В лексико-тематической группе «Обувь» мало слов, что говорит о том, что население имело сложности с приобретением обуви, о чем можно узнать также и в описании самого автора. В этой группе 8 названий, которые малоупотребительны или вовсе забыты, так как в настоящее время приобретается в основном фабричная обувь. В данной лексической группе есть интересные слова, название, которых уже несут в себе информацию. К примеру *badaxxone kawx* (бадаххоне каух) – «бадахшанские туфли» обувь, видимо привезенная с той стороны реки, с территории Афганистана, так как раньше в народе, все что имело такое определение в названии считалось привезенным с противоположной стороны реки. [2,412] Интересна и лексико-тематическая группа «Одежда». В ней представлены 41 слов, являющиеся названиями платьев и их частей, видов платка, верхней одежды, шаровар и их частей. В настоящее время многим носителям шугнано-рушанских групп языков известно слово *gilim* (гилим) как обозначение для верхнего теплого мужского халата, сшитого из плотной шерстяной ткани. А в книге «Таджик долины Хуф» можно найти сведение о том, что *gilim* (гилим) это «женское платье, сшитое из домотканой материи рагза», что говорит о том, что одно из значений данного слова стало архаизмом [2,407]

Малоупотребительны в настоящее время и названия, которые мы выделили в лексико-тематическую группу «Женские образы в обрядах». У М. С. Андреева здесь приведены 7 слов, которые являются обозначением патронесс и персонажей в обрядах. К примеру, *čarx - žibesak* (чарх - джибецак) – «пряильщица на прялке чарх» это особый дух женского пола небесная патронесса прях [2,209] Женский образ присутствует и в обряде подношения чучелу, которое называется *kampir-xadurjbon* (кампир хадурджбон) - «старуха-мельник», по случаю окончания первого помола зерна [2,94] В группу «Поздравление» было выделено только одно поздравление присутствующее в монографии, которое произносится по случаю рождения дочери. Оно звучит так: *Muborake alworaz* (мубораке алвопаз) - «с мастерицей сладких блюд». [2,52] Данная формула речи свидетельствует о том, что рождение до-

чери также считалось радостным событием. Слов, связанных с деятельностью женщины по выполнению работ по дому в монографии немного, всего 9, они выделены в лексическую группу «Работа». Это слова, обозначающие части прялки - чарх и название прополки ахауј ахавј (ахаудж) – «выпалывание сорных трав», которое по мнению М. С. Андреева является единственной серьезной помощью, которую женщина оказывает в полевой работе. [2,65] Это и название глажения разминания руками ткани: moltou (молтоу) – «разминание, выглаживание» [2,412].

М. С. Андреев приводит 11 слов, которые были отнесены к лексической группе «Статус женщины». В зависимости от выполняемой роли в определенном возрасте женщина в любом обществе имеет определенный статус. Около 7 слов из данной группы уже не актуальны в речи, так как подобные статусы в современном обществе отсутствуют. К примеру: Ха rizen (хья ризен) – «царская дочь». [2,183] Qumoye – (кумойе) – «любовница, наложница». Nikoye (никойе) – «законная, венчанная». [2,183] Такие предметы как украшения также играли важную роль в жизни хуфской женщины начала XX века, о чем свидетельствуют 26 лексических единиц, отнесенные к группе «Украшения». Среди слов данной группы 3 слова стали архаизмами, то есть вышли из употребления. Один из примеров данных слов Piḫ-owiz (пихь-оуидз) – «подвеска в виде металлического треугольничка с висюльками у обращенного вниз основания». [2,418] В Хуфе, как сообщается М. С. Андреевым один из столбов внутри дома называется kampir setan (кампир сетан) – «столб старухи». Такое название этот столб приобрел потому что обрядовое чучело в виде старухи, принесенное из поля во время празднования сбора урожая усаживалось около этого столба. [2,445] Данное слово отнесено к группе «Места в доме, связанные с именем женщины». И наконец, примером названия из лексической группы «Местности, названные женским именем» приведенное автором монографии является язгулямское Momo Fayzuman (Момо Файзуман) – «Благодатная бабушка». Название мазара – святыни у источника селения Джамак - женское, что является редким явлением в Средней Азии. [2,7]

Таким образом, языковой материал представленный в монографии М. С. Андреева «Таджикские долины Хуф» является большим вкладом в развитии не только этнологии, этнографии, антропологии в целом, но и ценным материалом для дальнейших этнолингвистических исследований по лексике, связанной с картиной мира женщины, на основании того что:

1. В монографии приведены и в большинстве случаев описаны около 186 слов, главным образом из шугнано-рушанской группы языков, что является ценнейшим вкладом в сохранении лексических единиц этих древних языков

2. Около 85 лексических единиц из 186 вышли из употребления, главным образом из-за того, что явления или предметы, которые они называют уже не актуальны в жизни носителей языков. Сбор этой лексики М. С. Андреевым и

помещение и описание их в монографии спасло их от исчезновения из памяти и сделало их достоянием науки.

3. Языковой материал, зафиксированный в этих важных лексико-тематических группах может помочь в реконструкции слов и понятий и их значений не только в близкородственных иранских, но и других индоевропейских языках, что часто приводит и к реконструкции историко-культурных зон

4. Лексические единицы, приведенные в монографии дают общее представление о том, что женщина на Памире при всей скромности быта не была безликим и бесправным существом. Ей не давали заниматься тяжелым трудом, женщина занималась лишь посильным трудом. Существовавшие в речи того времени названия охранных обрядов, действий, способов лечения направленных на защиту женщины говорят о том, что общество и семья заботилось о ней как о продолжательнице рода. Термины брака свидетельствуют о том, что у нее были и определенные наследственные права в семье и обществе. Даже существование святыни с именем женщины и вербальное использование образа женщины в общих обрядах языкового сообщества – это также признание за женщиной определенной роли и статуса.

Литература

1. Акрамова Ф.Х. Востоковед Михаил Степанович Андреев/ Под ред. и с предисл. Б. А. Литвинского. Душанбе: Ирфон, 1973

2. Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Выпуски 1-2 Под ред. Э. Кочумкуловой. Бишкек: Джем Кей Джи, ВШР УЦА, АН Республики Таджикистан, 2020, 794

3. Додхудоева Л. Научное наследие А.А. Семенова и М. С. Андреева (ар хивные документы). – Душанбе, 2013. – 266 с.

4. Додхудоева Лариса Письма Александра Семенова к Михаилу Андрееву (1899 г., 1912 г.) Вклад академика А.А. Семенова в изучении истории и культуры таджикского. Материалы Международной научно-теоретической конференции, посвященной 140-летию академика А.А. Семенова (Душанбе, 13 декабря 2013 г.) Душанбе - 2014

5. Писарчик А.К. Михаил Степанович Андреев (1873-1948) – исследователь культуры и быта народов Средней Азии / Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. А.К. Писарчик. – Вып.7. – Л., 1977

Нигора Джураева
Душанбе

МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ АНДРЕЕВ - ОСНОВОПОЛОЖНИК ТАДЖИКСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Михаил Степанович Андреев

Историко-этнографическое изучение Таджикистана началось задолго до прихода советской власти. Хотя изучение русскими и другими иностранными подданными территории Бухарского ханства началось до присоединения эмирата к России, тем не менее, проявление интереса и целенаправленное изучение относится после объявления Бухарского Эмирата протекторатом России.

В начале XX века Средняя Азия считалась одним из наименее изученных и мало знакомых регионов. Фактически, началом активного этнографического исследования края, в частности территории нынешнего Таджикистана, можно отнести к 1900 г., когда в России был сформирован музей

этнографии народов Средней Азии и Казахстана. Царская Россия для изучения различных областей своей империи создавала особые отделы в музеях, в которых выставлялись этнографические экспонаты, собранные российскими исследователями [1].

Известно, что богатство народа составляет его этнос, выраженный в его обычаях и обрядах. Конкретизация и обобщение этого многогранного богатства является задачей этнографической науки, которая в Таджикистане начала развиваться позднее, чем другие науки. Тем не менее, в этой области собран богатый материал. Большую роль в развитии этнографии сыграли российские ученые-этнографы, и прежде всего Михаил Степанович Андреев.

Михаил Степанович Андреев родился в Ташкенте 24 сентября 1873 года. Учился в Ташкентской гимназии, из которой в 1889 г. перешёл в Туркестанскую учительскую семинарию. Будучи семинаристом, М.С. Андреев часто посещал «старгородскую» часть Ташкента и с течением времени сблизился с некоторыми учащимися медресе, с семьей казия Шариф-Ходжи и с Убайдулла-Максумом мударрисом медресе Ишан Кули-додхо, М.С. Андреев уговорил последнего вести с ним занятия по арабско-персидско-турецкой литературе. В годы обучения в семинарии М.С. Андреев стал хворать и по совету врачей совершал поездки в горы. В бытность свою в Чимкенте он

присоединился к киргизскому кочевому аулу и внимательно наблюдал за его жизнью и бытом.

*Раскопки под руководством М.С. Андреева в Ходженте. 191...г.
Этнографический архив ИИАЭ НАНТ*

В последующем, поездки М.С. Андреева приобретают систематический характер (верховья Ангрена, Ферганская долина, Кызылкумы, Фальгар, Матча и др.). Достигнув в одной из поездок Зарафшанского ледника, М.С. Андреев возвратился через перевал Янги-Сабак, а в последующем совершил путешествие из Шахрисабза в Гиссарскую долину, верховья р. Хингоу, Ягноб и вернулся в Ташкент через Ура-Тюбе (ныне Истаравшан).

По окончании в 1893 году Ташкентской учительской семинарии М.С. Андреев работал в Ходженте «заведующим вечерними курсами для местного национального населения» и посещал различные места Туркестанского края, усердно занимаясь собиранием археологических и этнографических данных.

В 1894 году он получил приглашение работать практикантом по восточным языкам в Ташкентской учительской семинарии и в Ташкентском реальном училище, по поручению которого им было составлено учебное пособие по узбекскому языку. Преподавательскую работу в семинарии М.С. Андреев вёл в 1894 - 1896 гг. В 1895 г. в печати появилась первая этнографическая статья М.С. Андреева о пережитках языческих обрядов в среде коренного местного населения. С организацией в Ташкенте Туркестанского кружка любителей археологии (1895 г.) М.С. Андреев принимает активное участие в его работе.

Неутомимость, энергичность, неизменное тяготение к научным экспедициям и рекогносцировкам по малоизвестным местностям были отличительной чертой М.С. Андреева.

В 1896 г. в Ташкент из Петербурга прибыл чиновник особых поручений Министерства внутренних дел А.А. Половцев, командированный для изучения состояния и задач переселенческого дела в Средней Азии и Закавказье. По рекомендации знатока Туркестанского края В.П. Наливкина М.С. Андреев занял должность секретаря Половцева, с чем были связаны в частности его поездки по Закаспию и Закавказью. М.С. Андреев стал постоянным спутником и сотрудником Половцева, человека, не лишённого научных интересов и склонности к меценатству. На его дальнейшее становление и развитие как учёного-этнографа благотворно влияет его общение с такими выдающимися русскими востоковедами, как С.Ф. Ольденбург, В.В. Радлов и К. Г. Залеман, внёсших также вклад в этнографическое изучение Таджикистана. Они, в свою очередь, заметили в нём человека, преданного науке и изучению Средней Азии. С 1902 г. М.С. Андреев совершает поездки в Ош, на Памир. Теперь его судьба связана со Средней Азией. М.С. Андрееву удалось собрать, в частности, некоторые материалы по почти неведомому тогда науке язгулемскому языку. Русское географическое общество поручило ему работу по составлению этнографической карты Туркестанского края, выполняя которую он посетил Нур-Атинские горы и прилегающую к ним территорию Кызылкумов, а в 1916 г. совершил поездку в Матчу.

Все эти и последующие годы М.С. Андреев не порывал связей с Туркестаном и подолгу жил в Ташкенте, продолжая здесь сбор лингвистических и этнографических материалов.

В 1905 г. М.С. Андреев уехал в Индию в связи с назначением А.А. Половцева генеральным консулом в Бомбее. Академия наук дала ему поручение по сбору этнографических коллекций. Об усердии М.С. Андреева в этом направлении свидетельствует тот факт, что в Музей антропологии и этнографии Академии наук им была передана коллекция в составе 1000 экспонатов. В Индии М.С. Андреев изучал языки хинди и пушту. В 1907 г., во время отпуска, М.С. Андреев вновь прибыл в Среднюю Азию, пройдя пешком из Кашгара через Гималаи по перевалу Кара-Корум в Западный Тибет, а оттуда, проехав Яркент, Ташкуртан, Вахан, Шугнан и Восточный Памир, в долину Ферганы.

М.С. Андреев ещё в конце XIX века начал изучать таджикский язык и этнографию горных таджиков. В 1907 году он посетил долину Хуф, один из труднодоступных горных районов Памира, с целью изучить быт и диалекты живущих там таджиков. Для изучения истории культуры таджикского народа представляет значительный интерес всестороннее исследование быта и культуры этнических групп таджиков. Особого внимания заслуживают так назы-

ваемые припамирские народы, живущие в высокогорных и труднодоступных долинах по обоим берегам Пянджа (верховья Амударьи).

До Октябрьской революции эти народы в течение многих месяцев в году были изолированы от внешнего мира. В силу исторических событий, происшедших в Средней Азии в конце XIX в., припамирские народности оказались разделёнными государственной границей между Афганистаном и Россией в 1895 г. Работа члена-корреспондента Академии наук СССР М.С. Андреева «Таджикские долины Хуф» посвящена быту таджикского народа, пережиткам, сохранившимся нередко только в памяти глубоких стариков [2]. Эти материалы представляют интерес, «т.к., во-первых, они содержат богатые сведения по этнографии древних таджиков, а во-вторых, дают возможность нашей молодежи понять причины и истоки некоторых сохранившихся в быту верований и пережитков»[3]. М.С. Андреев был первым русским учёным, посетившим долину Хуф ещё в 1907 году. Но тщательное этнографическое изучение хуфцев автор смог осуществить только в годы Советской власти [4].

Он был и превосходным лингвистом, хорошо владел несколькими восточными языками, что помогало ему собирать материал по этнографии таджикского и узбекского народов не только путём опроса населения, но и на основе изучения многих рукописных источников[5].

По возвращении в Среднюю Азию М.С. Андреев был назначен инспектором народных училищ в Ходжентском и Джизакском уездах Самаркандской области. Русское географическое общество поручило ему работу по составлению этнографической карты Туркестанского края, выполняя которую он посетил Нур-Атинские горы и прилегающую к ним территорию Кызылкумов, а в 1916 г. совершил поездку в Матчу. Великая Октябрьская социалистическая революция застала М.С. Андреева в Ходженте. С установлением здесь Советской власти он был назначен комиссаром народного образования Ходжентского уезда, а затем вызван в Ташкент, где ему была поручена организация востоковедческого вуза.

В ноябре 1918 г. в Ташкенте начал функционировать Туркестанский восточный институт. Первым руководителем этого Института стал Михаил Степанович Андреев. Молодой институт был во многом обязан ему умелым подбором преподавателей, хорошим помещением, обзаведением учебным оборудованием, библиотекой, археологическими и нумизматическими коллекциями и т.п. Активная деятельность М.С. Андреева в Туркестанском восточном институте, а затем в качестве доцента и профессора на восточном факультете САГУ продолжалась более двадцати лет.

Его умелое руководство и преподавательская деятельность во многом способствовали воспитанию квалифицированных кадров. В институте наряду с другими дисциплинами, он вёл занятия по персидскому языку и таджикским наречиям, читал курсы по этнографии таджиков и др. Все эти годы

М.С. Андреев организовывал различные экспедиции по сбору и изучению этнографических и фольклорных материалов таджикского народа. Этнографические коллекции поступали в Главный Среднеазиатский музей в Ташкенте, заведующим которого состоял одно время М.С. Андреев, и в другие музеи. Преподавательскую работу на восточном факультете САГУ М.С. Андреев вёл и в годы Великой Отечественной войны и после неё, будучи некоторое время также профессором исторического факультета, где он заведовал кафедрой этнографии.

В 1921 г. М.С. Андреев был назначен членом Научной Комиссии по исследованию быта коренного населения Туркестана при Совнарком Туркестанской АССР и возглавил экспедицию по составлению этнографической карты республики. В 1921-1922 гг. он работал в Самаркандском, Каттакурганском, Джизакском и Ходжентском уездах. В 1923 г. М.С. Андреев посетил верховья Чирчика, в 1924 г. - Матчу, Каратегин, Гиссар и Ягноб. В 1925 г. под его руководством работала экспедиция по маршруту Ташкент - Ура-Тюбе - долина Зарафшана - Ягноб - Азнобский перевал - Душанбе - Каратегин - Дарваз - Припамирье - Памир - Ош [6]. Итогом экспедиции явился сбор богатейшей этнографической коллекции. М.С. Андреев был одним из группы учёных (И.И. Зарубин, Н.Г. Маллицкий, Л.В. Ошанин, А.А. Семёнов и др.) проделавших большую работу по сбору подготовительных материалов к осуществлению в 1924 г. национально-государственного объединения народов Средней Азии.

В 1923 г. М.С. Андреев был избран членом-корреспондентом Центрального Бюро краеведения при Академии наук, а в 1928 г. последовало награждение его золотой медалью Географического общества.

В 1926 г. М. С. Андреев осуществил поездку в Афганистан в качестве старшего драгомана советско-афганской комиссии отдела Среднего Востока НКВД СССР, используя своё пребывание в этой стране для сбора сведений по языку и быту таджиков долины Панджшера. В 1927 г. М.С. Андреев возглавил экспедицию в Ягноб, а в 1929 г. в долину Хуф.

31 января 1929 года М.С. Андреев по представлению выдающихся советских востоковедов академиков С.Ф. Ольденбурга, В.В. Бартольда, Ф.И. Щербатского и И.Ю. Крачковского был избран в члены-корреспонденты АН СССР [7]. Представившие его кандидатуру академики в своём отзыве писали: «М.С. Андреев родился на Востоке, всю жизнь прожил на Востоке... и справедливо считается одним из тончайших, глубоких знатоков быта и вообще жизни нового Востока в Средней Азии и Индии» [8].

К концу 1930 г. М.С. Андреев – профессор, глава двух кафедр и зам. директора Объединённого государственного НИИ Таджикской ССР. Его не обошли беды нашего общества 1930-х годов. В 1931 г. он обвиняется в принадлежности к контрреволюционной группе. Затем – ссылка в Алма-Ату на

три года. Но и здесь ему удаётся продолжить педагогическую деятельность: он читает курс таджикского языка в Казахском педагогическом институте.

Чуть позже, в 1934 году М.С. Андреев по предложению Совнаркома Таджикской ССР и ЦК Компартии Таджикистана осуществил экспедицию в Припамирье для пополнения собранных ранее этнографических и языковых материалов в долине Хуф и других прилегающих к Пянджу долинам. В 1936 году он возглавил этнографическо-искусствоведческую экспедицию Российского этнографического музея в Бухару и Хиву. В 1937 году последовала ещё одна экспедиция Музея в селение Нур-Ата и в г. Маргилан. В 1940 году М.С. Андреев организовал экспедицию, собравшую обширные и разнообразные материалы по арку старой Бухары. В 1944-1947 гг. М.С. Андреев руководил коллективом этнографов Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР, а в 1947 г. переехал в Сталинабад, где вёл работу по подготовке Музея археологии и этнографии. За крупные научные заслуги М.С. Андрееву было присвоено звание заслуженного деятеля науки Таджикской ССР (1944) и заслуженного деятеля науки Узбекской ССР (1945). Скончался М.С. Андреев 10 ноября 1948 года в Сталинабаде (ныне Душанбе).

Его основными сочинениями по этнографии Таджикистана являются следующие исследования: «Вещие сны, несколько примет и детская игра «Сорока-ворона» среди некоторых народов, главным образом Средней Азии»; «Таджики долины Хуф (верховья Амударья)»; «Ягнобские тексты. С приложением ягнобско-русского словаря»; «Материалы по этнографии Ягноба: (Записи 1927-1928 гг.)»; «Материалы по этнографии Ягноба. (Записи 1927-1928 гг.)» Душанбе, «Дониш», 1970. 192 с.; «Арк (кремль) Бухары в конце XIX - начале XX вв.» Душанбе, 1972 (совм. с О.Д. Чехович).

Таким образом, глубоко уважая таджикский народ, его историю и культуру, М.С. Андреев принимал активное участие в культурном строительстве в Таджикистане. Он, например, участвовал в реорганизации Таджикской базы Академии наук СССР в Таджикский филиал АН СССР, и в создании Института истории, языка и литературы ТФАН СССР. Переехав в 1947 г. в Душанбе, и работая в этом институте, М.С. Андреев организовал в нём музей археологии и этнографии. Он часто совершал этнографические поездки по Средней Азии, в особенности по Таджикистану, изучал быт и говоры таджиков долины Панджшера Афганистана, Ягноба, Ферганской долины, труднодоступной долины Хуф в Рушане и других мест [9]. М.С. Андреев опубликовал ряд работ по этнографии ягнобцев, иранских племён Средней Азии, Ишканима и Вахана. Представляет научный интерес его работа о некоторых особенностях таджикских говоров. Он посвятил специальные работы язгулемскому языку и ягнобским текстам с приложением ягнобо-русского словаря, составленного им в соавторстве с другими исследователями. Заслуживает особого рассмотрения капитальный труд М.С. Андреева по этнографии таджиков долины Хуф, изданный посмертно. Для этой работы, состоящей из

двух выпусков, он собирал материалы с 1901 по 1943 год [10]. М.С. Андреев как этнограф, лингвист и историк внёс значительный вклад в изучение быта, нравов, обычаев, языка, а также истории материальной культуры таджикского народа.

Литература

1. Бронникова О.М., Вишневецкая (Прищепова) В.А. Каталог коллекций отдела Средней Азии и Казахстана МАЭ // Памятники традиционной-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа Л.: Наука, 1989. С. 180-221. (Сборник МАЭ, Т. XLIII).

2. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи). Вып. 1-2. Сталинабад, АН Тадж. ССР, 1953-1958. Вып. I. 1953. 247 с. [(Труды АН Тадж. ССР, Т. 7. Материалы к изучению культуры и быта таджиков. (Ин-т истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР)]; Вып. 2. Подготовка к печати, примеч. и доп. А. К. Писарчик. 1958. 521 с. (Труды АН Тадж. ССР. Т. I. XI).

³ Моногарова Л.Ф. Критика и библиография. Рецензии. История СССР. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф (верховья Амударьи). Вып. 1. Академия наук Таджикской ССР. Институт истории, археологии и этнографии. Сталинабад. 1953. 247 стр. Труды. Т. 7. Материалы к изучению культуры и быта таджиков. Под редакцией А.К. Писарчик. Ответственный редактор - действительный член Академии наук Таджикской ССР А.А. Семёнов.

⁴ Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов - жертв политического террора в советский период (1917-1991). Изд. подготовили Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 496 с.

⁵ Акрамова Х.Ф., Акрамов Н.М. Востоковед Михаил Степанович Андреев. Душанбе: Ирфон, 1973. –С. 34.

6. Красноделибская А., Кисляков В. М.С. Андреев как один из создателей кунсткамеры (о научном пути учёного и его вкладе в коллекции МАЭ) //Лавровский сборник. Санкт-Петербург, 2009. - С. 29-35.

7. Валерий Германов. «Восточный фронт//Восток – Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность. Москва: Наука, 1996. №3. С. 115-137.

8. А.К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев (1873-1948). Памяти Михаила Степановича Андреева. – Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии. Сталинабад, 1960, № 12, с. 3-29.

9. Акрамова Х.Ф., Акрамов Н.М. Востоковед Михаил Степанович Андреев. Душанбе: Ирфон, 1973. – С. 63.

10. Андреев М.С. Таджики долины Хуф (верховья Амударьи) // Труды АН Тадж ССР. Институт истории, археологии и этнографии. Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР. 1953. Вып 1. – С. 74.

Наргис Ходжаева

Душанбе

ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ТАДЖИКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ М. С. АНДРЕЕВА)

***Михаил Степанович
Андреев. 1915г.***

С 70-х годов XIX столетия Средняя Азия становится неотъемлемой частью Российской империи. Сразу же после вхождения региона в состав России сюда стали съезжаться известные русские ученые. Средняя Азия становится своеобразной Меккой для русских исследователей, научные интересы которых касались всех сфер жизни народов, заселявших ее территорию. Заслуги русских ученых, которые смогли всесторонне изучить историю среднеазиатских народов, несомненно велики. Это была высокообразованная, трудолюбивая и прогрессивно настроенная часть российского общества. Русские ученые самоотверженно и бескорыстно работали в Средней Азии, пытаясь облегчить участь местного населения.

Одним из представителей передовой российской науки и культуры является известный русский и впоследствии советский востоковед, исследователь истории и культуры народов Средней Азии, этнограф и языковед Михаил Степанович Андреев. Большую часть своей творческой жизни этот ученый посвятил изучению таджиков – аборигенов Средней Азии. Особый научный интерес М.С. Андреева вызывали горные таджики, проживающие в верховьях Амударьи. Так, в 1903 г., во время своей первой поездки ученый побывал в Вахане и Ишкашима, [2,54] где проводил этнографические исследования, а также ему удалось собрать материалы по неизвестному науке язгулемскому языку.

В 1907 г. М.С. Андреев вместе с братом генконсула в Кашмире П.А. Половцевым пешком проходит Гималаи по перевалу Кара-Карум в Западный Тибет, откуда направляется в Фергану, проехав Яркенд, Ташкуртан, Вахан, Шугнан и Восточный Памир. [2, 56-58; 3,8] 1907 г. является знаменательным для научной карьеры ученого, так как он впервые попадает в долину Хуф. Он был первым исследователем, посетившим этот уникальный и загадочный край. М.С. Андреев вспоминает: "... долина Хуф, административно входящая в Рушан, была настолько изолирована, что я оказался первым европейцем, узнавшим о ее существовании и проникшим туда впервые в 1907 году". [4,6]

Во время этих двух поездок ученым впервые зафиксирован уникальный этнографический материал по таджикам верховья Амударьи.

В годы Советской власти М.С. Андреев полностью сосредотачивается на научной деятельности и продолжает совершать экспедиции для сбора материала по этнографии таджиков. В 1925 г. руководимая им экспедиция совершила поездку по маршруту Ташкент – Ура-Тюбе (ныне Истаравшан) – долина Зарафшана – Ягноб – Анзобский перевал – Душанбе – Каратегин (ныне Рашт) – Дарваз – Припамирье – Памир – Ош. [2,133-134] В результате был собран богатый этнографический и лингвистический материал.

В 1929, 1934 и 1943 годах [2,147-148;4,9] М.С. Андреев проводит исследования в долине Хуф, расположенной на территории Горно-Бадахшанской автономной области¹ Республики Таджикистан, где также собирает этнографический и лингвистический материалы. Ученый объясняет важность изучения этого труднодоступного района горного Таджикистана следующим образом: “Я не хочу сказать, что долина Хуф является наиболее архаичной среди всех других верхнепанджских долин. Возможно, что, например, бывшие гораздо более труднодоступными Бартанг и Язгулем в некоторых отношениях сохранили еще более архаичные черты быта, но, в сравнении с Шугнаном, Хуф и вообще Рушан сохранили больше старинных обычаев и верований и являлись менее исламизированными, до такой степени, что шугнанцы даже называли рушанцев “кафирами” – “неверными”. [4,9]

Еще ранее, в 1899 г., М.С. Андреев опубликовал статью под названием “Вахие” – горной области, лежащей между Каратегином и Дарвазом, расположенной по течению р. Хингоу. Ученый впервые дает сведения о быте, обычаях и языке вахиёчи, которые приезжали на заработки в Ташкент. М.С. Андреев уже тогда отмечал, что небольшие селения и в тоже время сплошное расселение, изолированность благодаря труднодоступности края, помогли горным таджикам навека сохранить традиции седой старины². Тем самым, подчеркивая значительную культурную общность горных таджиков, ученый ясно дает понять, что таджики, живущие в изолированных горных районах, являются хранителями древней доисламской духовной культуры. [3,590]

Во время полевых работ М.С. Андреев изучал все стороны жизни горных таджиков. Особое внимание ученый уделял описанию обрядов и ритуалов, связанных с рождением ребенка, свадебного и похоронно-поминальных обрядов. М.С. Андреев фактически впервые подробно описал эти обряды.

В верованиях и обрядах современных таджиков наследие древней иранской культуры прослеживается очень мощно. Благодаря этнографическим исследованиям М.С. Андреева, можно говорить о выделении зороастрийских

¹ Далее в статье таджики, проживающие в Горно-Бадахшанской области, будут называться горнобадахшанцами.

элементов в погребально-поминальной обрядности горных таджиков, которые подробно описаны в его научных трудах.

Обряд очищения. Известно, что по зороастрийским канонам, все, что соприкасается с трупом, становится сакрально нечистым, обладающим оскверняющей силой. Подобное отношение зафиксировано М.С. Андреевым у таджиков долины Хуф. Так, при обмывании тело умершего кладут на специальную доску, “снизу которой подставляют корыто, чтобы вода с тела стекала бы в него и не оскверняла бы дома.

Закончив свое дело, человек, обмывавший покойника, сам совершает полное ритуальное омовение и, вытерев потом свое тело тряпкой, кладет ее к покойнику, Делается это для того, чтобы вред от покойника не пристал к обмывавшему, а остался бы при нем.

По окончании обмывания вода, стекавшая с тела и собираемая в корыто, выливается возможно дальше от дома. Как это корыто, так и ложка-ковш и кувшинчик для воды потом старательно выбрасываются в какое-нибудь уединенное место, подальше от дома: они не годны больше для употребления, точно так же как выбрасывается потом и веник, которым подметали пол после того, как из дома вынесли покойника и понесли его на кладбище”. [4,188]

Проводится также обряд очищения дома. Так, “на третий день производится очищения дома. С утра собираются соседи и принимаются за стирку всего белья. Имеющегося в доме. До переодевания в вымытые одежды домашние покойника считаются нечистыми и не могут заходить в другие дома, чтобы не осквернить их. В доме подметают и убирают. [4,185]

М. С. Андреев отмечает также, что у ишкашимцев и ваханцев после того, как покойника вынесут из дома, “женщины, собравшись со всего селения, моют накопившееся в доме грязное белье, а также одежду, оставшуюся после покойника”. [6,18]

Ученый сравнивает обряд очищения таджиков долины Хуф с подобным обрядом в Шугнани, о чем пишет следующее: “... в Шугнани очищение дома, выражающееся в мытье всего, что возможно, водой, производится тотчас же после выноса покойника из дома, так, чтобы к возвращению с кладбища лиц, участвовавших в похоронах (шугн. ка:бар-чид), дом был уже чистым. Существенной частью очищения дома является “очищение котла”, что так и называется по-шугнански “очистить свой котел” (ху ди:г ало:л чидо:w»). Для этого в нем варят немного пищи, которую потом выливают в какое-нибудь чистое место. В Шугнани при очищении котла в нем варят петуха, а если его нет и трудно достать, то кушанье, называемое “шир-фитир”, которое крошатся в кипящее молоко, разминаются в нем ложкой и потом, по выкладывании на блюдо, поливаются маслом и тоже не употребляются в пищу, а оставляются в “чистом месте”.

В Хуфе для очищения котла в доме умершего в котле варят мучной кисель на молоке (хувд-хах па:), приготовляемый обязательно из пшеничной муки. В Рушане, в селении Шидз, для очищения котла в доме покойника также варили петуха”. [4,198]

М.С. Андреев отмечает также, что в течение первых трех дней похорон, до стирки белья, называемой в Шугнани “лил-зинэд”, а в Хуфе “лок-зинед”, никто из дома умершего ни в коем случае не входит в дома соседей и вообще не выходит из дома. Самые неотложные полевые работы, как, например, поливку посевов, в эти дни производят соседи”. [4,198-199]

Таким образом, описанные обрядные правила по обмыванию тела покойника свидетельствуют о том, что горные таджики сохранили предписания верований зороастрийцев по предотвращению осквернения трупом всего окружающего.

Закалывание в жертву белого барашка, над которым совершен обряд омовения. В день похорон после заката солнца один старик, предворительно совершивший свое омовение, приводит в дом белого барашка, над которым тут же в доме совершает ритуальное омовение “тахорат”, – моет три раза барашку мордочку, брызгает ему водой на половой орган и на две задние ножки... Барашку, взятому стариком на приступок перед очагом, перерезывают горло. М.С. Андреев полагает, что считается, что грехи покойника должны были перейти на данного барашка, как на “козла отпущения”. [4,196]

Запрет на зажигание огня в течение трех дней со дня похорон. М.С. Андреев пишет, что в Ишкашимае и Вахане по возвращению с похорон, участвовавшим в них предлагается угощение из блюд, принесенных родственниками и знакомыми умершего. В течение следующих трех дней они же приносят пищу тем, кто живет в доме, где покойник скончался, так как за это время в том доме пищу не готовят.[6,18] Этот обряд связан с пережитком культа огня, который почитается у зороастрийцев. В первые три дня огонь нельзя зажигать, так как дом покойника еще не очищен, и огонь может быть осквернен.

Обряд зажигания светильника и лучины. Этот обряд также связан с культом огня. М.С. Андреев пишет: “на четвертый день хозяин дома покойника, называемый на местном таджикской диалекте «сохиби чиноза», «хозяин джинозы» готовится к совершению обряда зажигания светильника для умершего, что называется на местном таджикском диалекте «чироғ равшанкунӣ», “возжжение светильника” или “даъвати фано”, призыв к небытию”, а по-шугнански “циро:впадэ:д». Около заката солнца устраивается поминальное угощение, на которое приглашаются все жители селения. Вечером начинают читать калима (молитву), затем начинается пение траурных песен – «tado». Ближе к полуночи в дом загоняют белого или серого барашка, которого закалывают. Мясо барашка целиком идет на приготовле-

ние поминального блюда «бог». Халифа берет каменный светильник – «широ:w», наполовину наполненный подогретым топленым маслом, и погружает в него свитый из воды фитиль. Фитиль зажигается при помощи лучинки и ставится перед халифой. Начинается чтение молитвы. Через некоторое время светильник забирает родственник покойного и идет к очагу. Каждый из родственников покойного должен подержать светильник, стоя на выступе очага. Затем светильник относят в кладовую. Все приступают к еде и поминки заканчиваются. [4,199]

Следует отметить, что в погребальном обряде современных зороастрийцев также зажигают светильник. Так, в доме, где лежит покойник, точнее в месте, где находится его голова, ставится горящий светильник, окруженный четырьмя сырцовыми кирпичами. [9,152-153] На третий день они начинают совершение обрядов, которые должны определить судьбу души. Дом и улица, также как и у горнобадахшанцев должны быть очищены. Жрец и соблюдающие траур должны подготовиться к проведению церемонии *Yašt-e sevnom*-третий яшт, или «служба «третьего дня». Парсы применяют этот термин и для службы, проводимой на рассвете четвертого дня, которую иранцы называют *šagom*. В этой церемонии жрец молится о душе. Считается, что на рассвете четвертого дня душа должна пересечь мост суда. В связи с этим проводят церемонию *šahārom*, чтобы облегчить переход души через мост. [9,151] Для нас интересен и тот факт, что у зороастрийцев Ирана три дня в доме покойного не едят мяса, а ночью на четвертый день готовится мясная пища *andom*. М. Бойс считает, что это очень древний обычай, и связан он с кровавым жертвоприношением. [9,158] Возможно, закалывание барашка у горнобадахшанцев имеет те же корни.

Еще один поминальный обряд таджиков долины Хуф, связанный с культом огня, описанный М.С. Андреевым. В продолжении первых двух дней при наступлении вечера хуфцы берут лучинку, обматываемую ватой и пропитанную затем маслом, и относят в то место, где лежало в доме тело покойника. Там ее укрепляют в горизонтальном положении, втыкая конец между двумя камнями, и зажигают. Под лучиной ставится чашка с водой, в которую положены торчащие оттуда два прутика. Как только лучина догорела до половины, ее сразу окунают в воду, чтобы она разом потухла. После того как лучина потухла, чашку с водой берут и, вынеся наружу, выплескивают из нее воду в какое-нибудь чистое место. [4,194-195] Подобные свечи служили для освещения пути покойного.

Представления о загробной жизни горнобадахшанцев. М.С. Андреев приводит сведения о вере хуфцев в потусторонний мир, о существованиирая и ада. Рай представляется им прекрасным, чистым местом, страной полной чудесных цветов, светлой, радостной, где текут реки с молоком и другие с маслом. Попадающие туда живут там весело и счастливо. Туда могут попасть и мужчины, и женщины. Ад, куда попадают грешники, очень

холодная страна, где никогда не бывает тепла – страна, наполненная змеями и различными насекомыми, среди которых живут грешники, мучаясь о раскаянием о содеянных грехах.[4,205]

Ученый отмечает, что маздеистское представление о мосте Шинван (Чинват), перекинутом через ад и ведущем в рай, тоже попал в круг припамирских исмаилитов. В хуфском названии “Пул-и Салот” несомненно можно видеть “Пул-и Сират”, описание которого так популярно среди населения Средней Азии. По представлениям исмаилитов, мост этот идет над водой, в которую падают, срываясь с него грешные души, отправляющиеся затем в ад. Праведные проходят без вреда, несмотря на то, что мост “тонок” как волос, и остер, как меч.[4,205]

М.С. Андреев указывает и на общемусульманское верование, основанное на древних домусульманских представлениях о появлении к покойнику в могилу двух ангелов. Об этом он пишет: “Видно, что в старое время участь покойника якобы подвергавшегося в могиле допросам и мучениям со стороны ангелов-опрашивателей, очень озабочивала и смущала жителей верховьев Пянджа. В моих записях 1901 г. имеется рассказ одного хуфца, что в старое время, при прежних правителях “ша” последние в случае смерти кого-нибудь из своих близких, приставляли к могиле караульщика, который назывался “кабрбун”, “охранитель могилы”. Он должен был находиться три дня и три ночи при могиле и оберегать ее от вторжения “ангелов” (Мункара и Некира), которых простой народ, не очень тонкий в мусульманской терминологии, называл просто “азраило”, “азраилы” (мн. число от имени ангела смерти Азраила). Ангелы могли мучить покойника только в продолжение первых трех суток после смерти; после этого он был уже в безопасности, и караул снимался”. [4,202]

Заметим, что представление о мосте, по которому душа покойника следует или в рай, или в ад, а также о двух ангелах, допрашивающих покойника, имеется в верованиях зороастрийцев. Так, В «Авесте», священной книге зороастризма, говорится о мосте в потусторонний мир – «Чинватоперето»-činvat.pərətauu – («Вендидад» 13.3, 9; 19. 26-32; «Ясна» 46.10; 51.12-13) [1] и о том, что душа покойного находится на земле три ночи, а затем по мосту Чинват, который находится на горе Хара Березаити, она переходит в потусторонний мир («Яшт» 4. 9-14; 17. 2-9). Зороастрийская доктрина утверждает то же самое («Вендидад» 19. 26-32; «Яшт» 4. 9-14; 17. 2-9; Dd. 20. 1-4 [10]; PR. 23. 2).[12]

В «Книге о праведном Виразе» («Арда Вираз Намаг») также дается описание моста Чинват. Так, Вираз во сне путешествовал в загробный мир в сопровождении богов Сроша и Адура. С их помощью Вираз попадает к мосту Чинват, где он видит души усопших, которые первые три ночи сидят возле мертвых тел и читают гаты. Заметим, что у горнобадахшанцев при обряде «зажигание светильника» молитвы читаются таким же тоном, как ис-

полняются гаты Заратуштры. Далее Вираз попадает в чистилище, после чего Вираз возвращается назад (АВН. 4. 5; 5. 1). [8]

В другом пехлевийском источнике «Меног-и Храд» описывается, как душе праведника одним из посланников Ахура-Мазды праведным Срошем оказывается посредничество при пересечении моста Чинват (МХ. 2. 110-126). [7,10-138;11]В сочинении говорится: «что в течение трех дней и ночей твоя душа будет сидеть у головы тела, и на четвертый день на рассвете, сопровождаемая праведным Срошем,...она достигнет высокого и страшного моста Чинват, к которому придет каждый, праведный или грешный» (МХ. 2. 115-116).

Духи предков. М.С. Андреев пишет, что души покойников – предков повсюду в припамирских странах, в том числе и в Хуфе, называются «арво(х)». Они заботятся о своих потомках, оставшихся в живых, интересуются их судьбой, помогают им. В два вечера в неделю (на четверг и на пятницу) они в особенности склонны посещать свои жилища, в которых обитали при жизни. Если, подслушивая у дымового отверстия в крыше, они слышат, что их семья живет в мире, не ссорится, члены её ведут себя хорошо, то они радуются, остаются очень довольными и ниспосылают благословение и успех своим домашним. Если же видят неурядицу, ссоры, то становятся печальными, недовольными и могут прочесть дурную молитву (дуо:и бад), т.е. такую, действие которой направлено на причинение вреда данному человеку (соответствует проклятию). Вот почему в указанные вечера семьи стараются проводить время вместе в мире, без ссор (чтобы не подслушали духи предков). Для умилоствления арвохов хозяйка дома в этот вечер разводит у очага священное курение, дым которого должен достигать до их обоняния. Она обращается при этом к ним с возгласом «Йо: арво:го:н, мадад! – «О духи предков, помогите!». [4,208] В «Авесте» тринадцатый яшт («Фравардин-яшт») посвящен фравашаи. У индоиранцев фравашаи являются душами умерших предков, которые продолжают загробное существование и покровительствуют своему роду или общине. В «Фравардин-яште» прославляются фравашаи иранских легендарных царей. Тем самым, описанный М.С. Андреевым обряд показывает одинаковое почитание духов предков как у древних иранцев – фравашаи, так и у современных горнобадахшанцев – арво(х) или фирихта.

Таким образом, сравнительный анализ приведенных этнографических сведений М.С. Андреевым, касающихся обрядов и ритуалов, связанных с похоронами и поминками и зороастрийских источников показал следующее: в вышеупомянутых обрядах «очищения дома» и «зажигания светильника» после смерти человека прослеживаются элементы доисламских верований. Запрет на зажигание огня и приготовление пищи в течение трех дней в доме умершего отражен в зороастризме. То же самое касается и обряда «зажигания светильника» и лучины, где особое значение придается огню – одной из священных стихий в зороастризме. Представления горнобадахшанцев о мо-

сте в потусторонний мир, о двух ангелах, допрашивающих покойников, и о духах предках также подобны сведениям зороастрийских источников.

Литература

1. Авеста в русских переводах (1861-1996). Сост., общ. ред., прим., справочный раздел И.В. Рака. Спб.: «Журнал “Нева”», «Летний Сад», 1998.
2. Акрамова К.Ф., Акрамов Н.М. Востоковед Михаил Степанович Андреев. Душанбе: Ирфон, 1973.
3. Андреев М.С. Вахие // Туркестанские ведомости. 1899. № 93.
4. Андреев М.С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). Сталинабад: Изд-во АН Тадж.ССР, 1953. Вып. 1. С. 8 (Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 7. Материалы к изучению культуры и быта таджиков).
5. Андреев М.С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). Сталинабад: Изд-во АН Тадж.ССР, 1958. Вып. 2.
6. Андреев М.С., Половцев А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан // СМАЭ. 1911. № 9. С. 18.
7. Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и Меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. М., 1997.
8. Пехлевийская «Божественная комедия»: Книга о праведном Виразе (Арда Вираз Немаг) и другие тексты. Введение, транслит. пехл. текстов, Пер. и коммент. О. М. Чунаковой. М.: Изд-во Восточная литература РАН, 2001.
9. Boyce M. A Persian stronghold of Zoroastrianism. Oxford.: Clarendon Press, 1977.
10. Dâdistân-î Dînîk and the epistles of Mânûskîhar. Oxford, Univ. Press, 1882. 480 p. Part II: Dâdistân-î Dînîk. Transl. by E.W. West. P. 1-276. (SBE, vol. 18).
11. Dînâ-î Maînôg-î Khirad, Sikand-gûmânîk Vigâr, and the Sad Dar. Oxford, Univ. Press, 1885. 372 p. Part III: Dînâ-î Maînôg-î Khirad. Transl. by E.W. West. P. 1-133 (SBE, vol. 24).
12. Jackson A.V.W. Persia past and Present. London: Macmillan, 1906.
134. Pahlavi Rivôyat accompanying the Dâdestân ī Dēnīg // Part I: Transliteration, Transcription and Glossary by A. V. Williams. Copenhagen, Munksgaard, 1990. 357 p.; Part II: Translation. Commentary and Pahlavi Text by A. V. Williams, Copenhagen, 1990.

Зинатмо Юсуфбекова,

Мумина Шовалиева

Душанбе

ОСВЕЩЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЕЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ В ТРУДАХ А.А.СЕМЁНОВА и М.С.АНДРЕЕВА

Известные учёные, историки, исследователи культуры народов Средней Азии, востоковеды, этнографы, лингвисты А.А.Семёнов(арабист и тюрколог) и М.С. Андреев(этнограф-иранист), посвятили многие свои работы различным вопросам этнографической науки. В связи с этим, хотелось бы заметить, что, хотя А.А.Семенов был востоковедом и историком, его первые дореволюционные работы были посвящены именно

вопросам этнографической науки, то есть он начал свою карьеру в качестве этнографа, а М.С.Андреев явился основателем этнографической науки и музейной работы в Таджикистане. Кроме того, оба учёных начали свою научную деятельность до революции, и продолжили эту деятельность уже в советский период. Оба корифея исторической науки Таджикистана участвовали во многих экспедициях, больше этнографических конца XIX-середины XX вв. писали работы по этнографии таджиков и уделяли большое внимание развитию Музейного дела в Таджикистане (в частности, М.С.Андреевым собрано большое число экспонатов для Музея этнографии).

Так, в 1898г. А.А.Семёнов по рекомендации профессора Р.Ф.Миллера, председателя этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском Университете, будучи студентом Лазаревского Института восточных языков, участвует в экспедиции в Среднюю Азию под руководством А.А.Бобринского. Он ставит перед собой задачу изучения языка, фольклора и народонаселения. Известные таджикские этнографы А.К.Писарчик и Н.Н.Ершов спустя 70 лет после экспедиций подчеркнули, что “Исследования А.А.Бобринского, А.А.Семёнова и М.С.Андреева могут быть отнесены к работам непосредственно этнографического характера дореволюционного периода”. [16,54]

Наиболее известными работами дореволюционного периода А.А.Семёнова являются “Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза” и “Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии” являющиеся результатом экспедиций с А.А.Бобринским. [11;13]

Работа “Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза” является первым опытом научного описывания быта, обычаев и верований горных таджиков. Она представляет собой очень подробное этнографическое описание таджиков Верхнего Зеравшана, Каратегина и Дарваза, более полное, чем во всей предшествующей литературе вместе взятой. В этой работе, касаясь вопросов происхождения таджиков, он описывает их внешний облик, одежду, жилище, домашнюю утварь, приводит данные о характере земельной собственности, земледелии и её технике, садоводстве, скотоводстве, различных ремеслах, в частности керамике и текстильном производстве, добыче и плавке железной руды, кузнечном деле, золотодобыче, описывает обычаи и некоторые верования семейной обрядности таджиков, делает перевод 70-ти сказок. [8,41-42]

В указанной работе А.А.Семёнова дореволюционный костюм жителей Дарваза также получил достаточно подробное описание. Им последовательно дана характеристика всех предметов мужского и женского костюмного комплекса – одежды, головных уборов, обуви, причёсок, украшений. Относительно косметики А.А.Семёнов сообщает, что в то время

горные таджики помимо хны, другими такими средствами не пользовались. Что касается одежды таджиков в конце XIX в., то А.А.Семёнов называет её “затейливой”, и подчёркивает, “причём она была одинаковой и в будни, и в праздники”. [13,24-31]

В третьей главе “Этнографических очерков” он отчётливо показывает классовое расслоение горных таджиков: насколько, например, отличаются жилища и быт бедноты и представителей знати. Немало страниц посвящено описанию жестокости представителей эмирской власти и бесправия угнетённого народа. Здесь явно прослеживается симпатия автора к простому народу, что выражается в следующем его высказывании: “начиная от губернатора и кончая последней чинушей – халатником-грабят все, отчего бедное, истощённое непосильными налогами население встречается в каждой провинции. И только изумительное плодородие земли да необыкновенное трудолюбие прекрасного народа, ещё живущего тысячелетними традициями своей когда-то прославленной культуры, не дают стране дойти до полного обнищания и запущенности. Ни суда, ни расправы на беззакония властей ни у кого нельзя найти”. [8,42]

В 1898-1899 гг. он также посвящает свои статьи жизни и быту горных таджиков, одной из которых является публикация “Отношение к детям у горных таджиков”, таджиков, которая посвящена воспитанию детей в семьях горцев-таджиков. Здесь он особо подчёркивает уважительное отношение горцев к своим детям, их внимание, и правильному их воспитанию. [12]

В 1899 г. в Москве издается его монография “Средняя Азия”, посвящённая среднеазиатским народам, в частности, равнинным и горным таджикам (1900 г.), которую переиздали через 10 лет. [8, 89] В работе он отмечает, что таджики составляющий вместе с узбеками большинство городского и сельского народонаселения Средней Азии принадлежат не к тюркскому племени, а к так называемому “индоевропейскому”. Говоря о домашних промыслах таджиков, он отмечает, что они занимались шелководством, ткачеством, и железодельным производством. Согласно его заключению, горные таджики Зеравшана и Памира “большие мастерицы прясть, ткать, вышивать и вязать чулки, покрытые разнообразными рисунками; кроме того, изготовление глиняной посуды также входит в обязанности женщин, и каждая туземка не имеет никакого понятия о гончарном процессе, одними лишь руками умеет лепить из глины и обжигать на очаге самую разнообразную посуду, причём по тонкости работы и по красоте рисунка такая посуда ничуть не уступает той, которая сделана при помощи гончарного колеса и других приспособлений”. [6,97]

Говоря о ремеслах Памира, он отмечает, что главным сезоном работы на Памире была зима. Причину этого А.А.Семёнов и А.П.Шишов видели в том, что “ в горах зимой из-за закрытия путей сообщения с равнинными и соседними горными селениями жителям приходилось оставаться в своих

поселениях до 9 месяцев в году. Они редко покидали жилища, женщины занимались производством пряжи, вязанием, шили различные предметы одежды (рубашки, штаны, чекмени, головные уборы и др.)”. [13,44-58]

Ткачеством, как отмечал А.А.Семёнов, на Памире занимались, как правило, мужчины. [17, 225-228; 252-258.] Однако А. Серебренников отмечал, что на производстве шерстяных материй специализировались и женщины. Они ткали преимущественно грубые сукна, хотя и встречались и тонкие образцы. Перед тканьем нитки не красили, как не красили и саму материю. Декор ткани получали за счёт компановки шерстяных нитей разных естественных цветов. По этой причине колористический ассортимент тканей и их орнамента был весьма ограничен – чёрный, белый, серый. [14,73-74]

По свидетельству А.А.Семёнова, практически во всех дарвазских хозяйствах имелись ткацкие станки, чему способствовало и наличие в регионе хлопковых полей в качестве сырья. Местные жители гордились как умением выращивать хлопок, так и перерабатывать его в пряжу и ткани. М.С.Андреев отмечал, что ткачеством карбоса здесь занимались в каждом хозяйстве и что хлопчатобумажное волокно в Дарвазе производилось в избытке. [2,17]

Оба автора отмечают, что в Дарвазе, кроме карбоса, выделывали ткани алоча, калами, алифтор, малла, куртачи, салла, сияхкандж, сурхкандж, шатранджи, шаши. [13, 58-59]

Из шёлка дарвазцы изготовляли казин, который в других районах также называли *пиллаги* и *дорои*. В Дарвазе её ткали в небольшом количестве, причём затем в обязательном порядке подвергали обработке в виде полотна или уже сшитого изделия узорчатой отделки способом гулбаст. [15, 225]

А.А.Семёнов отмечает, что шерстоткачество в Дарвазе было распространено повсеместно, особенно в селениях Равноу, Варджувдж и Пшихарв. Население края из овечьей и козьей шерсти вырабатывали ткань *барак*, мешковину *рагзаи кон*, обмотки для ног *пойтоба*, подпруги *аил*, и перемётные суммы *хурджин*, вяли джурабы. [13, 57-58]

Академики А.А.Семёнов и М.С.Андреев подчёркивали товарность продукции местного производства. Так, хлопчатобумажные материи из Дарваза в большом количестве вывозили в долины Ванча и Язгулема, Куляба и Каратегина, где обменивались на другие товары. [13, 58-59] Хотя во всех дарвазских хозяйствах имелись ткацкие станки, “здесь нередко пользовались услугами наёмных рабочих. Оплата труда ткача в этом случае обычно осуществлялась натурой (от 1/8 до 1/4 сотканной материи), если не заказывалось сукно *рагза* для чекменей или шёлковая ткань *дорои*. Иногда платили мастеру зерном или деньгами, причём принимая во внимание разницу в толщине нитей и плотности их размещения, при равной длине материй за изготовление *карбоса* ткач получал вдвое больше, чем за шестяную *рагза*. [15, 228-229]

Огромнен также вклад академика А.А.Семёнова как этнографа в изучение исмаилизма и связанных с нею проблемами, в том числе исследования, раскрывающие биографию и мировоззрение Носир-и Хусрава, работы, посвящённые углубленному изучению догматики исмаилизма, издание и характеристики различных источников по памирскому исмаилизму. Отметим, что ему удалось добыть некоторые уникальные рукописи и часть из них ввести в научный оборот. Хотя А.А.Семёнов стал заниматься исмаилизмом ещё до революции, именно работы 20-х годов стяжали ему славу крупнейшего знатока исмаилизма в нашей стране [быв. СССР]”. [8,192]

Так, его труд “Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов” стал первым из серии работ А.А.Семёнова, посвящённых памирским исмаилитам. Сюда можно отнести “Рассказ шугнанских исмаилитов о бухарском шейхе Беха-уд-Дине”, “Шейх Джеал-уд-дин Руми по представлению шугнанских исмаилитов”, “Бухарский Шейх Баха-уд-Дин, 1318-1389” (к его биографии), “О мусульманских сектантах-мерванитах, Пределы распространения секты” и др. [10]

Высокую оценку специалиста получила рецензия А.А.Семёнова начала 20-х годов XX века на альбом “Ковровые изделия Средней Азии” А.А.Боголюбова. Это издание представляло собой набор таблиц ковров, собранных генералом А.А.Боголюбовым, бывшим в своё время начальником Закаспийской области. По словам специалиста, занимавшегося коврами С.М.Дудина это была “не обычная рецензия, а обстоятельная статья с обширной библиографией, по-существу, первая научная работа о среднеазиатских коврах”, сохранившая значение до сих пор. Оценивая данную рецензию С.М.Дудин писал, “внося ряд поправок в текст Боголюбовского альбома, А.А.Семёнов даёт обстоятельную сводку сведений об окраске ковровых изделий, о материалах красок и протрав и, кроме того, включает ряд мелких замечаний и наблюдений технического характера, проверенных автором на местах и уже поэтому чрезвычайно ценных”. [7,75] Далее указывается, что в рецензии А.А.Семёнова “содержался также обзор ковроделия по основным областям Средней Азии с ценными этнографическими сведениями”. [7,45;9,207]

Почти все отрасли этнографической науки охватывает в своих работах основатель этнографической науки в Таджикистане, этнограф, востоковед, археолог и лингвист, всю жизнь посвятивший изучению народов Средней Азии, и в особенности таджиков, академик М.С.Андреев. Больше всего он изучал горных таджиков. Основываясь только на его фундаментальной монографии “Таджики долины Хуф” Вып.1 (1953) и Вып.2 (1958), можно рассудить о его значительном вкладе в изучение этнографии горных регионов Таджикистана. [3;4]

Интересно отметить, что исследователь приступил к изучению горцев ещё в 1901году в Ташкенте, где проводил много времени за беседой с

жителями Дарваза, Каратегина, Ишкашима и Хуфа, приехавшими на заработки. Затем в 1902г . он вместе с русским чиновником Половцевым А.А. побывав в Вахане и Ишкашима, собрал материал по культуре общения и хозяйственной деятельности населения. [5]Из статьи, опубликованной впоследствии по этим материалам мы узнаём об этническом составе населения, говорящих на наречии персидского языка, отличающихся друг от друга своим говором. [5, 5] В ней особое внимание уделяется обычаям, обрядам и поверьям, связанным с рождением ребёнка, сватовством, свадьбой, похоронами, поминками, семейные отношения, родственные связи, наследование хозяйства, земледельческий цикл, промыслы и торговля, счёт времени, праздники, охота, игры, болезни и их лечение. Большой интерес представляет празднование древнего праздника земледельцев Навруза, где также практиковалось крашение яиц и блины, облитые маслом. [5, 31]

Спустя через пять лет М.С.Андреев мимоходом по пути из Индии в Туркестан побывал в труднодоступной долине Хуфа всего один день, отметив, что он впервые из европейцев посетил эти края, добавляя, что ранее никто из чужеземцев не бывал в этих местах. Впоследствии эта высокогорная страна очень заинтересовала учёного, и он в 1929 и 1943годах здесь провел свои этнографические исследования. В 1943 году М.С.Андреев вместе со своей супругой А.К.Писарчик провели здесь за сбором этнографического материала около 4-х месяцев. Они собрали значительный материал как по материальной, так и духовной культуре населения долины Хуфа. Данные материалы впоследствии получили своё освещение во многих научных статьях и различных сборниках. Поэтому мы не остановимся на них, а отметим лишь вопрос относительно одежды хуфцев. Собранные и проанализированные сведения по одежде жителей долины Хуфа были опубликованы в дальнейшем в 10-ой главе второго выпуска монографии “Таджики долины Хуф”. Здесь в двух параграфах дано раздельное описание мужской и женской одежды. [4,243-254] Текст книги дополнен многочисленными графическими иллюстрациями, которые наглядно представляют особенности приведённых автором материалов. Как указывается, до революции хуфцы, и мужчины, и женщины носили шерстяную одежду. Даже в первые годы Советской власти, в частности в 1929г. видеть людей в хлопчатобумажной рубашке было редкостью. Кроме того, М.С.Андреев интересуется появлением различных видов костюма на этой территории и отмечает, что деревянные туфли появились здесь только в 1870-х годах XIXвека. Учёный отмечает, что они были завезены сюда жителями Дарваза и их изготовителями были деревообделочники – чубтароши.

Большое внимание он уделяет семейным обычаям и обрядам, ремеслам, занятиям горных таджиков, описывая их очень подробно. Например, с 1901г. по 1943гг. он изучал также архаические особенности языка и быта таджиков горных регионов Таджикистана.

Любовь к таджикской этнографии М.С.Андреев пронёс через всю свою жизнь. Он был замечательным собирателем материала по быту, верованиям, духовной и материальной культуре таджикского народа. В 1944 году учёный говорит: "Работать над скорейшим сбором материалов по старому быту народов Средней Азии является основной задачей гуманитарных наук, так много важного для истории содержатся в сохранившихся реликтах древнего быта, и так быстро они исчезают в наше время. Нельзя терять положительно ни одной минуты; торопитесь сохранить, зарегистрировать для нашей и мировой науки те великие научные сокровища, которые таятся в реликтах отошедшего строя жизни и которые могут пролить ещё много света на неписанные страницы истории, культуры Средней Азии и истории вообще". [1,124]

Огромен вклад М.С.Андреева в изучение Таджикистана, которым опубликовано 9 монографических работ и множество статей, но к сожалению, ещё остаются неопубликованными архивы иллюстраций и фототека из его фонда. Архив иллюстраций хранится в папках по экспедициям в Архиве этнографического отдела Института истории, археологии и этнографии им.А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Они состоят из рисунков, часто цветных, планов, чертежей и схем, где они были сделаны и что обозначают.

Таким образом оба корифея исторической науки в Таджикистане- академик, востоковед, историк А.А.Семёнов на начальном этапе своей карьеры и профессор, этнограф, востоковед, лингвист, М.С.Андреев всю свою жизнь занимались различными актуальными вопросами этнографической науки в Таджикистане и внесли большой вклад в её изучение. Оба учёных начали свою деятельность на поприще этнографии ещё до революции- в конце XIXв. и продолжили её до середины XX века. Следует подчеркнуть, что М.С.Андреев впоследствии явился основателем этнографической науки в Таджикистане.

Литература

1.Акрамов Н.М. Вклад русских исследователей в изучение этнографии Памира, Каратегина и Дарваза.-Душанбе, 1977.

2.Андреев М.С. Выработка железа в долине Ванча(Верховья Аму-Дарья).-Ташкент, 1926.

3.Андреев М.С. Таджик долины Хуф (Верховья Аму-Дарья)- Сталинабад:Ин-т ист.,арх. и этногр. АН Тадж.ССР, 1953. Вып.1.

4.Андреев М.С. Таджик долины Хуф (Верховья Аму-Дарья).Вып.2. Сталинабад. 1958.

5.Андреев М.С., Половцев А.А. Материалы по этнографии иранских племён Средней Азии: Ишкашим и Вахан. СМАЭ. 1911.№9 .С.1-41.

6.Валиев А.Освещение этнографии таджикского народа в трудах русских до-революционных исследователей(вторая половина XIX-начало XXвв.).-Душанбе. 2013

7. Дудин С.М. Ковровые изделия Средней Азии //Сб. Музея антропологии и этнографии Академии наук.М.,1928. Т.У11.
8. Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Русские востоковеды и путешественники. Александр Александрович Семёнов. М.,1971.
9. Научный вклад М.С.Андреева и А.А. Семенова в изучение истории и этнографии таджикского народа. Материалы международной конференции. Душанбе, 2019.
10. Семенов А.А. Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов. / Мир ислама. Т. I, № 4. СПб., 1912.
11. Семенов А.А. Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. Ч.2. М.:тип.словлитня О.О.Гербена. 1901.
12. Семёнов А. А. Отношение к детям у горных таджиков //Этнографическое обозрение.-М.,1889. Т.42. №3 С.99-107.
13. Семёнов А.А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М.,1903.
14. Серебренников А. Очерк Памира.-СПб.,1900.
15. Таджики Каратегина и Дарваза. Вып.1. Сталинабад, 1966.
16. Худоназаров Д. Памирские экспедиции графа А.А.Бобринского 1895-1901гг.М.,2013.
17. Шишов А. Таджики. Этнографическое и антропологическое исследование. Часть 1. Этнография. Ташкент, 1910.

**Шахноза Сайфуллоева,
Ганджина Каримова**
Душанбе

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА В ТРУДАХ АКАДЕМИКА А. А. СЕМЕНОВА

Большой вклад в изучение таджикской истории и культуры учёными был внесен в конце XIX - начале XX вв. и в советский период развития Таджикистана. Таджикская историческая наука начала базироваться на методологии и методах российской, европейской и советской историографии, переживая все то ценное, что существовало в досоветской таджикской историографии. В этом плане достижения национальной исторической науки советского периода были огромными. Издавалось много научной литературы, которая охватывала различные области истории и культуры таджикского народа.

Из разных советских республик в Таджикскую ССР приезжали многочисленные учёные, которые создали каркас для становления и развития науки в молодой стране. Они смогли воспитать молодых учёных для дальнейшего изучения истории и культуры таджикского народа.

Одним из таких учёных был академик Александр Александрович Семёнов (1873-1958 гг.) - выпускник Лазаревского института восточных языков (Москва), в совершенстве овладевшим арабским, персидским и турецкими языками. Уже со второго курса его манили сказочные города Востока. Он стремился познать историю, культуру, традиции, обычаи, мировоззрение и повседневную жизнь народов Центральной Азии. Его воля и стремления бы-

ли оценены графом Алексеем Алексеевичем Бобринским, который пригласил его в экспедицию по Восточной Бухаре и Памиру. Знания, которые он получил во время экспедиции, позволили молодому исследователю стать ученым-авторитетом в области источниковедения восточных стран.

Изучая библиографию и научную деятельность Александра Александровича Семёнова как исследователя-востоковеда, можно выяснить, что особый интерес для него представляли таджики, как исконные жители Центральной Азии, издревле населявшие Хорасан и Мавераннахр. По словам самого учёного, его интересы были направлены в область изучения таджикско-персидской словесности и среднеазиатских памятников. Другими словами, в области филологии, этнографии и археологии таджиков. Этот интерес зародился ещё в период студенчества, а в последующие годы всё больше укреплялся и углублялся.

Его ранние научные работы были связаны больше всего с этнографией и археологией Средней Азии. Это можно увидеть, к примеру, в его работах «Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза» [6, 112], «Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов» [7] и др. В них он сумел собрать большую информацию о населении, которое проживало в Зарафшанских горах, Каратегине и Дарвазе. Он подробно изучал жилище, быт, промыслы, семейные нравы и обычаи, образцы народного творчества и религиозные верования жителей этих регионов.

В своей статье «Отношение к детям у горных таджиков» А. А. Семёнов обращает внимание на заботу взрослых, особенно родителей, к детям. Ему хотелось осознать и почувствовать общественный строй горных народов, для этого он сравнивал их с другими этническими группами, тем самым оттачивал и углублял свои знания в области этнографии.

С большим интересом А. А. Семёнов изучал духовную культуру таджиков. Его наблюдения и информация, собранная во время полевых исследований, вошли в статью «Из области религиозных верований горных таджиков» [8, 81-88]. Во время полевых работ среди некоторых жителей изолированных горных ущелий учёным были зафиксированы элементы древней культуры.

Глубокое знакомство с историей и культурой народов Средней Азии позволило А. А. Семёнову сделать ряд выводов по этнической истории народов Средней Азии. Он считал, что именно таджики являются аборигенами Туркестана и наследниками сохранившейся в Средней Азии арийской культуры.

Учёный также уделял большое внимание памятникам материальной культуры таджиков и других народов Центральной Азии, так как считал их одним из важнейших источников для изучения истории этого региона. Свидетельством этой истории он считал многочисленные археологические памятники на территории региона. В одной из своих работ он отмечает, что

народы Средней Азии «создали из этой страны колоссальную археологическую сокровищницу, не только не вполне изученную, но и не обследованную в должной мере» [9, 16].

Действительно, даже на той территории, которая вошла в состав Российской империи как Туркестанское генерал-губернаторство, археологические исследования почти не проводились, несмотря на то, что в 1895 году в Ташкенте уже существовал Туркестанский кружок любителей археологии (ТКЛА). Они только начинали изучать этот загадочный край, но в большинстве случаев проводилась лишь фиксация памятников [3, 129-130].

С 1900 года начинается служебная деятельность А. А. Семенова в аппарате Туркестанского генерал-губернаторства. Несмотря на службу, он не прерывает свою научную деятельность, занимается изучением таджикского, узбекского, арабского и турецкого языков.

У него было много поездок, связанных со службой в Средней Азии, а также работа над множеством восточных рукописей, которые расширили научный кругозор учёного и дали ему возможность собрать и опубликовать интересные материалы преимущественно по истории и культуре таджиков. Нередко эти материалы были до того совершенно неизвестны обширной аудитории. По мнению академика Р. М. Масова, многие работы А.А. Семёнова, несмотря на то, что написаны как статьи, по своей научной ценности приравниваются к монографическим исследованиям [5, 4].

В статье «Памятники старины в Русском Туркестане» А.А. Семёнов даёт названия и описания некоторых памятников, указывает их датировку и местонахождение. Эту статью можно назвать также археологической картой некоторых памятников Туркестана. Также он рассматривает отдельные находки, имеющие научную ценность, в том числе «Амударьинский клад», оссуарии, монеты, печати, наскальные рисунки и разные случайные находки. Эти находки вместе с многочисленными курганами, укреплениями, замками, городищами и поселениями «...дополняют общую картину необыкновенного археологического богатства Туркестана в домусульманский период» [5,17-20].

В научно-популярной работе “Средняя Азия” в разделе “Очерки страны” автор даёт подробное описание региона, названия рек, флоры, фауны, животных и птиц. Эти описания дают нам отчетливые знания об особенностях местности в те времена. Во втором разделе приведены очень интересные сведения о населении Средней Азии. А. А. Семёнов разделяет народы на кочевые, полуоседлые и оседлые. Во время путешествий он собрал много фактов о том, что “таджики - самое древнее население страны, с незапамятных времён считались оседлым и наиболее образованным народом Средней Азии. Они составляют самую значительную часть городского и сельского населения” [9, 113-120].

Кроме того, учёный во время своих путешествий собрал значительные сведения по истории Средней Азии с древности до XIX века, опубликовав их

под названием “Прошлое и настоящее Средней Азии”, а в 1903 году перевел с таджикского языка «Сказание об основании Бухары». Этот материал по вопросам культурного наследия народов Средней Азии приобрел особую актуальность в период национально-территориального размежевания (1924-1925 гг.), так как воинствующие пантюркисты отрицали существование таджиков как отдельного этноса. Вопреки их взглядам, 14 октября 1924 г. было провозглашено образование Таджикской АССР, а в 1925 г. в Ташкенте вплотную приступило к научному изучению истории и культуры таджикского народа «Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами» [9, 7].

А. А. Семёнов также вошёл в состав этого научного общества, где вновь обратился к вопросам культурного наследия Средней Азии. Для сборника «Таджикистан» он представил статью с анализом археологических памятников Средней Азии под названием «Материальные памятники арийской культуры» (8, 113-150). В ней учёный приводит данные из работы «Памятники старины в Русском Туркестане», однако в свою работу А. А. Семёнов включил и дополнительные материалы по истории и культуре Средней Азии. Им было проанализировано состояние памятников и даны рекомендации по принятию скорейших мер по их сохранению, так как в этот период уже многие памятники культуры были в плачевном состоянии.

В периодическом издании «Живая старина» была напечатана его статья под названием «Два слова о ковке среднеазиатского оружия», которая вышла в 1909 году. В ней были приведены сведения о разных видах холодного оружия, их техника и названия. Но, к сожалению, как подчёркивает автор многие техники, а также декор, в том числе узоры и надписи, были утрачены, так как в этот период уже не использовались и не были востребованы. Наиболее ценные образцы оружия в основном продавались за рубеж, так как иностранные коллекционеры высоко ценили этот вид искусства.

В 1944-1945 гг. учёный издаёт свою известную брошюру под новым названием “Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии”, где внёс некоторые изменения в текст. Это было связано с тем что “арийская раса” стала причиной Второй мировой войны. Если в первом издании учёный использовал определения “арийская культура” то во втором издании было использовано выражение “иранская культура”. Но после публикации этой брошюры в сторону А. А. Семёнова обрушилась критика со стороны многих учёных. Больше всего критиковали работу С. П. Толстов и Л. С. Бретаницкий [1,128].

Многие учёные считали, что А. А. Семёнов в данной своей работе сильно преувеличивает роль иранской культуры на культуру народов Средней Азии. А в рецензии С. П. Толстова почеркнуто, что А. А. Семёнов превознёс иранскую культуру над тюркской [6]. За А. А. Семёнова заступился бывший в тот период Первый секретарь ЦК КП (б) Таджикистана Б. Г. Гафуров, написавший письмо секретарю ЦК ВКП (б) А. А. Жданову. [2]. Он считал, что А. А. Семёнова объективно изучает историю народов

Средней Азии, а С. П. Толстов, напротив, в своих работах подчёркивает преимущество тюркских народов и все культурные достижения в регионе приписывает им. В своем письме Б. Г. Гафуров пишет, что «...теория, проповедуемая проф. Толстовым, исключительно для нас вредна и все установки проф. Толстова только помогают пантюркистам» [4].

Несмотря на травли, А. А. Семёнов настойчиво продолжал изучать историю и культуру Центральной Азии. Этот интерес и любовь к восточным странам он перенёс через всю свою жизнь, благодаря чему вошёл в число известных учёных-востоковедов СССР и получил огромное признание в научном мире.

В начале 1950-х годов А. А. Семенов переезжает из Ташкента в Душанбе, где в 1951 г. на базе Таджикского филиала АН СССР была учреждена Академия наук Таджикской ССР. Его выбрали членом молодой академии, а позже он возглавил Институт истории при данной академии. Под его чутким руководством были организованы экспедиции, он уделял большое внимание воспитанию научных кадров.

Даже в наши дни, через много лет после его кончины, трудно найти учёного, который внес больший вклад в изучение истории и культуры Таджикистана, чем А. А. Семенов. Половину своей жизни он посвятил работе с древними рукописями, глубокому знакомству с историей таджикского народа, изучению таджикского и узбекского языков.

Несмотря на то, что со стороны многих учёных были написаны различные труды о происхождении народов, но в современную эпоху, характеризующуюся процессом глобализации, которая сопровождается, духовной разобщённостью людей и поиском новых жизненных и культурных ориентиров, перед многими этносами стоит реальная угроза утраты этнической и культурной идентичности. Чтобы смягчить этот процесс, нужно выявить подлинные ценности мировоззрения этноса, сознательные и бессознательные основания его культуры. Только такой подход позволит сохранить молодым поколениям свою историю, культуру, традиции и обычаи своего народа. И эти ценности можно черпать в научных трудах учёных – историков, этнографов и искусствоведов, в частности работах А. А. Семёнова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бретаницкий, Л. Профессор Семёнов. «Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии» // Л. Бретаницкий // Вопросы истории, №7, 1947. С.128-131.

2. Додхудоева Л. Академик Б.Г. Гафуров – основоположник эволюционной теории Цивилизации Центральной Азии // Академик Б.Гафуров- выдающийся исследователь и пропагандист истории таджикского народа. /Ред.-состав: А. Раджабов, Б. Кабилова. Отв. Ред. Н. Убайдулло.С.394-409.

3. Икромов, Н., Раҳимов Н. Саҳми шарқшиносони рус дар омӯзиши таърих ва маданияти аҳолии шимоли Тоҷикистон (1867-1917) / Н. Икромов, Н. Раҳимов. Хучанд, 2015.

4. Письмо Первого секретаря ЦК КП(б) Таджикистана Б. Г. Гафурова секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову об освещении истории народов Центральной Азии // [https://www.facebook.com/groups/History of Khujand](https://www.facebook.com/groups/History_of_Khujand)

5. Семёнов А. А. Избранные сочинения /А. А. Семёнов. Душанбе, 2013.

6. Семёнов А. А. Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза /А. А. Семёнов. Москва, 1903.

7. Семёнов А. А. Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов /А. А. Семёнов // Мир ислама. Т.1., №4. СПб, 1912

8. Семёнов А. А. Из области религиозных верований горных таджиков/ А. А. Семёнов // Этнографическое обозрение. Москва, 1900. Т.47. - №48. Семёнов А. А. Материальные памятники арийской культуры /А. А. Семёнов // Таджикистан. Сб. статей. Ташкент, 1925.

9. Шагалов Е. С. Первое научное общество Таджикистана (Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами) / Е. С. Шагалов. Душанбе: Дониш, 1966.

Сафар Эркаев

Худжанд

**МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ НАУЧНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.А. СЕМЕНОВА И М.С. АНДРЕЕВА**

*Революция наделила Таджикистан территорией
и освободила от гнета, у людей появился простор
для деятельности и творчества. В республике
стали расти города и поселки, развиваться
народное образование, культура
и здравоохранение».-
Эмомали Рахмон[1,45].*

В исторической науке Таджикистана велика роль русских востоковедов, дипломатов, военных, исследователей, путешественников, торговцев, етсетсвенников, историков – В.В. Бартольда, А.Ю. Якубовского, А.А. Семенова, М.С. Андреев, П.П. Иванова, Е.Э. Бертельса, А.А. Бобринского, Д.Е. Логофета, А.В. Нечаева, А.Шишова, В.П. Наливкина, М.А. Терентьева, М. Гаврилова, С.Ф. Ольденбурга и многих других[2, 47].

Среди них особую нишу занимают крупные исследователи академик Академии наук Таджикистана Александр Александрович Семенов (1873-1958 гг.) и историк, этнограф, член-корреспондент Академии наук СССР Михаил Степанович Андреев (1873-1948 гг.). Эти ученые в конце XIX века и первой половине XX века совершили ряд научных поездок в Среднюю Азию, включая регионы нынешнего Таджикистана, для изучения различных рукописей, традиций, обрядов и обычаев, культуры и этнографии народов Средней Азии[3.18-212].

Судьбы А.А. Семенова и М.С. Андреева нередко переплетались как в науке, так и личной жизни, в процессе создания различных культурно - про-

светительских, образовательных и научных обществ и подразделений, подготовка местных национальных кадров. В процессе научной деятельности формировались их мировоззренческие принципы.

А.А. Семенов и М.С. Андреев бережно относился к своему большому наследию, а потому почти во всех случаях указывал дату и место подготовки всех документов, включая копии и черновики, и это есть один из основных черт характера историографа истории этнографии, археологии, истории и культуры[4,57,23].

В этом направлении - по изучению истории и культуры народов Средней Азии, в том числе таджикского народа велика роль академика Академии наук Таджикистана А.А. Семенова как продолжателя традиций изучения истории и культуры народов Средней Азии. Он был создателем собственной школы среднеазиатской ориенталистики. Его учениками считали себя несколько поколений научных работников, живших и работавших в Средней Азии. А.А. Семенов обладал замечательной памятью и огромной эрудицией, был увлекательным и остроумным рассказчиком, автором интересных мемуаров, наблюдавшим жизнь и быт народов Средней Азии на протяжении почти шестидесяти лет. С 1954 года Александр Александрович Семёнов работал директором института истории, археологии, этнографии АН Таджикской ССР.

А. А. Семёнов являлся крупнейшим знатоком восточных рукописных источников (преимущественно персидско-таджикских) и выдающимся специалистом по истории ислама в Средней Азии, в частности исмаилитов. По словам академика И. Ю. Крачковского, работы А. А. Семенова «ввели в обиход колоссальный материал по исламоведению. Его труды, связанные с разработкой среднеазиатских рукописей, в частности арабских, занимают у нас совершенно исключительное место». В 1903 году А. А. Семёнов перевел с таджикского языка сказание об основании Бухары. В 1907 году он опубликовал перевод с персидского языка первых глав трактата «Тарих-и Муким хани» из Закаспийской областной общественной библиотеки в Асхабаде, переписанной неким Османом в 1229 г.х. (1813/14г.). В 1914 году А. А. Семёнов опубликовал исследование на основании приобретенной им у салаватских (притермезских) ходжей рукописи конца XVI в., содержащей жизнеописание современника шейбанидов шейха Ходжа Мухаммад Ислама (Ходжа Джуйбари). Также на материалах рукописных источников и их анализе базировались публикации А. А. Семенова по биографии бухарского шейха Бега Аддина, воззрениям мусульман на качество и значение благородных камней и минералов и др.

Ученый был знатоком творчества А. Навои и других среднеазиатских поэтов и мыслителей Средней Азии. Им опубликован ряд эпиграфических памятников, в том числе «Надпись на надгробии псевдо-Сейид Омар в Гур-и Эмире в Самарканде», «Надпись на надгробиях Тимура и его потомков»,

«Надпись на могильной плите бухарского эмира Шах Мурада Масуда» и др. Весомый вклад внёс Александр Александрович в научное описание (каталогизацию) восточных рукописей из собрания В. В. Вельяминова-Зернова и самого А. А. Семёнова, исторического отдела Бухарской центральной библиотеки, фундаментальной библиотеки САГУ, государственной республиканской библиотеки им. А. Навои и др.

А. А. Семенову также принадлежит «Указатель персидской литературы по истории узбеков в Средней Азии» и др. В 1952—1963 гг. при его активном участии и под общей редакцией было издано семь томов каталога «Собрание восточных рукописей академии наук Узбекской ССР». В переводах А. А. Семенова и с его комментариями изданы ценные рукописные источники — «Мукимханская история» Мухаммада Юсуфа Мунши, «Убайдулла наме» Мир Мухаммеда Амин-и Бухари, «Дневник похода Тимура в Индию» Гийа-саддина Али. Академик Александр Александрович Семенов был одним из первых, кто посвятил себя профессиональному изучению истории, этнографии, археологии, языков, письменных источников, памятников археологии, искусства, традиций, обычаев и обрядов таджикского народа.

Крупный исследователь – специалист в изучение истории, археологии, этнографии, языков и литератур, религии, географии, биологии М.С.Андреев начинал свою педагогика - научную деятельность как учитель Ташкентской гимназии и преподаватель, заведующий вечерними курсами, этнограф, языковед, секретарь МВД России, переводчик, инспектор, директор Туркестанского восточного института, прошел основные исследовательские пути и стал член -корреспондентом Академии наук СССР, академиком Академии наук Узбекской ССР, Заслуженным деятелем науки Таджикистана и Узбекистана. Основатель этнографического кабинета(впоследствии сектора) и музея археологии и этнографии Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша АН Республики Таджикистан. Изучение жизни и деятельности, члена-корреспондента Академии наук СССР Михаила Степановича Андреева тоже является ценнейшим историографическим исследованиям. Поэтому велика вклад и мировоззренческие принципы научной деятельности М. С. Андреева в исследование и изучение история и культуры таджикского народа.

Михаил Степанович Андреев усердно занимаясь собранием археологических и этнографических данных. Кроме изучения истории, культуры и этнографии народов Средней Азии он принимал активное участие в открытии первых школы и вузов, музеев в городах Алматы, Ташкенте, Маргелане, Ходженте, Самарканде, Сталинабаде и других городах Средней Азии. На основе этих опытов академик Михаил Степанович опубликовал следующие труды: «Руководство для первоначального обучения сартовскому языку в Ташкентском реальном училище».-Ташкент,1896(литогр.); «Вещие сны, несколько примет и детская игра «Сорока-ворона» среди некоторых народов.

Главным образом Средней Азии» //ИСКМОПСИП.1923.Вып.2.С.1-34; и «Деревянная колонна в Матче» //ИРАИМК.1925.Т.4.С.115-118; «По этноголии Афганистана. Долина Панджшир: (мат-лы из поездки в Афганистан в 1926 г.)»-Ташкент, 1927; «Выработка железа в дилоне Ванча(верховья Аму-Дарьи)».-Ташкент.1926; «По поводу процесса образования примитивных среднеазиатских древних цехов и цеховых сказаний(рисаля)» //Этнография.1927.№ 2.С.323-326; «Орнамент горных таджиков верховьев Аму-дарьи и киргизов Памира».-Ташкент.1928;; «Язгулемский язык: Таблицы глаголов».-Ленинград,1930; «Таджики долины Хуф(Верховья Аму-Дарьи)» Вып.1/2.-Сталинабад,1953-1958; « «Материалы по этнографии Ягноба: (Записи 1927-1928 гг.)».-Душанбе,1970; «Арк (кремль)Бухары в конце XIX- начале XX в./Редактор А.К. Писарчик/».-Душанбе. 1972(совм.с О.Д.Чехович) и многие другие. Доктор исторических наук Л.Н. Додхудоевой пишет, что «всего список опубликованных работ М.С.Андреева насчитывает 54 работы, из которых 8 изданы уже после смерти ученого при содействии А.К.Писарчик»[5,19].

Александр Александрович Семенов и Михаил Степанович Андреев, несомненно, являются выдающимися исследователями Востока. А.А. Они собрали многочисленные этнографические, археологические и исторические материалы и опубликовали научные труды, посвященные пережиткам языческих обрядов, верованиям, обычаям, традициям, языкам горных таджиков, истории и культуре тюркских этнических групп(найманы, кунграты, кипчаки, мангыты, сартов, мангыты, алтыбеки. казахские роды, и др.).

А. А. Семёнов был награждён двумя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почёта», медалями, почетными грамотами Президиумов Верховных Советов Узбекской и Таджикской ССР. В декабре 1944 года ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки Узбекской ССР, а в феврале 1946 года — заслуженного деятеля науки Таджикской ССР. В 1956 году А. А. Семёнов был избран депутатом Верховного Совета Таджикской ССР. 3 ноября 1943 года он был избран членом-корреспондентом Академии наук Узбекской ССР. 14 апреля 1951 года он стал действительным членом (академиком) Академии наук Таджикской ССР. В последние годы жизни он был директором Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикистана.

Член-корреспондент АН СССР Михаил Степанович Андреев был выдающимся ученым, дипломатом, опытным работником МВД и МИД, археологом, путешественником, лингвистом-языковедом, историком, этнографом, искусствоведом, картографом, специалистом культурно - просветительной работы, художником, преподавателем, собирателем этнографических материалов, чиновником, отличным администратором.

Литература

1. Эмомали Рахмон. Таджики в зеркале истории.-Душанбе:Шарки озода,1996.
2. Масов Р.М.История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане.-Душанбе:Дониш,1988.
3. Додхудоева Л.Научное наследие А.А.Семенова и М.С.Андреева(архивные документы).-Душанбе.2013.
4. Писарчик А.К.Этнографическая наука в Таджикистане(1920-1990 гг.).Подготовка к печати Н.Бабаевой.-Душанбе,2002; Писарчик А.К. Михаил Степанович Андреев(1873-1948 гг.)// Памяти М.С.Андреева-Сталинабад,1960.
5. Додхудоева Л.Научное наследие А.А.Семенова и М.С.Андреева(архивные документы).Душанбе.2013.
6. Писарчик А.К.Этнографическая наука в Таджикистане(1920-1990 гг.).Подготовка к печати Н.Бабаевой.Душанбе,2002;
7. Писарчик А.К. Михаил Степанович Андреев(1873-1948 гг.)// Памяти М.С.Андреева.Сталинабад,1960.
8. История Таджикской ССР.Душанбе,1983.

Силемоншо Гуломшоев

Душанбе

АКАДЕМИК АЛЕКСАНДР СЕМЁНОВ – КИТОБДОР ВА КИТОБШИНОС

А.А. Семенов ва модар

Академик А.А. Семёнов муаррих, мардумшинос, сарчашмашинос, манбаъшинос, забоншинос, катибашинос ва китобшиноси барҷастаи замони хеш буда, баъди кушодашавии Донишгоҳи давлатии Осиеи Миёна соли 1920 ба Тошканд омад. Ва зиёда аз ду даҳсола, то соли 1946 ба сифати мудири кафедраи таърихи халқҳои Осиеи Миёна, китобшиноси китобхонаи Донишгоҳи давлатии Осиеи Миёна (САГУ) ва Китобхонаи давлатии оммавии Ўзбекистон фаъолият намудааст.

Академик Александр Семёнов аз худ зиёда аз 250 мақолаи илмӣ ва асарҳои ҷудогона мерос мондааст, ки аз онҳо 22 номгӯи феҳристиномаҳою дастурҳои библиографӣ мебошанд, ки доир ба таърихи китобу китобдорӣ тоҷик маълумот медиҳанд.

Аввалин дастури тавсиявии библиографӣ, ки соли 1918 академик А.Семёнов мураттаб намудаст, «Тасвири дастхатҳои исмоилӣ» ном дошта, дар асоси манбаҳои хатгӣ доир ба таърихи Ислом ва мазҳаби исмоилия маълумоти пуарарзиш додааст [8.169].

Соли 1919 дастури навбатии академик А.А.Семёнов «Дастхатҳои Шарқ дар китобхонаи марҳум В.В.Веляминова -Зернова» мураттаб гардида, бо муқаддимаи академик В.В.Бартолд нашр гардид. Ин дастур дар асоси сарчашмаҳои нодир дар бораи 42 номгӯи дастхатҳои Шарқ маълумот додааст, ки аз онҳо 14 дастхат ба забони туркию тоторӣ, 25 дастхат ба забони форсӣ ва боқимонда ба забони арабӣ навишта шудаанд. Академик А.А.Семёнов таърихи таълифи ва дарёфт намудани ҳар як асрхоро муайян намуда, дар бораи онҳо шарҳи мухтасар додааст [1.17].

С. Айни ва А.А. Семенов.

Соли 1925 академик А.А.Семёнов ду дастури нодир библиографиро таҳти унвони «Нишондиҳандаи библиографӣ доир ба газвори гилемҳои Осиё» («Библиографический указатель по ковровым тканям Азии») ва «Феҳристи дастхатҳои шӯбаи таърихи китобхонаи марказии Бухоро» мураттаб намуда, нахустин маротиба доир ба асарҳои таърихии китобхонаи марказии Бухоро маълумоти дақиқ додааст [5.32].

Академик А.А.Семёнов соли 1926 дастури библиографиро таҳти унвони «Нишондиҳандаи адабиёти форс доир ба таърихи ўзбекони Осиёи Миёна» [16] мураттаб намудаст, вале мутаассифона ин дастур дар захираи китобхонаи А.Семёнов ва дигар китобхонаҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон мавҷуд нест.

Соли 1935 академик А.А.Семёнов, ки ба сифати директори Китобхонаи бунёдии Донишгоҳи давлатии Осиёи Миёна фаъолият дошт, дастури библиографии «Фехристи дастхатҳои форсӣ, арабӣ ва туркӣ дар китобхонаи Донишгоҳи давлатии Осиёи Миёна»-ро мурағтаб намуд. Дар пешгуфтори дастури мавсуф қайд кардааст, ки мурағтаб намудани дастури шарҳиҳолию библиографӣ на танҳо вазифа, балки қарзи ҳамаи муассисаҳои илмию таълимӣ мебошад. Дастури мазкур дар асоси тавсияи китобшинос Е.Кал (соли 1889) мурағтаб гардида, дар сарсухани он академик А.А.Семёнов доир ба захираи китобхона чунин маълумот додааст: «Захираи китобхонаи Осиёи Миёна аз ду қисм иборат буд. Қисми якум дастхатҳои ҷамъовардаи солҳои 1920-1930 ва қисми дигари маводи китобхона ба собиқ генерали Шаҳрисабз Ҷӯрабек мансуб мебошанд».

С. Айни ва А.А. Семенов.

Дастури номбурда, доир ба 140 дастхати мавҷуда маълумот медиҳад, ки аз онҳо 75 ба забони форсӣ, 34 дастхат ба забони арабӣ ва 30 дастхат ба забони туркӣ мебошанд [7.88]. Дастур аз нишондиҳандаи умумии номгӯи асарҳо ва ному насаби алифбоии муаллифон иборат мебошад. Ин яке аз аввалин дастурҳои мукаммали библиографӣ мебошад, ки оид ба захираи дастхатҳои китобхонаи Донишгоҳи давлатии Осиёи Миёна маълумот дода, хонандаро бо мазмуни китоб, соли нашр, андоза, сохти муқова ва намуди қоғаз шинос менамояд. Мувофиқи маълумоти академик А.Семёнов аксарияти мирзоён ва устодон дар болои муқова муҳр ва ё нишони хешро мегузошанд, ки инро аз рӯи чилди китоб муайн кардан мункин аст.

Дастури номбурдаро академик А.А.Семёнов такмил дода, соли 1956 маротибаи дуум онро таҳти унвони «Фехристи дастхатҳои форсӣ, арабӣ ва

туркӣ дар китобхонаи Донишгоҳи давлатии Осиёи Миёна ба номи В.И.Ленин» нашр намудааст.

Ба дастури мазкур 49 адабиёти нав ворид гардида, он доир ба 199 китоби қаламӣ маълумот медиҳад, ки аз он 102 дастхат ба забони форсӣ-тоҷикӣ, 66 дастхати арабӣ ва 31 дастхати туркӣ мебошанд. Дастур ба тамоми талаботҳои библиографӣ ҷавобгӯ буда, дорои кӯмакфехрист ё нишондиҳандаи номгӯи асарҳо ва фехристи алифбоии муаллифон мебошад [10.86].

Соли 1938 академик А.А.Семёнов доир ба таърихи китобу китобдории халқи тоҷик ва дигар халқҳои Осиёи Миёна дар рӯзномаи «Пионери Шарқ» таҳти унвони «Китобхонаҳои қадим» аз замони Сомониён то Темуриён маълумоти мухтасар додааст [4].

Академик А.А. Семёнов

Соли 1940 аз тарафи китобхонаи бунёдии Донишгоҳи давлатии Осиёи Миёна «Маводи нишондиҳандаи библиографияи асарҳои ҷопии Алишери Навоӣ ва адабиёт дар бораи ӯ» нашр гардид, ки онро академик А.А.Семёнов ба ифтихори 500-солагии зодрӯзи шоири бузурги ўзбек нашр намудааст. Дар пешгуфтори дастур А.А.Семёнов қайд намудааст, ки онро бо захмати зиёд, 28 ноябри соли 1938 ба нашр омода намуд. Дастур доир ба 134 номгӯӣ мавод маълумот медиҳад, ки аз онҳо 45 асару маводи нашршудаи А.Навоӣ дар солҳои 1841-1938 ва 89 асари дигар дар бораи ӯ маълумот медиҳанд. Чорҷўбаи хронологии дастур маводи нашршударо аз соли 1487 то соли 1926 -ро дар бар мегирад [6.38]. Дастур дорои нишондиҳандаи алифбоии асарҳои нашршудаи А.Навоӣ, нишондиҳандаи алифбоии муаллифон мебошад, ки хонандаро ба ҳаёт ва фаъолияти эҷодии А.Навоӣ аз наздик шинос менамояд.

Инчунин соли 1940 академик А.А.Семёнов дастури навро бо номи «Тасвири асарҳои дастхати Навоӣ дар китобхонаи давлатии оммавии Ўзбекистон» мураттаб намудааст. Дастури мазкур 91 номгӯӣ адабиёти мухталиф-мазмунро дар бар мегирад ва дар бораи вақти ҷоп, макони нашр, мазмун ва андозаи асар маълумоти муфассал додааст [9.44].

Академик А.А.Семёнов омӯзиши таърихи китоб ва китобдории Шарқро идома бахшида, соли 1945 доир ба «Захираи дастхатҳои шарқ дар Китобхонаи давлатии оммавии ҶШС Ўзбекистон» маълумот медиҳад [3]. Мақолаи илмӣ олим дар байни шарқшиносон ва муҳаққиқон барқвор паҳн гардида, доир ба арзиши илмӣ он дар шаҳри Тошкент 25 июл рӯзномаи

«Ҳақиқати Шарқ» гузориши муфасалро нашр намуд.

Академик А.А.Семёнов ба таърихи китобдорию китобсозии кишварҳои Шарқ, Осиеи Миёна ва гузаштагони халқи тоҷик машғул гардида, соли 1951 дар ҷилди 29 «Осори Филиали тоҷикистони Академияи илмҳои ИҶШС» мақолаи «Усулҳои зинату ороиш додани дастхатҳои қадимаи Шарқ»-ро нашр намуда, доир ба усулҳои ороиш додани саҳифаи дастнавис, рассомону наққошон ва асарҳои онҳо ба таври муфассал маълумот додааст. Академик А.Семёнов доир ба рисолаи номаълуму бемуаллифе, ки ба асри XVII дар байни Бухоро ва ё Балх навишта шуда, дарёфт намуда, онро ба забони русӣ тарҷума кардааст. Рисолаи мазкур доир ба тайёр намудани сиёҳӣ (ранг), таркиби рангу қоғаз ва ороиши дастнавис ва тарзу усулҳои гуногуни китобсозӣ маълумот медиҳад [11].

Аз ҷониби Институти шарқшиносии АИ ҶШС Ўзбекистон солҳои 1952-1957 нахустин маротиба китобномаи панҷ ҷилдаи бунёди тахти унвони «Феҳристи дастхатҳои шарқи Академияи илмҳои Ҷумҳурии Ўзбекистон» мураттаб гардид. Маводҳои ин феҳристҳо дар асоси маводҳои Китобхонаи оммавии Тошкент (соли 1870) ва Китобхонаи давлатии оммавии ҶШС Ўзбекистон (соли 1918) баъди таъсисёбии АИ ҶШС Ўзбекистон аз 3 ноябри соли 1943 ба ҷаъолият оғоз намуда, захираи он зиёда аз 13 ҳазор дастхатро (манускрипт) бо забонҳои арабӣ, форсӣ, тоҷикӣ ва туркӣ дар бар мегирад. Бо вучуди мушкилиҳои давраи Ҷанги Бузурги Ватанӣ (солҳои 1944-1945) шарқшиносони бузург А.А.Семёнов, И.Адилов, В.И.Беляев, Е.К.Бетгер, А.Е.Шмидт, Д.Г.Вороновский ва дигарон ба мураттаб намудани феҳристи дастхатҳо оғоз намуда, ҷилди якуми он соли 1952 дар зери таҳрири академик А.Семёнов нашр гардид. Ҷилди мазкур доир ба 743 дастхат маълумот медиҳад, ки онҳоро аз рӯи мазмун ба шубҳаи таърих (285 дастхат), матншиносӣ, илмҳои дақиқ, тиб, ҷуғрофия, хоҷагии қишлоқ ва санъат ҷудо намуда, дар охири ҳар як асар нишондиҳандаи номи дастхат ва номи муаллифон аз рӯи забон омода карда шудааст [12.440].

Ҷилди дуюми он соли 1953 ба ифтихори 10-солагии таъсисёбии Академияи илмҳои Ҷумҳурии Ўзбекистон бо пешгуфтори академик А.А.Семёнов аз ҷоп баромад. Ҷилди мазкур доир ба 1025 дастхат дар бораи адабиётшиносӣ, назмшиносӣ ва фолклор аз рӯи забон аз асри X то асри XX маълумот медиҳад. Академик А.А.Семёнов дар пешгуфтори он қайд кардаст, ки аз камбудҳои ҷилди якум хулоса бароварда, дар ҷилди дуюм нишондиҳандаи асарҳо аз рӯи забон, номгӯи асарҳо, номи муаллифон аз рӯи алифбо ва нишондиҳандаи хронологии мураттаб гардидаанд [13.590].

Ҷилди сеюм низ бо пешгуфтори академик А.Семёнов соли 1955 нашр гардида, 222 асари фалсафа, мантиқ, сотсиология ва сиёсатро дар бар мегирад. Ин асар аз нишондиҳандаҳои библиографии забонӣ, номӣ ва хронологӣ бархӯрдор мебошад. [14.590].

Академик А.А. Семенов

Чилди чаҳоруми он соли 1957 дар зери таҳрир ва пешгуфтори академик А.Семёнов нашр гардида, 661 дастхатро доир ба таърихи пайдоиши дини Ислом, зиндагии пайғамбар, китоби Куръон, ҳадис ва зарурияти намоз дар бар мегирад. Дастхатҳо аз рӯи хронология (солшуморӣ) мураттаб гардида, расму сурати муқова, чилд ва баъзе саҳифаҳои лозимӣ дар он нишон дода шудааст. Асари мазкур низ дорои нишондиҳандаҳои библиографӣ ва қиммати баланди илмӣ буда, дар охир ба тариқи ҷадвал солшумории ҳичрию милодӣ нишон дода шудааст [15.554].

Чилди чаҳоруми он соли 1957 дар зери таҳрир ва пешгуфтори академик А.Семёнов нашр гардида, 661 дастхатро доир ба таърихи пайдоиши дини Ислом, зиндагии пайғамбар, китоби Куръон, ҳадис ва зарурияти намоз дар бар мегирад. Дастхатҳо аз рӯи хронология (солшуморӣ) мураттаб гардида, расму сурати муқова, чилд ва баъзе саҳифаҳои лозимӣ дар он нишон дода шудааст. Асари мазкур низ дорои нишондиҳандаҳои библиографӣ ва қиммати баланди илмӣ буда, дар охир ба тариқи ҷадвал солшумории ҳичрию милодӣ нишон дода шудааст [15.554].

Кабинети академик А.А. Семенов

Дастури библиографии Е.К.Бетгер нодиртарин нишондихандаи библиографии «Адабиёти таърихӣ ва мардумшиносӣ дар бораи Тоҷикистон» («Указатель историко-этнографической литературы о Таджикистане») мебошад, ки соли 1940 дар шаҳри Тошканд мураттаб гардидааст. Як нусхаи дастхати нодир (чоппи мошинӣ дар китобхонаи академик А.Семёнов махфӯз мебошад. Нишондиханда аз сарсухан, қисми библиография, феҳристи номҳо ва феҳристи номҳои ҷуғрофӣ иборат буда, қисми зиёди он 385 номгӯӣ он ба таърих, тарзи зиндагӣ ва урфу одати мардуми Бадахшон бахшида шудааст.

Академик А.Семёнов дониши васеи таърихӣ дошта, дар мураттаб-созии китобномаҳои бунёдӣ, тамоми нозуқиҳои соҳаи китобшиносиро ба инобат гирифтааст.

Азбаски академик Александр Семёнов аз соли 1920 то охири умр бо китоб ва кори китобхона робитаи ногусастанӣ дошт, якчанд маротиба барои ҷамъоварии китобу маводи зарурӣ барои китобхонаҳои Ўзбекистон ба Санкт-Петербург ва Москва сафар намудааст. Дар натиҷаи сафарҳои хизмати нодиртарин сарчашмаҳои қаламӣ ва беҳтарин китобхоро ҷопиро ба китобхонаи шахсии хеш интиқол додааст. Дар байни китобҳои қаламии китобхонаи академик А.Семёнов маводҳои нодир ва камёфт мавҷуд мебошанд.

Дар баробари бо Қарори Шӯрои Вазирони ҶШС Тоҷикистон кушодашавии Академияи илмҳои ҶШС Тоҷикистон (15.04.1951) академик А.А.Семенов бо ташаббуси аллома Б.Ғафуров аз Тошкент ба Душанбе омада, аз 29 августи соли 1951 то 16 ноябри соли 1958 ба сифати директори

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А.Дониш фаъолият намуданд.

Академик А. Семенов 16-уми ноябри соли 1958 дар беморхонаи ш.Ташкенти Ҷумҳурии Узбекистон аз олам ҷашм пӯшид ва бо Қарори Шӯрои Вазирони РСФСР Тоҷикистон № 411 аз 24-уми ноябри соли 1958 бо мақсади пос доштани хотираи нек дар назди Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А.Дониши Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон китобхона (хона-музей) ӯ таъсис дода шуд. Мувофиқи васиятномаи академик Александр Семёнов аз 14-уми июни соли 1954 тамоми чизу чора ва китобхонаю маводи бойгониро ба духтаронаш Олга Семёнова, Лариса Семёнова ва наберааш Татьяна Семёнова мерос мондааст, ки онҳо дар ҳавлии 14-уми кӯчаи Ширшовои шаҳри Тошкент зиндагӣ мекарданд. Маблағи умумии нархи маводи китобхона, бойгонӣ ва тамоми чизу чора 15 ҳазор сӯми соли 1954-ро ташкил меод. Ба қавли академик Аҳрор Мухторов бо чунин маблағи калон нигораҳои хона-музей ва захираи китобхона харидорӣ гардида, китобхонаи академик А. Семёнов дар кӯчаи Ворошилов 4 (ҳоло Истаравшан 18) хонаи 16 кушода шуд.

Қисми асосии захираи китобхона, зиёда аз 3570 нусха китобҳои нодири асрҳои асрҳои XVIII – XIX ташкил медиҳанд, ки худи академик А.Семёнов онҳоро дар замони зиндагиаш ҷамъоварӣ намудааст. Инчунин дар захираи китобхона маълумотномаҳо: энциклопедияҳои универсалию соҳавӣ, луғатҳо, солнаҳо, солномаҳо, ҳисоботҳо ва ғайраҳо маҳфуз мебошанд. Ба ғайр аз захираи китобҳо дар китобхонаи мазкур фотокопияҳо, диафилмҳо, хуччатҳои шахсии академик А.Семенов ва шакли пештараи дафтари кори ӯ (мизи корӣ, диван, роҳаткурсӣ (кресло), курсӣ, трюмо, мошинкаи чопкунӣ, маводҳои хатнависии рӯи мизӣ) то 15-уми сентябри соли 2018 нигоҳ дошта мешуданд...

Китобхонаи академик А.А.Семёнов 16-уми июни соли 1954 дар асоси китобхонаи шахсии яке аз бостоншиносони намоён собиқ Иттиҳоди Шӯравӣ Якубовский Александр Юревич (1886-1953) ташкил ёфтааст. Якубовский А. аз соли 1945 то охири умр экспедитсияҳои гуногун роҳбарӣ намуда, солҳои 1948-1949 сардори эъзомияи илмии санъати наққошии Панҷакенти қадим буд ва дар барқарор намудани он нақши калон бозиданд.

Мувофиқи маълумоти бойгонӣ китобхонаи А.А.Семёнов бо қарори Шӯрои илмии Институти таърих аз 16-уми июни соли 1954 дар асоси захираи китобхонаи шахсии А.Ю.Якубовский, ки аз 2470 (ду ҳазору чорсаду ҳафтод) номгӯй китобу маҷалла иборат буд, ташкил ёфтааст. Китобхона дар як хучраи хонаи истиқоматии (се хучрагӣ) академик А.А.Семёнов ташкил ёфта, дар он ҷо рафҳои китобмонӣ насб гардиданд. Маълумотномаи мудирӣ китобхона В.Денисова ва дафтари бақайдгирии (инвентарӣ) рақами якуми китобхонаи А.А.Семёнов ин гуфтаҳои болоро тасдиқ менамоянд [2].

Дар захираи китобхонаи А.Ю.Якубовский нодиртарин дурдонаҳои илм ба монанди: Маълумотномаи энциклопедӣ (Энциклопедический словарь) нашри солҳои 1890-1902 дар 41 ҷилд ва 79 китоб, маводи зиёди бостоншиносию сиккашиносӣ ва маҷаллаҳои мухталифмазмун махфуз мебошанд, ки то имрӯз аз он захира 357 китоб боқӣ мондаасту халос. Азбаски қисми зиёди захираро маҷаллаҳо ва ҷузъҳо ташкил медоданд, бо мурури замон мазмунан фарсуда шуда, мувофиқи санад дар солҳои минбаъда аз захираи китобхона берун карда шудаанд. Аз ҷумла, 15 июли соли 1966 зиёда аз 520 маҷаллаи «Давраи нав» («Новое время»), «Шарора» («Огонек»), 1967 (санади № 3 аз 10.09. 1967 зиёда аз 120 маҷалла аз захира соқит карда шуданд.

Мувофиқи Қарори Шӯрои Вазирон аз 27 ноябри соли 1958 дастури Раёсати Академияи илмҳои Тоҷикистон (№76) барои қабулу баҳисобгирӣ ва хиридорӣ намудани захираи китобхонаи академик А.А.Семёнов комиссия бо роҳбарии А.К.Писарчик - мудири баҳши мардумшиносӣ (Раис), К.С.Айнӣ, Е.А.Давидович, Р.Ҳодизода -мудири баҳши адабиёти муосирва А.П.Синитсенёй (китобдор) ба ш.Тошкент сафар намуданд. Вазифаи комиссия аз қабулу ба ҳисобгирии захираи китобхона ва байғонии академик А.А.Семёнов ва муайян намудани арзиши он иборат буд. Комиссия то 22 декабр супориши хешро иҷро намуда, арзиши захираи китобхона 2299 (ду ҳазору дусаду наваду нух) номгӯй ба маблағи 175345 (яксаду ҳафтоду панҷ ҳазору сесаду чилу панҷ) рубл муайян намуд. Дар маҷмӯъ шумораи захираи китобхона аз 146 дастхат, 169 асарҳои чопи сангӣ (литографи), 54 дасхати чопии шарқӣ, 1930 китобҳои нодир бо забони русию хориҷӣ ва маводҳои дигар иборат будааст, ки инро санади Институти таърих аз 22 декабри соли 1958 тасдиқ менамояд.

Пас аз 10 моҳ марғи академик А.А.Семёнова захираи китобхона 15 сентябри соли 1959 ба Сталинобод (фёлан Душанбе) интиқол дода шуда, дар баробари оғози фаёлияти китобхона (хона-музейи) В.А.Денисова мудири китобхона таъин гардида, то соли охири декабри 1983 фаёлият намудааст.

Аз солҳои 70-ум мудири китобхона Х.Содиқова таъин гардида, санҷиши захираи китобхона аз 20 феврал то 20 марти соли 1981 нишон медиҳад, ки дар ин муддат 358 китоби нодир аз захира нопадид гардиданд. Мудири китобхона барои ҷуброн намудани китобҳои гумшуда ва ба ҷои онро қабул намудани китобу маҷаллаҳои нав вазифадор гардидааст (Фармони директори Институти академик Б.Искандаров № 21 аз 10.03.1981).

Аз охири декабри соли 1983 то соли 1995 О.Ситкина ба фаёлият китобдорӣ машғул гардида, дар ин давра захираи китобии А.Ю.Якубовскийро бо китобҳои А.Семёнов якҷо намуданд. Аз солҳои 90-ум нотинҷӣ ва ҷанги шаҳрвандӣ оғоз гардада, мудири китобхона Тоҷикистонро тарк намуданд ва як муддат китобхона аз фаёлият боз монд.

Соли 2003 бо ташаббуси директори Институти таърих, академик Раҳим Масов китобхонаи А.Семёнов баъди танаффуси тулонӣ аз нав ба фаёлият

оғоз намуд. Комиссияи қабулу баҳисобгирии захираи китобхона бо роҳбарии мудирӣ шуъбаи давраи қадим, асрҳои миёна ва нав, доктори илмҳои таърих, профессор Ҳайдаршо Пирумшоев аз 18 март то охири апрели соли 2003 фаъолият намуд. Вале мутаасифона шахси маъсул, китобдор Олга Ситкина аз каламрави Тоҷикистон берун баромада, калиди китобхона дар ихтиёри Котиби илмии Институти таърих Александра Илина Маняхина қарор дошт.

Дар натиҷа маълум гардид, ки дар солҳои ҷанги шаҳрвандӣ (1992-1997) аз захираи умумии китобхона 1376 нусха китоб нобуд гардидааст, ки аз онҳо: 43 дастхати форсӣ, 840 китобҳои нодирӣ то инқилобӣ ва 493 китобҳои нашр-гардидаи замони Шуравӣ мебошанд. Комиссия дар асоси варақаи хонандагон (формуляр) дақиқ муайн намуд, ки 40 нафар собиқ кормандони Институти таърих аз захираи китобхона 344 нусха китобро гирифта бар нагардонданд. Вале мутаасифона аксарияти онҳо дар қайди ҳаёт нестанд ё аз каламравӣ Тоҷикистонро берун рафтаанд.

Дар асоси санади комиссия аз 5 май соли 2003 захираи китобхона **7697** нусхари ташкил менамуд, ки аз он 386 дастхат, 3567 китобҳои нодирӣ то инқилобӣ, 2437 китобҳои замони Шуравӣ ва 1307 маҷаллаву маводҳои дигари нашргардида иборат мебошад. Дар байни китобҳои гумшуда, дастхатҳои нодир ба монанди: «Захира ул мулк» (24),* Куллиёти Мушфиқӣ (29), Ахлоқи набуват (44), «Кимёи саодат» (45), «Шоҳнома»- Фирдавсӣ (47), Оташқари Озар (53), «Силилат уз-заҳаб» (64), «Юсуф ва Зулайхо» (78), «Ҳафт авранг» (112) А.Ҷомӣ, «Таърихи шугнон»-и Ҳайдаршоҳ (67), Девони Қосимӣ (93), Девони Мушфиқӣ (94), Девони Ҳилолӣ (194), «Сафарнома»-и Носири Хусрав (319), Девони Шамси Табрэзӣ (330), «Вачҳ-уд-дин»-и Носири Хусрав (401) ва ғайраҳо мавҷуд буданд. (Дар қавс рақами инвентарии дастхат нишон дода шудааст)

А.А. Семенов ва ва ҳамкоронаш

Аз моҳи апрели соли 2003 то кунун (2023) зиёда аз 20 сол китобхона мунтазам фаъолият намуда, дар тамоми чорабиниҳои фарҳангӣ ва ҳаёти сиёсии кишвар саҳмгузор мебошад. Дар ин давра аз дасти як қисми кормандони Институт 442 номгуй китоб гирд оварда шуданд, ки ба онҳо 10 дастхат, 3 китоби тоинкилобӣ ва 429 асарҳои нодири замони Шӯравӣ шомил мебошанд. Китобхона дар баргузор намудани намоишҳои китобӣ ва чорабиниҳои сиёсӣ ширкат намуда, ба ифтихори кушодашавии Китобхонаи миллий аз захираи китобхонаи А.Семёнов 560 (панҷсаду шаст) нусха (дар таърихи 12.07.2011) ва бахшида ба 3000 - солагии Ҳисор (рузи 04.06.2015) аз захираи китобхона 100 сад нусха китоб тухфа карда шудааст [17].

Феълан захираи китобхонаи академик А.Семёнов аз 8659 нусха китоб иборат мебошад, ки аз он 396 нусха китобҳои форсӣ ва арабӣ (112 дастнавис ва 284 чопи сангӣ (литография), 322 бо забони тоҷикӣ, 7372 ба забони русӣ, 417 нусха китоб бо забони англисӣ, 152 нусха бо забони франсузӣ, немисӣю хитой маҳфуз мебошанд [18].

Захираи асосии китобхона (зиёда аз 8000) дар ибтидои асри ХХ дар замони зиндагии академик А.Семёнов чамъоварӣ гардида, дар захираи нашрияҳои маълумотдиҳанда (энциклопедияҳои унверсалию соҳавӣ, луғатҳо, солномаҳо, солномаҳо, ҳисоботҳо) ва ғайраҳо маҳфуз мебошанд.

То соли 2018 зиёда аз 7500 китобу маҷалла таъмир гардида, бо либоси китобхонавӣ (рақами инвентарӣ, ярлик, мӯҳр, кисача ва паспорти китоб) таъмин гардида, ба феҳристи алифбоии электронии захираи умумии китобхона дохил карда шуданд.

Қисми асосии захираи асосан китобхона – 6023 (Шашҳазору бисту се) китоб ба забони русӣ ташкил менамояд, ки аз он 5666 (Панҷ ҳазору шашсаду шасту шаш) ба захираи китобҳои академик А.А.Семёнов ва 357 мавод ба захираи китобхонаи А.Ю.Якубовский мансуб мебошанд. Ба ин қисми захираи китобхона аз нашрияҳои маълумотдиҳанда - Энциклопедияҳо (Энциклопедический словарь нашр солҳои 1890-1902 дар 79 ҷилд; Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества. нашри солҳои 1886-1921 дар 25 ҷилд; Энциклопедияи калони Шӯравӣ (БСЭ) нашри солҳои 1949-1957 дар 51 ҷилд, Энциклопедияи Советии Тоҷик нашри солҳои 1978-1987 дар 8 ҷилд ва дигар солномаҳо (Ежегодник), солномаҳо (летопись), луғат, китобҳои тоинкилобии шарқшиносони рус, давраи Шӯравӣ ва Истиқлолиятро дохил мешаванд. Инчунин дар захираи китобхона 413 нусхаи маводҳо бо забони англисӣ, немисӣ ва франсиявӣ маҳфуз мебошанд.

А.А. Семенов дар чаласаи Шӯрои Олӣи Тоҷикистон. 1951.

Захираи матбуоти даврро асосан маҷаллаҳо ташкил менамоянд, ки шумораи умумии онҳо 1779 (Як ҳазору ҳафт саду ҳафтоду нӯҳ) нусхари ташкил менамояд. Зиёда аз 1000 нусхаи онҳо ба феҳристи электронии китобхона дохил карда шудаанд, ки ба онҳо асосан маҷаллаи «Муаррих», «Мероси ниёгон», «Масъалаи таърих» («Вопроси истории»), «Масъалаи таърихи КПСС» (Вопроси истории КПСС), «Ахбори таърихи қадим» («Вестник древней истории») ва ғайраҳо дохил мешаванд.

Мувофиқи нақшаи генералии шаҳр бинои дуошёнаи кучаи Истаравшан 18, ки китобхона дар ошёнаи дуюми он ҷойгир буд, вайрон гардид. Ва мувофиқи шартномаи сетафа аз 13 сентябри соли 2018 китобхонаи номбурда ба хонаи истиқомати шахрванд Бақиев Шероз дар суроғи Хусейнзода 3 хонаи 3 кучонида шуд. Вале пас аз ду сол, баъди ба охир расидани муҳлати шартнома аз 18 сентябри соли 2020 то кунун маводҳои китобхона ба ошёнаи дуюми Институти таърих маҳфуз мебошанд.

Мувофиқи шартномаи ду тарафаи байни ЧДММ «Элит-Строй-Сервис» ва Раёсати Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон аз моҳи сентябри соли 2018 ҷихати бартарафсозии хонаи 16 (Китобхонаи академик А.Семёнов) воқеъ дар кучаи Истаравшан 18, ки моликияти Институти таърих мебошад, бояд ба ҷои он дар ошёнаи ҳафтум бо масоҳати 63 (шасту се) метри мураббаъ хонаи нав ҷудо менамуданд....

Аз моҳи апрели соли 2020 бо фармоиши (№33) директори Институти таърих, доктори илмҳои таърих, профессор Каримзода Убайдулло дар бинои Институт гушаи намоишу дастовардҳои олимони ё намоиши доимиамалкунандаи китобу маводҳои дигари тозанаشرгардида таъсис дода шуд. Гушаи мазкур мунтазам бо дастгирии мудирони шуъбаи давраи қадим, асрҳои миёна ва нав Ҳамза Камол, шуъбаи этнология ва антропология Л.Додхудоева, шуъбаи таърихи навтарин Ғ.Абдуллоев, шуъбаи таърихи санъат А.Раҷабов, шуъбаи таърихи илм ва техника А.Шарипов, шуъбаи бостоншиносӣ Н.Сайфуллоев бо китобҳои тозанаشرтаъмин карда мешавад.

Хулоса, китобхонаҳои замони муосир натавонанд ҷои нигоҳдории китоб, балки дастгоҳи таблиғоти буда, дар баробари садою симо дар тарғиби амру фармонҳои Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ -Пешвои муаззами миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, мухтарам Э.Раҳмон, қарору қонунҳои Маҷлиси Олӣ, вазорту раёсат ва адабиёти мухталифмазмун нақши босазо дорад. Инчунин нақши китобхона дар баландбардоштани сатҳи маънавии ҷомеа босазо назаррас буда, дар инкишофу пешрафти кишвар нақши бузург мебозад. Бинобарин ин китобхонаи академик А.Семёнов дар баробари хизматрасони ба олимони аспирантону унвонҷуён ва магистрони Институт, инчунин ба иштирокчиҳои барномаи Фулбрайт, аспиранти риштаи мусиқишиносии Донишгоҳи Брауни ШМА Кэтрин Фриз (22.07 -30.09 2019), докторони Институти таърихи умумии Академияи илмҳои Федератсияи Россия – Котюкова Татьяна Викторовна (12-19.05.2013), аъзои Шурои композиторони Ҷумҳурии Узбекистон Ҷумаев Александр Бобониёзович (06.12.2013) хизматрасондааст.

Хеле хуб мешуд, ки бо мақсади мутамарказ намудани захираи китобӣ ва баландбардоштани сифати хизматрасонӣ ҳамаи китобхонаҳои Институти таърихро дар як китобхона гирд меоварданд. Дар дохили он фондҳои академикони А.Ю.Якубовский, А.А.Семёнов, Р.Масов, Ранов ва дигарон амал мекарданд.

Адабиёт

1. Восточные рукописи в библиотеке покойного В. В. Вельяминова -Зернова // Известия Российской Академии наук. – Пг., 1919. - Сер. 6.- Т. 12.- (С. 855 – 872) - 17 с
2. Денисова В. В библиотеке // Гулистон. - 1962. - С.128.
3. Государственная публичная библиотека УзССР и фонды Восточных рукописей Узбекистана // Литературный Ташкент. - Т. I. - 1945.
4. Древние библиотеки // Пионер Востока. - Ташкент. - 1938. - (№ 43) 12 май.
5. Каталог рукописей исторического отдела Бухарской центральной библиотеки // Труды Библиогр. Комиссии, бывшей при СНК ТаджССР. - Вып. 2. - Ташкент. - 1925. - 32 с.
6. Материалы к библиографическому указателю печатных произведений Алишера Навои и литературы о нем. - Ташкент, 1940. - 38 с.
7. Описание персидских, арабских и турецких рукописей Фундаментальной библиотеки Среднеазиатского государственного университета // Труды Средне-Азиатско-

го Государственного Университета. - Сер. 2. - Вып. 4. - Ташкент, 1935. - 88 с.

8. Описание исмаилитских рукописей, собранных А. А. Семеновым // Известия Российской Академии наук. - Сер. 6.- Т. 12.- 1918.- № 87.- 169 с.

9. Описание рукописей произведений Навои, хранящихся в Государственной публичной библиотеке УзССР. - Ташкент, 1940.- 45 с.

10. Описание таджикских, персидских, арабских и тюркских рукописей Фундаментальной библиотеки Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. - Вып. 2. - Ташкент. - 1956. - 88 с.

11. Рецепты оформления старинных восточных рукописей // Труды Таджикского Филиала АН СССР. - 1951. - Т. 29. - С. 89 - 98.

12. Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР: Каталог. - Т. I (1-743) / Под ред. и при участии А. А. Семенова. - Ташкент, 1952. - 443 с. +121 табл.

13. Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. - Т. 2 (744-1878) / Под ред. и при участии А. А. Семенова. - Ташкент, 1954. - 590 с.

14. Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Каталог. - Т. 3 (1879 - 2800) / Под ред. и при участии А. А. Семенова. - Ташкент, 1955. - 555 с.

15. Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Каталог. - Т. 4 (2801 - 3462) / Под ред. и при участии А. А. Семенова. - Ташкент, 1957. - 554 с.

16. Указатель персидской литературы по истории узбеков в Средней Азии // Труды Библиогр. Комиссии, бывшей при СНК ТаджССР. - Ташкент. - 1926.- Вып. 3. - 31 с.

17. Ҳисоботи китобхонаи А.Семёнов солҳои 2011, 2015, 2020 ва нусхаи тасдиқномаҳо бо муҳру имзо.

18. Ҳисоботи китобхонаи А.Семёнов барои соли 2020.

Бека Ёғибекова
Душанбе

НАҚШИ А. А. СЕМЁНОВ ДАР ИНКИШОФИ ИЛМИ МАРДУМШИНОСӢ ВА ТАРБИЯИ КАДРҶОИ ИЛМӢ-ПЕДАГОГИИ ТОҶИКИСТОН

Муҳаққиқ А. А. Семёнов дар рушди таърихи минтақавӣ, бостоншиносӣ, этнография, сарчашмашиносӣ, адабиётшиносӣ, нумизматика, хаттотӣ, фолклоршиносӣ, таърихи дин, фарҳанг ва як қатор дигар соҳаҳои илмӣ хизмати бузург намудааст. Дар баробари ин як чизи баҳснопазир аст, ки дар ҳамаи ин самтҳо у пеш аз ҳама муҳаққиқи таърихи халқи тоҷик боқӣ мондааст.

Академики АИ РСС Тоҷикистон Александр Александрович Семёнов (1873-1958) ба таври ҳаққонӣ яке аз бузургтарин шарқшиносони асри 20 ба шумор меравад. Хатмкардаи Донишкадаи забонҳои шарқии ба номи Лазарев (Москва), ки забонҳои арабӣ, форсӣ ва туркиро аз худ намудааст, барои омӯхтани сарчашмаҳои хаттӣ дар Туркистон имкони фаровон дошт ва уро барои кор ба идораи ҳукумати умумии Туркистон фиристоданд. Даре нагузашта А.А.Семёнов, ки дорои қобилиятҳои бузурги тадқиқотӣ буд, мутахас-

сиси шинохтаи дастнависҳои шарқӣ, нуфузи соҳаи исломшиносӣ ва сарчашмашиносӣ гардид. Мавзуи асосии илмию тадқиқотии ӯро давоми фаъолияти қариб 60-солааш “Таърих ва таърихи фарҳанги Осиёи Миёна” ташкил кард. Ҳарчанд доираи масъалаҳои таҳқиқкардааш васеъ буд. А. А. Семёнов ба дастхатҳои тоҷикӣ-форсӣ ва омӯзиши таъриху фарҳанги мардуми тоҷик таваҷҷӯҳи хоса дошт. Библиографоне, ки роҷеъ ба ҳаёт ва фаъолияти илмии А. А. Семёнов навиштаанд, хулоса мекунанд, ки барои ӯ ҳамчун як пажӯҳишгари шарқшинос маҳз тоҷикон - сокинони аслии Осиёи Миёна ва авлоди эронини шарқӣ, ки аз замонҳои қадим дар Хуросону Мовароуннаҳр сукунат доштанд, мақоми хос доштанд. Ба гуфтаи ҳуди А. А. Семёнов, шавқу завқи ӯ ба омӯзиши адабиёти тоҷику форс ва ёдгориҳои Осиёи Миёна, яъне ба соҳаҳои филология, мардумшиносӣ ва бостоншиносии тоҷикон нигаронида шудааст. Ӯ таъкид мекард, ки ин шавқу рағбат дар солҳои донишҷӯияш пайдо шуда, баъдан торафт бештар ва амиқтар шуд. .

А. А. Семёнов дар давраи донишҷӯӣ дар экспедитсияи этнографӣ бо роҳбарии А.А.Бобринской ба Осиёи Миёна (1898) иштирок мекунад. Дар рафти экспедитсия ба А. А. Семенов муяссар гардид, ки оид ба этнография, филология ва маданияти аҳолии қисми қуҳистонии Осиёи Миёна — Қуҳистон, Қаротеген ва Дарвоз маводи нодир ҷамъ кунад. Ин маводҳо асоси асарии аввалинашро ташкил доданд бо номи «Маводҳо барои омӯзиши шеваҳои тоҷикони қуҳистони Осиёи Миёна» [8 9.3] . Нашри ин асар нишон дод, ки ба илм як пажӯҳишгари нави шарқшиноси ҷиддӣ ворид мешавад.

Соли 1946 А. Семёнов бо унвони «Ҳодими хизматнишондодаи илми РСС Тоҷикистон, соли 1949 олим бо ордени «Нишони Фахрӣ» мукофотонида шуд [7, 47].

А.А.Семёнов аз рузҳои аввали ба вазифаи директор таъин шуданаш ба корҳои ташкилӣ — муайян кардани структура ва самти институт ҳамчун маркази нави илмӣ, ташаккули ҳайати он, ҷо ба ҷо гузоштани кадрҳо ва гайра ҳаматарафа машғул шуд [2, 47].

Сарфи назар аз нарасидани кадрҳои ҷавон дар муассисаи институти наваъсис кор дар соҳаи таърих, бостоншиносӣ ва этнография ба андозаи кам бошад ҳам, ба роҳ монда шуд. Маҷмуаи «Материалҳо оид ба таърихи тоҷикон ва Тоҷикистон», мақолаҳо, брошюраҳои алоҳида аз ҷоп баромад. Дар илми таърихи Тоҷикистон ба забонҳои русӣ ва тоҷикӣ нашр шудани китоби «Таърихи халқи тоҷик»-и .

Чунон ки аллақай қайд карда шуд, масъалаи кадрҳо хеле душвор буд. Бинобар ин, А.А.Семёнов аз дигар муассисаҳо ва ҳатто аз дигар шаҳрҳо мутахассисони ҷавонро даъват кард.

А.А.Семёнов ба тарбияи олимони ҷавон аҳамияти калон меод. Вай нағз мефаҳмид, ки бе базаи илмӣ-кадрӣ иҷрои нақшаҳо ва иҷрои вазифаҳои дар наздашон гузошташуда имконнопазир аст. Вай ба аспирантҳои худ на танҳо мавзӯҳои рисолаҳоро пешниҳод мекард. Тавре ҳуди ӯ навиштааст,

«ёрие, ки ман ба аспирантҳо медихам, аз нишон додани манбаъҳои омодагӣ ба рисола, сӯҳбату дастурҳо оид ба гузаронидани кори илмӣ, ислохоту ислохоти тезисҳо ва рисолаҳо иборат аст» [9, 2].

Самти дигари фаъолияти олими бузург А. А. Семёнов омӯзгорӣ буд. Сарфи назар аз ғамхории мутлақи худ ба илм, ӯ бо мақсади ба вучуд овардани заминаи институтсионалии илми таърих дар Осиёи Миёна, як зумра муаррихон, шарқшиносон ва мардумшиносонро тарбия кардааст.

Фаъолияти муаллим А.А. Семёнов дар мактабҳои олии Тоҷикистон аз соли 1952 оғоз ёфта, асосан дар Донишгоҳи давлатии Тоҷикистон ва Институти омӯзгории Душанбе дарс додааст. Барои донишҷӯён ва аспирантҳои ин донишқадаҳо аз қабилӣ «Палеографияи Шарқ», «Хронологияи Шарқ», «Сарчашмашиносии таърихи Осиёи Миёна» лексияҳо хонд. Лексияҳои у мароқи сершумори коркунони илмӣ ва аспирантҳоро ба худ ҷалб карданд.

А.А. Семёнов ба худи тадқиқоти таърихӣ аҳамияти калон меод. Сектори таърихи институт бо сардории В. Казачковский дар солҳои 1953—1954 танҳо аз ду ходими калони илмӣ ва ду ходими хурди илмӣ иборат буд. Дар кори сектор ва институт аъзои хақиқии Академияи фанҳои РСФСР Тоҷикистон Б. Ғ. Ғафуров фаъолона иштирок дошт. Коркунони сектор асосан ба омузиши таърихи халқи тоҷик дар давраи советӣ машғул шуда, баъзе проблемаҳои таърихи пешазреволюционии халқи тоҷикро низ омӯхтанд.

Дар фаъолияти педагогӣ хизмати шоистаи А. Семёнов аз он иборат аст, ки вай бисёр олимони ҷавонро тарбия кардааст. Дар байни онҳо Н. Латипов, А. Маҷлисӯв, А. Мухторов, З. Баҳромов, С. Стесенко ва дигарон буданд. Бо диққати калон А. Семёнов аз болои кори этнографҳо назорат карда, ба онҳо бо дониши чуқури масъала роҳбарӣ мекард. Дар аввал сектор аз 6 нафар иборат буд, ки дар байни онҳо чунин муҳаққиқони маъруфи этнографияи тоҷик А.К. Писарчик, ки роҳбари ин сектор Н.Н.Ершов ва дигарон буданд, аллакай дар охири соли 1951 Б.Х. Кармишева ва Н. Нурҷонов дифоъ карданд. Рисолаҳои номзадии онҳо дар мавзӯҳои этнографӣ. Дар кори сектор тадқиқоти доимии этнографияи Тоҷикистон ҷои муҳимро ишғол кард. Ва аз соли 1952 сар карда, тадқиқоти пайвастаи этнографияи Қаротегин ташкил карда мешавад. Маҳз дар ҳамон вақт мавзӯҳои этногенези аҳолии туркзабони Тоҷикистони ҷанубӣ таҳия гардида, корҳои антропологӣ ва этнографӣ ва ғайраҳо гузаронида шуданд [10, 24].

Ҳамзамон корҳои назарраси бостоншиносӣ ва этнографияи сахрой анҷом дода шуда, дар натиҷа маводи пурарзиши таърихӣ гирд оварда шуд. Чунин фактро қайд кардан хеле муҳим аст, ки ҳамчун олими дорой ахлоқи баланди илмӣ А. Семёнов аз коллексияи шахсии худ ашъёҳои хеле пурқимати этнографиро ба музейи институт тухфа кард.

Яке аз комёбиҳои барҷастаи институт, ки ба он академик А. Семёнов роҳбарӣ мекунад, дар Панҷакент ба вучуд овардани базаи археологӣ мебошад. Кушодани базаи нави илмиро А.А.Семёнов чунин асоснок кардааст:

«Дар Панҷакент солҳои зиёд қорҳои археологӣ бурда мешаванд. Панҷакент ба илм намунаҳои боҳашамати наққошӣ, ҳайкалтарошӣ ва қандақорӣ чӯбро додааст. Қофтуқовӣ маҳалҳои қалони истиқоматӣ, устохонаҳои хунармандӣ, маъбадҳо ва ғайра. муҳимтарин маводи таърихи иҷтимоӣ иқтисодӣ Суғд дар асрҳои 7-8, вале дар Панҷакент қор хеле суст, ҳар сол ҳамагӣ 2—2,5 моҳ ба ҷо оварда мешавад. Ҳафрийетҳои ин мавзеи муҳимтарин даҳсолаҳо идома доранд. А.А. Семёнов дар маърузаҳои худ қайд кард, ки барои ин дар Панҷакент базаи доимӣ ташкил кардан лозим аст. Қори мунтазам дар Панҷакент ва ҳифзи ашёи қофташуда бояд аз ҷониби сардори база, ходими қалони илмӣ, ходими хурди илмӣ ва посбон таъмин карда мешуд» [6].

Ҳамин тавр, академик А.А.Семёнов на танҳо равшангари илми таърих, балки ташкилотчи ва муаллими чандин насли муаррих, шарқшиносон, этнографҳо ва бостоншиносони тоҷик буд. Ба нишони абадӣ гардондани хотираи ин олими бузург, шахси аҷоиб манзили у, ки солҳои охири умраш дар он ҷо буд, соли 1959 бо қарори ҳукумати республика ба осорхона-квартираи А. А.Семёнов ҳифзи китобхонаи шахсии у, ки дар он миқдори зиёди дастхатҳои пурқиматтарин сарчашмаҳои таърихи халқҳои Осиёи Миёна, махсусан халқи тоҷик ва 2360 китоб мавҷуд аст. Дар байни онҳо нашрияҳои гуногун оид ба таърихи қадим ва асрҳои миёна, бостоншиносӣ, этнография, санъати Осиёи Марказӣ ва васеътар, тамоми Шарқ мавҷуданд, ки ба шарофати онҳо китобхонаи институт ба заминаи муҳими рушди илми таърих таъдил ёфтааст. Ҳар як меҳмони китобхона аз китобҳои А А Семёнов истифода бурда, номи уро бо гарму ҷушон ва эҳтироми бузург ёдовар мешавад.

Бисёре аз осори А.А. Семёнов, махсусан аз давраи аввали фаъолияти илмии ӯ, хусусияти этнографӣ ва археологӣ дорад ва аз ин рӯ, ӯро метавон яке аз асосгузори бостоншиносӣ ва этнографияи Осиёи Марказӣ номид. Натиҷаҳои таҳқиқоти А.А. Семёнов дар ин самт дар асарҳои ӯ «Очерки этнографии кӯҳҳои Зарафшон, Қаротегину Дарвоз» ,

«Аз мавзеи эътиқодоти динии исмоилиёни Шуғнон» ва ғайра инъикос ёфтааст. [11, 19].

Шиносоӣ бо таърих ва маданияти халқҳои Осиёи Миёна ба А.А. Семёнов имкон дод, ки оид ба таърихи этникии халқҳои Осиёи Миёна як қатор хулосаҳо барорад. Ӯ муътақид буд, ки маҳз тоҷикон аборигенҳои Осиёи Миёна ва ворисони фарҳанги ориёӣ ҳастанд, ки дар минтақа ҳамчун миллат боқӣ мондаанд.

А.А. Семёнов ба ёдгориҳои фарҳанги моддӣ ҳамчун яке аз муҳимтарин сарчашмаҳои таърихи тоҷикон ва дигар халқҳои Осиёи Миёна, ки дар тӯли ҳазорсолаҳо тамаддуни худро ба вуҷуд овардаанд, тавачҷӯҳӣ хоса зоҳир мекард. Гувоҳи ин тамаддун ёдгориҳои сершумори археологӣ минтақа мебошанд. А.А. Семёнов дар яке аз асарҳои аввалини худ қайд мекунад, ки халқҳои маҳаллии Осиёи Миёна, ки «ин кишвар дорои ҳазинаи бузурги бостоншиносӣ мебошад, ки на танҳо пурра омӯхта нашудаанд, балки ба таври бояду шояд таҳқиқ нашудаанд» [9, 16].

Академик Р.М. Масов дуруст кайд кардааст, ки аксари асарҳои А.А. Семёнов бо вучуди он ки ҳамчун мақола навишта шуда буданд, аз ҷиҳати арзиши илмии худ бо тадқиқоти монографӣ баробаранд. [10, 14]

Ин баҳо ба мақолаи «Ёдгориҳои қадима дар Туркистони Рус» комилан мувофиқ аст. Метавон гуфт, ки ин мақолаи А.А. Семёнов аввалин харитаи археологии Туркистон буд. Ҷолиби диққат аст, ки муаллиф даврабандии археологиро риоя намуда, ёдгориҳоро на аз рӯи мавқеи географӣ, балки бо назардошти санаи онҳо, яъне бо тартиби хронологӣ тавсиф мекунад. А.А. Семенов ба ёдгориҳои асри санг, натиҷаҳои ҳафриёти олими амрикоӣ Р.Помпелли дар ҷануби Туркманистони ҳозира ишора карда, дар бораи асри сангу биринҷӣ дар Осиёи Миёна сухан мегӯяд. Гузашта аз ин, ба гуфтаи олим, дар асоси ташбеҳи сафоли Анау метавон дар бораи эҷоди ин фарҳанг аз ҷониби «аҳолии муқими Ҳиндуаврупой» сухан ронем

Дар асри ХХ асарҳои дорои хусусияти умумӣ кам буданд, маҷмӯаи ёдгориҳои, ки дар мақолаи А.А. Семёнов оварда шудаанд, на танҳо барои мутахассисон, балки барои ҳар касе, ки ба таърихи Осиёи Марказӣ таваҷҷӯҳ дорад, китоби маълумотнома гардид. Фикри асосии асар дар бораи офарандагони ёдгориҳои маданият нигоҳ дошта шудааст. Тавре аз ҳуди унвони асар бармеояд, ба гуфтаи муаллиф, мардуми ориёи эронизабони Осиёи Миёнаи қадим - бохтариён, суғдиён, хоразмиҳо, фарғонагиҳо ва сакҳо ва дар асрҳои миёна, –тоҷикон офаринандагони асосии маданияти моддӣ Осиёи Миёна буданд. Дар он давраи пурҷушу хурӯши пантуркизм қори А.А.Семёнов ниҳоят муҳим буд: А.А. Семёнов саҳми халқҳои Эронро дар тамаддуни Осиёи Миёна равшан нишон дод.

А.А. Семёнов таваҷҷӯҳи худро ба таърих ва фарҳанги халқи тоҷик, ки дар марҳилаи аввали фаъолияти илмӣ ба вучуд омада буд, дар тамоми умри худ нигоҳ дошт. Ӯ ба шарофати тадқиқоти худ ба яке аз шарқшиносони машҳур ва бонуфузи СССР табдил ёфт. Дар баробари ин, ҳарчанд ӯ бостоншинос набуд, ҳамеша ба омӯзиши ёдгориҳои маданияти моддӣ шавқу ҳавас дошт. Донишмандони амиқ дастхатҳои асримиёнагӣ ва ошноӣ бо адабиёти доир ба илми бостоншиносӣ нашршуда ба А.А. Семёнов имкон дод, ки аз тамоми таҳқиқотҳо бохабар бошад ва аз рафти бозёфтҳои археологӣ пайгирӣ кунад. Вай аз маъхазҳои ҳатти оид ба ёдгориҳои таърихӣ маданияти халқи тоҷик ва дигар халқҳои Осиёи Миёна бисёр материалҳои пурқимат ба даст овардааст.

Вакте ки 17 апрели соли 1951 Академияи фанҳои РСФСР Тоҷикистон ташкил карда шуд, А.А. Семенов аз 4 июни соли 1951 то рузҳои охири ҳаёташ (1958) ба Институти таърих, археология ва этнографияи АИ Тоҷикистон роҳбарӣ карда, дар инкишофи илми академии Тоҷикистон ҳиссаи калон гузоштааст.

Дар марҳалаи ҳозираи таърихнигории Тоҷикистони соҳибхитӣ асарҳои А.А. Семёнов оид ба таърихи фарҳанг барои таҳияи проблемаҳои мураккаби таърих, маданият ва равандҳои этникии аҳолии аҳамияти бузурги илмию назариявӣ доранд. А.А. Семёнов бо омӯзиши маводи таърихӣ

этнографии чамъоварда ва тӯли даҳсолаҳо шахсан мушоҳидакардааш тавонистааст ба вижагиҳои ташаккул ва рушди фарҳанги маънавии тоҷикон аз замони қадим то имрӯз ба таври касбӣ баҳо диҳад. Вай дар асоси материалҳои этнографию лингвистики гирд овардашуда тавонист манзараи томи маданиятро ба вуҷуд оварад, проблемаи асосии илми этногенези тоҷиконро пурратар ва равшантар таҷассум кунад. Мавзӯи фарҳанги маънавии халқи тоҷикро баррасӣ намуда, маводи гирдовардаи худро оид ба таърих ва этнографияи тоҷикон мавриди таҳлил қарор додааст.

Хизматҳои бепоёни Семёновро дар тарбияи кадрҳои илмӣ, дар ташаккул ва инкишофи шарқшиносӣ ва умуман илми таърих дар Тоҷикистон, халқ ва аҳли чамъияти тоҷик ҳеҷ гоҳ фаромуш намекунад.

АДАБИЁТ

1. Алиджанов М.А. Вклад А.А. Семенова в развитие исторической науки в Таджикистане. // Известия Академия наук Таджикской ССР (Отделения общественных наук). - Душанбе, 1973. - № 3. - С. 47- 59.
2. Додхудоева Л.Н., Научное наследие А.А. Семенова и М.С. Андреева (архивные документа). - Душанбе, 2013. - 265 с.
3. Искандаров Б. И. Александр Александрович Семенов как историк // Памяти Александра Александровича Семенова. - Душанбе, 1980. - С. 36- 41.
4. Луний Б.А. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии // Очерки по истории русского востоковедения. - М., 1963. - С. 321-332.
5. Масов Р. Александр Александрович Семенов- организатор основатель академической фундаментальной исторической науки в Таджикистане.// Роль А.А. Семенова в изучении истории таджикского народа. (Материаль научной конференции, посвященной 130- летию со дня рождения академика А.А. Семенова). - Душанбе. - 2003. - С. 9- 14;
6. Мухторов А.А. Вклад А.А. Семенова в изучение эпиграфических памятников (к 100- летию со дня рождения). // Известия Академия наук Таджикской ССР (Отделения общественных наук). - № 2 (76). - Душанбе, 1974. - С. 21- 28.
7. Неменова Р. Л. А. А. Семенов - лингвист и лексикограф // Памяти Александра Александровича Семенова. – Душанбе, 1980. - С. 65- 69.
8. Пирумшоев Х. А.А. Семенов- востоковед и организатор исторической науки в Таджикистане // Вклад академика А.А. Семенова в изучение истории и культуры таджикского народа. - Душанбе- 2014. - С.- 15-30.
9. Семёнов А.А. Материалы для изучения наречия горных таджиков центральной Азии. - Ч. I. Грамматический очерк и памятники народного творчество. - М., 1900. - 56 с.
10. Семенов А. А. Этнографические очерки Зерафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – М., 1903. – 112 с.
11. Семёнов, А.А. Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов // Мир ислама. - Т. 1. - № 4. - СПб, 1912.

**Рустам Мукимов,
Салия Мамаджанова**
Душанбе

**ВКЛАД М.С. АНДРЕЕВА В ИЗУЧЕНИЕ АРХИТЕКТУРЫ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ЖИЛИЩА НА ТЕРРИТОРИИ
ТАДЖИКИСТАНА**

Дом, возводимый по замыслу и руками народных мастеров, а очень часто самими будущими жильцами, как живой и гибкий организм постоянно видоизменяется сообразно с жизнью семьи - пристраиваются одни помещения, разрушаются другие, все части жилища по мере сил и средств совершенствуются дополнительными удобствами и украшаются. Веками накопился в народном строительстве опыт - как предохранить жилище от нежелательных климатических воздействий, сделать его удобным и уютным. Жилище несет ясный отпечаток социальных условий, этнической принадлежности его обитателей, их бытового уклада и эстетических взглядов. "...Из дома вырос Форум. Из дома вырос Акрополь, из дома вырос погост в Кижях, а не наоборот. С жилища начинается архитектура, с жилища начинается город", - так писал известный русский архитектор-теоретик А.К.Буров[1].

Действительно, жилище являлось чистым родником для всей нивы местного зодчества. Оно питало гражданское, дворцовое и культовое строительство не столько богатством декора, сколько органичностью общей структуры, высокой культурой построения и отделки архитектурной детали. Поэтому изучение архитектурного наследия различных эпох правильнее начинать с исследования народных жилищ, а не дворцов и храмов, так как нередко в развитых формах последних можно угадать основу, идущую от простой хижины[2]. Поэтому исследование жилой архитектуры в процессе его многовекового развития является одним из важных задач не только исторической, но и архитектурной науки.

Изучением жилища занимались многие исследователи различных направлений историко-архитектурной науки: историки, этнографы, археологи, архитекторы, искусствоведы и др. У истоков изучения культуры жилища таджиков стояли известные в научном мире России и бывшем СССР ученые: В.В. Бартольд, А.А. Семенов, М.С. Андреев, Н.А. Кисляков, А.К. Писарчик, В.Л. Воронина, Н.Н. Негматов, М.А. Хамиджанова, А.Д. Давыдов, М.Х. Мамадназаров, Р.С. Мукимов, Д.А. Назилов и др.[3].

В первую очередь, согласно тематики конференции нас интересуют исследования М.С. Андреева, проведенные им в 1927-1928 гг. во время четырехмесячной экспедиции по изучению Таджикистана и иранских народов. Михаил Степанович побывал также в долине реки Ягноб, жители которой сохранили не только особый уклад жизни, но и свой древний язык. М.С. Андреевым был собран большой этнографический материал, в том числе дан-

ные об особенностях жилища, названиях отдельных помещений и оборудования интерьера, планировке селений[4].

В своих записях, хранящихся в Фонде М.С. Андреева Национальной академии наук Таджикистана, М.С. Андреев 24 июня 1927 о Ягнобе писал следующее: «В Ягнобе нет до сих пор: ни одной швейной машины, ни одного кузнеца, ни одной лавки с чем бы то ни было... Почти нет школ, кое-кто из грамотных учит читать своих домашних... Решительно нет никакой медицинской помощи, население обращается только к знахарям и полуграмотным муллам, пишущим амулеты».

В 1970 году А.К. Писарчик подготовила к печати книгу «Материалы по этнографии Ягноба», где впервые подробно была освещена деятельность М.С. Андреева по этнографическому изучению Ягноба, этого высокогорного региона Айнинского района в верховьях реки Зеравшан[5]. Именно в этой книге впервые были опубликованы родовые жилища Ягноба, датируемые XVII-XVIII вв. Впоследствии были и другие экспедиции, а также поездки отдельных ученых, в том числе этнографов, историков, архитекторов, искусствоведов.

В октябре 1989 года японские корреспонденты телеканала "Асахи" и газеты "Асахи Шимбун" прибыли в Душанбе в составе международной автомобильной экспедиции по программе ЮНЕСКО "Великий шелковый путь". Они обратились в Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикистана оказать содействие им посетить высокогорный регион Ягноб. В результате переговоров группа из 13 человек на вертолете достигла долину реки Ягноб. В составе «корреспондентской группы» был зав. отделом искусствоведения Института истории, кандидат архитектуры Мунаввар Мамадназаров, который впоследствии писал об этой необычайном путешествии на страницах новостного агентства, включающее веб-сайты, радиовещательную службу «Радио Sputnik», снабдив рассказ своими чертежами и рисунками ягнобских жилищ и поселений (рис. 3). Помимо этого, он издал брошюру «Таджикистан на Великом Шелковом пути» на русском и английском языках, где кратко описал четыре трассы Шелкового пути, которые проходили через территорию современного Таджикистана, соединяясь с другими маршрутами этого трансконтинентального пути[6] (рис. 1, 2).

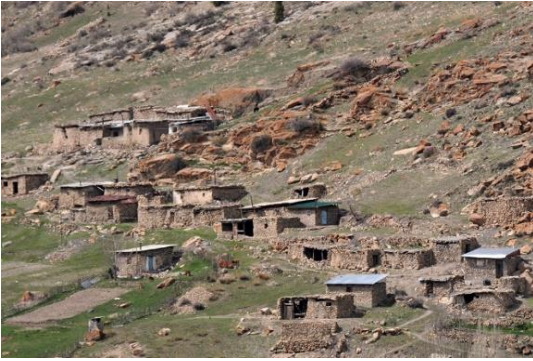

Рис. 1. Ягнобское селение сегодня.

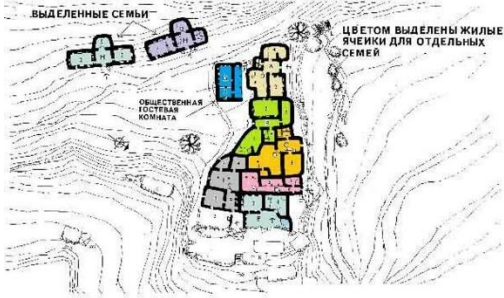
Рис. 2. Ягнобское жилище сегодня.

♦ ЖИЛЫЕ ДОМА В СЕЛЕНИЯХ ЯГНОБА ♦

МАРТУМАЙН

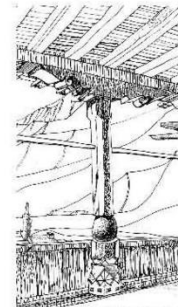
ГАРМЕЙН

•РЕКОНСТРУКЦИИ- М.МАМАДНАЗАРОВА

ИНТЕРЬЕР ДОМА В ПУЛЛА-РОВУТ

КОЛОННА МЕЧЕТИ КУЛИ-БОЛО

Рис. 3. Графические материалы Мунавара Мамадназарова по материалам поездки в Ягноб в 1989 году.

Начав разговор о ягнобских родовых селениях, изученных М.С. Андреевым, следует сказать, что Таджикистан – это единственная страна в Центральной Азии, где до недавнего времени сохранялись пережитки патриархальной домашней общины и общинные дома у ягнобцев, что стало объектом тщательного изучения русскими исследователями уже в 30-х годах прошлого столетия [7], а затем и таджикскими учеными в 1958-1966 годах в результате комплексного широкого этнографического обследования сотрудниками Института истории АН Таджикистана. В результате, в 1975 году была издана книга «Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана» [8].

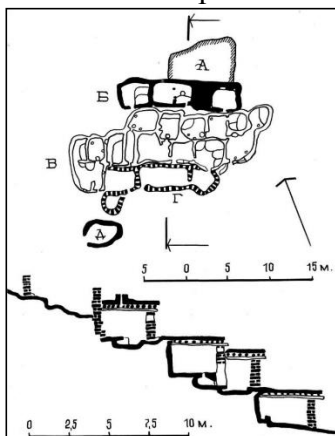

Рис. 4. Верхний Зеравшан. Фрагмент родового селения Сархади-Куль в Ягнобе, XVII-XVIII вв. Совмещенный план уровней и разрез. Б – уровень с мехмонхона (по М.С.Андрееву).

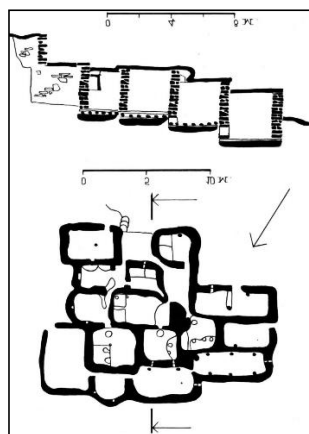

Рис. 5. Верхний Зеравшан. Многокомнатный родовой жилой дом в Ягнобе, XVIII в. (По М.С.Андрееву, обмер 1930-х гг.)

В чем особенность этих родовых домов, изученных М.С. Андреевым в 30-х годах прошлого столетия в высокогорной долине реки Ягноб и датируемые XVII- XVIII вв.?

Так, например, родовое селение (рис. 4) расположено на склоне крутого холма с каменистым грунтом и поэтому представляет террасную жилую группу на уровнях, разделенную на ряд строений различного назначения. Верхняя часть (А) занимает открытый загон для скота; второй ярус (Б) занят постройками позднего происхождения, среди которых общественная *мехмонхона*-гостиная; третий ярус (В) – это родовое многокамерное жилище с обособленными группами помещений для отдельных семей рода; четвертый уровень (Г) занимают крытые хозяйственные постройки и, наконец, на самой нижней террасе находится загон для скота – *рабат*.

Каждая жилая ячейка для обособленных членов родовой общины состоит из чистого отделения – *канна*, очажного отделения – *мур*, служащая дополнительной зимней спальней, прихожей – *куча* и кладовой – *пистик*. Стены выложены из камня с обмазкой глиной, кровля плоская, глиняная. Над муром в потолке устроено отверстие-дымоход[9].

В целом, родовое селение по своей структуре представляется древнейшим пережитком родовых кварталов, которые сохранились местами в древних городах Таджикистана, например, в Ура-Тюбе (сейчас Истаравшан) [10].

Второй многокомнатный родовый жилой дом в Ягнобе, изученный М.С. Андреевым, датируется им также XVIII в. (рис. 5). В доме проживала большая патриархальная семья с коллективным ведением хозяйства. В плане он имеет неправильную криволинейную форму, вызванную постоянным его «ростом» по мере увеличения состава семьи. Из-за суровых климатических условий жилище не высоко (до 2,5 м высоты) и сложено оно из камня с последующей обмазкой глиняным раствором.

Внешне замкнутый единый массив без оконных проемов имеет вход – полузамкнутый айван, откуда два прохода ведут во внутренний коридор и анфиладно связанные жилые помещения. Жилище состоит из очажного отделения – *мур*, чистого отделения – *канна*, прихожей – *куча*, кладовой – *пистик*, веранды – *долун*. Очажное отделение одновременно выполняет роль зимней спальни с лежанками рядом с очагом.

Светодымовое отверстие устраивают в потолке или в стене под потолком. Внешний ряд стен, ограничивающие замкнутые камеры, используется для содержания скота, а также как кладовые. Одно из изолированных помещений, восточное, используется как комната для гостей – *мехмонхона*. Деление жилища на женскую и мужскую половины здесь нет.

Чертежи (планы и разрезы) родовых домов Ягноба, исследованные М.С. Андреевым (рис. 3, 4) стали основой для их углубленного изучения и поиска отголосков подобных домов-поселений в натуральных материалах XIX - начала XX вв. При этом, обнаружилось, что в верховьях Зеравшана подоб-

ные дома сохранялись до недавнего времени во многих селениях Пенджикентского, Айнинского и Горно-Матчинского районов. В частности, во время участия в археологическом отряде, руководимом Юсуфом Якубовым в 1875-1976 гг., в селении Магиан нами было обмерено архаическое жилище начала XIX века Халиковой, близкое по организации внутреннего пространства жилой ячейки в родовом селении Ягноба.

Архаичный дом Халикова находится в долине Магиандарьи, впадающей в Зеравшан. Являлось одним из самых старых из сохранившихся жилищ Верхнего Зеравшана. По очертанию плана представлял гибкую живописную композицию с различного рода выступами и буграми. Структурно состоял из двух частей - чистого помещения - *руи хона* и камина-*мури*, представлявшего вместительный очаг, который можно зимой использовать как спальню. Прихожая от *руи хона* была отделена пониженным уровнем пола. В жилой части был устроен антресоль для складывания бытовых предметов, в том числе одеял. На полу имелось закрытое сверху отверстие в погреб - *чох* для хранения продуктов питания. Окон в помещении не было кроме небольшого отверстия под потолком. Стены каркасные с глиняным заполнением и обмазкой глиной[11].

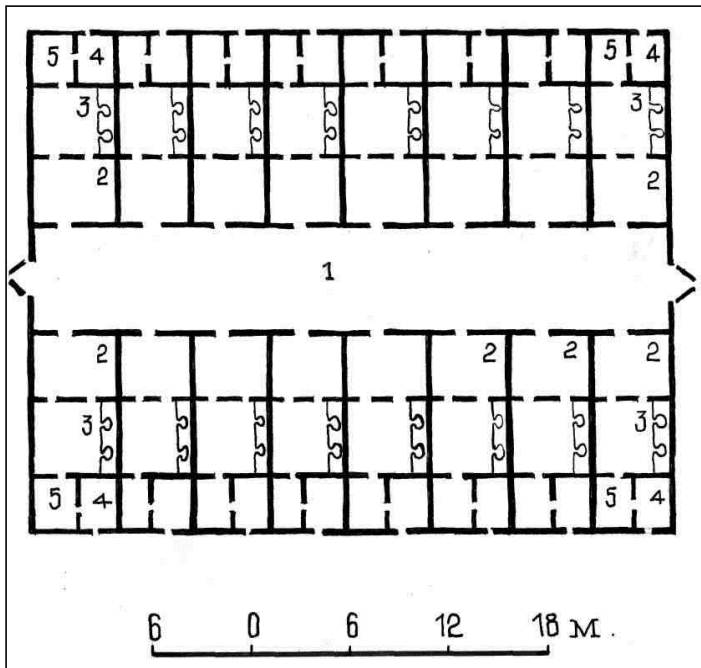

Рис. 6. верхний Зеравшан. Старая Матча. Схема планировки общинного квартала с запирающимися улицами, XVIII-XIX вв. 1-улица; 2-внутренний дворик; 3-жилое помещение с зоной кухни; 4-хлев; 5-кладовое помещение

Общинный квартал Старой Матчи XVIII-XIX вв. с запирающимися улицами описала этнограф М.А.Хамиджанова. В частности, жилой дом-квартал состоял из ряда слитных, двух противо-

положных сторон (рис. 6). В каждой секции находился небольшой внутренний дворик с входом из крытого прохода и входом в жилое помещение, где одна стена занималась очагами типа «мури». Жилое помещение - хона сооб-

щалось с небольшой камерой «амбор», а через неё - с хлевом - *огил*. Последний имел выход наружу.

Жилище-квартал заселялось одной родовой общиной, которая имела свою родовую мечеть, в прошлом - *алоу-хона*, т.е. мужской клуб-гостиная. В целом, родовой квартал является этнографической параллелью древним общинно-родовым жилищам горных таджиков Ягноба - боми калон[12].

Другим любопытным домом, близкий по организации внутреннего пространства ягнобскому, является архаичный дом А.Абуева в с. Вору в ущелье Кштут, датируемый началом XIX века. Этот дом находится в ущелье Кштут в горном селении Вору, и состоит из основного помещения с прилегающими верандой и кладовой. Веранда закрытого типа с небольшим проходом в передней стене. Через веранду попадают в прихожую, откуда можно попасть в кладовую, очажное отделение-*аловхона* с камином-*мури* и жилую часть - *руи боло*. В прихожей устроено место с поглотительным колодцем – *обрез*. В кладовой-*амбор* имеется ларь-*хамба* для сыпучих продуктов. На стенах *руи боло* устроены ниши хозяйственного назначения. Посредине пола имеется углубление для *санда* - отопительного устройства[13].

Помимо описанных выше архаичных жилищ, в Ягнобе до недавнего времени сохранялись и своеобразные летовки, построенные в середине XX века. Один из этих летовок описан А.С. Давыдовым. Так, летовка Пастихон селения Кансе находится в высокогорной долине Ягноб и она называется «*коза*» или «*дугхона*». Построена из камней с толстыми стенами. По своему устройству копирует очажное отделение ягнобского «*мур*». Пол в жилом помещении представляет сплошную лежанку с небольшим проёмом-входом в передней стене. Прямо у входа вкопан обычный ягнобский очаг-*инкир*. Рядом с помещением пристроен каменный загон для скота - *кутан*. Здесь в летний период проводят время сельчане, выводящих свой скот на выпас за пределы кишлака[14].

Наши исследования подобных летовок в Пенджикентском районе показывают довольно широкое их возведения на летних выпасах в его горных долинах, о чем свидетельствуют фотографии, выполненные доктором исторических наук, директором Музея древностей НАНТ Саидмуродом Бобомуллоевым (рис. 7, 8).

Рис. 7. Пенджикентский район, ущелье Кштут. Летнее жилище жителей Вору. Фото С.Бобомуллоева.

Рис. 8. Горное селение Вору сегодня. Фото С.Бобомуллоева.

Таким образом, заключая нашу статью о вкладе М.С. Андреева в изучении древних жилищ Ягноба, скажем, что это только малая толика его труда, которая мало известна многим специалистам, в частности, историкам архитектуры и искусствоведам. Многие дневники и записи Михаила Степановича до сих пор не опубликованы, а что нам известно из приведенных источников – они обработаны и подготовлены к печати благодаря огромному труду А.К. Писарчик, тоже этнографа, хорошо разбирающаяся в архитектуре жилища. Для нас, историков архитектуры, было бы интересно познакомиться с огромным письменным наследием М.С. Андреева, которое хранится в его фонде в Национальной академии наук Таджикистана.

Литература

1. Буров А.К. Об архитектуре. - М., 1960. - С. 23.
2. Воронина В.Л. Проблемы раннесредневекового города Средней Азии. – Дис...доктора истор. наук. – М., 1960. – С. 509.
3. Андреев М.С. Материалы по этнографии Ягноба (Записи 1927-1928 гг.). - Душанбе: Дониш, 1970. - С. 99-109; Он же. Таджики долины Хуф. Вып.1.- Сталинабад, 1958. - 521 с.; Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана//Соч. т.2, 4.1, ИВЛ.-М., 1963-С 169-433; Воронина В.Л. Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества// Архитектурное наследие. -1957. - № 8. - С. 115-142; Она же. Жилище народов Средней Азии и климат // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. - М.: Наука. – 1982. - С. 48-69; Давыдов А.С. Традиционное жилище таджиков Верхнего Зеравшана // СЭ. – М. - № 6. – 1969. – С. 92-114; Кисляков Н.А. Жилище горных таджиков бассейна р. Хингоу // Советская этнография. - Вып.2. -1939. - С. 149-170; Он же. Некоторые материалы по этнографии таджиков верховьев Кашкадарьи//Памяти М.С. Андреева. – Сталинабад. – 1960. - С. 77-90; Мамадназаров М.Х. Архитектура народного жилища Западного Памира и его современная модификация. – дис...канд. архитектуры. – Л., 1977; Мукимов Р.С. Ис-

куство зодчих Верхнего Зеравшана. – Душанбе: «Контраст», 2010. – 284 с.; Мамаджанова С., Мукимов Р. Энциклопедия памятников средневекового зодчества Таджикистана. – Душанбе: Мерос, 1999. – С. 57-61; Назилов Д.А. Архитектура горных районов Узбекистана. – Автореф. дис... канд. архитектуры. – М., 1976 г.; Писарчик А.К. Припамирские таджики // Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. – М.: 1962. – С. 278-292; С. 675-682; Она же. Жилище // Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе: Дониш, 1970. – С. 19-115; Турсунов Н.О., Джурабаев Д.К. Гостеприимные места в традиционном жилище горожан Худжанда // Проблемы педагогики народов Центральной Азии. – Худжанд, 1996. – С. 133-135; Хамиджанова М.А. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошаемые земли. – Душанбе: Дониш, 1974. – 173 с.; Она же. Жилище таджиков Ягноба // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1982. – С. 226-239; и др.

4. Джураева Н. Роль М.С. Андреева в формировании этнографической науки в Таджикистане. Интернетресурс: cyberleninka.ru (журнал «Муаррих за 2015»).

5. Андреев М.С. Материалы по этнографии Ягноба (записи 1927-1928 гг.). /Подготовка к печати и предисловие А.К. Писарчик. – Душанбе: Дониш, 1970. – 192 с., 30 л. ил.

6. Tajikistan on the Great Silk Route. /Writer by M. Mamadnazarov. – Dushanbe: United Nations Development Programme. – 1999. – 36 s.

7. Кондауров А.Н. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. – М.-Л.: АН СССР, 1940. – 80 с., ил.

8. Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. /Под редакцией А.К. Писарчик и Н.Н. Ершов. – Душанбе: Дониш, 1975. – 197 с., ил.

9. Мамаджанова С., Садыков М. Жилище Ягноба как пример раннесредневековых построек горных районов Северного Таджикистана // Тез. докл. на республ. науч. конференции (секц. техн. наук). – Душанбе: Изд. «Дониш», 1980. – С. 5-6.

10. Мамаджанова С., Мукимов Р. Энциклопедия памятников средневекового зодчества Таджикистана. (Типологические особенности средневекового зодчества Таджикистана). – Душанбе: Мерос, 1993. – С. 52, рис. 55, 56.

11. Мамаджанова С., Мукимов Р. Энциклопедия памятников средневекового зодчества Таджикистана, С. 33, рис. 32.

12. Хамиджанова М.А. Материальная культура матчинцев..., указ. соч. ; Мамаджанова С., Мукимов Р. Энциклопедия памятников средневекового зодчества Таджикистана, с. 32, рис. 10.

13. Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. – Душанбе: Изд. «Дониш», 1973. – С.77; Мамаджанова С., Мукимов Р. Энциклопедия памятников средневекового зодчества Таджикистана, - С. 33-34, рис.

14. Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. – Душанбе: Изд. «Дониш», 1973, с.119-120, рис.75.

Лариса Додхудоева
Душанбе

ДОЛИНА ХУФ В ЗАРИСОВКАХ ХУДОЖНИЦЫ ГАЛИНЫ СТЕПАН

Когда я, в сопровождении проводника, свернув с большой дороги, направился на подъем, ведущей по кручам вверх, то несколько хуфских женщин, собиравших грецкие орехи в садах, располагавшихся у подъема, (дело было осенью), встревоженные подняли крик :-«Куда и зачем вы едите? Ведь наше место святое, туда никто из посторонних не заезжает».

М.С. Андреев [2,42]

**Плакат выставки «Лучше гор могут быть только горы»
Томск. 2015г. Галина Степан на Памире. 2010г.**

(священное место) или как мазары. Ведь там жил Ученый, который прославил их на весь мир![1]

Памир и сегодня привлекает к себе многочисленных паломников, которые отправляются сюда за медитацией, сливаясь с природой и познавая ее не только разумом, но и сердцем. Повышенная энергетика этого необыкновенной силы места притягивает к себе исследователей, туристов, различных мастеров, которые, перефразируя известное выражение русского художника И.Шишкина, могли бы воскликнуть: «Памир — это школа!».

Согласно переписи 1989 года., в Таджикистане в ущелье правого притока Пянджа Хуфдары в деха Хуф и Пастхуф проживает 1,5 тыс. хуфцев.[5] Доступ к долине Хуф, ставшей известной благодаря трудам М.С. Андреева, открыт для каждого. Одним из них стала живописец из России Галина Стэпан, которая с 2007года уже несколько лет подряд приезжает в Горно-Бадахшанскую область(ГБАО) Таджикистана и подолгу живет в разных горных селениях, где преподает детям живопись и рисунок.

Родилась художница в городе Саранске Мордовской Автономной Республики Российской Федерации. Она окончила отделение живописи Рязанского Художественного училища(1963-1967гг.). С 1967 года по настоящее время она является участницей различных Республиканских и Международных выставок. Г. Стэпан была Академическим стипендиатом, имеет диплом Министерства Культуры СССР, медаль Министерства Культуры РСФСР, звание Ветерана Труда. Художница преподавала в детской художественной школе в г. Саранске (1968-1969гг.), работала дизайнером в Рязанском Горторге (1968-69гг.). Сейчас ведет мастер - класс «Этно-портрет» для одаренных детей ГБАО, Таджикистан. (апрель 2007г. по настоящее время).

Несомненно, творчество Г. Стэпан на Памире получило особый импульс, о чем свидетельствуют созданные ею произведения. В ее работах горы, которые всегда особо здесь почитались, представляют собой не только идеальную натуру для воспроизведения, но принадлежат одновременно к материальному миру и духовной сфере. Столь же талантливо она запечатлела портретные черты горянок, напоминающие лики неземных созданий, а также повседневную жизнь края. После мастер-классов в сентябре-октябре 2010 года у нее состоялась персональная выставка в Душанбе, на которой были представлены картины, которые она написала,» вдохновившись Азией».

Художница признается: «Да, на Памире только творить... Как там легко дышится! И как красиво: горы, южная природа, древние горо-

да, восточный колорит. Там нет стен и границ, полная свобода для самореализации. А жители Памира – это удивительные люди с яркими типажами. После завершения проекта «Портреты на Памире» мне стали поступать предложения от институтов антропологии из-за рубежа, которых также беспокоит проблема утраты этничности. За границей понимают значимость сохранения «этно-портрета», но хотелось бы, чтобы об этом задумались на родине». [3]

По сути, художнице в некотором роде удалось переломить сложившийся гендерный баланс в Бадахшане. Профессия живописца у женщин Памира не является престижной в силу отсутствия традиций в данной сфере, интереса к самому изобразительному искусству европейской школы, малознакомой коренным жительницам края. Первой профессиональной художницей Памира является талантливая Умеда Мардихудоева. [4, 142]

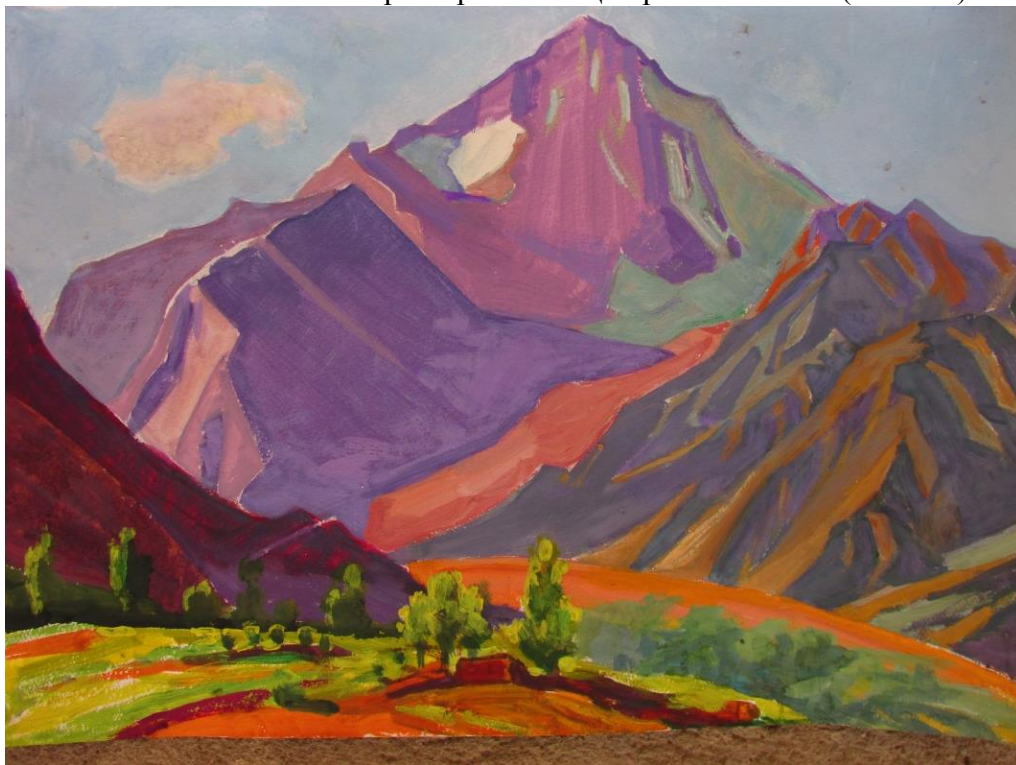
Г. Стэпан привлекла к искусству многих девушек, которых вначале среди ее учеников не было совсем. В 2009 году появилась одна весьма талантливая ученица, а в 2010 году в кишлаке Лангар Ишкашимского района девочек в группе стало даже больше (25 учениц), чем мальчиков.

Г. Стэпан. Хуф. Старый дом. 2023г.

Одна из них затем поступила в Государственный художественный колледж им. М. Олимова. Париса Назарова, уроженка Хорога, стала студенткой факультета архитектуры Таджикского технического университета города Душанбе. Она призналась, что несколько лет обучалась у Галины Стэпан, что намного облегчило ей поступление в вуз.

Творческая поездка художницы в ГБАО, а также проведение мастер-класса и выставки в селе Разудж в 2015 году состоялись при поддержке Общественного фонда САМР Табиат в рамках проекта «Экосистемный подход для адаптации к изменению климата в высокогорных регионах Центральной Азии» (ЭПАИК).

Г. Стэпан. Долина Хуф. 2023г.

Произведения памирских учеников Галины Стэпан, которые при выборе своих стилистических предпочтений, несомненно, следуют за своим наставником, обладают чарующей искренностью, монументальным характером и смелостью художественных решений. Вот имена некоторых молодых и одаренных живописцев Памира: Нуритдин Асадалиев, Асила Нивуз, Довар Озодбек, Гулнура Дуфмангаева, Бахадур Заиров, Марзия и Анзила Далбековы, Масхад, Мухтор Сардор.

Г. Стэпан представила свои произведения и работы своих памирских учеников в России. В сентябре 2015 года в Томске в Доме ученых открылась выставка «Лучше гор могут быть только горы...». Ею были проведены презентации, которые продемонстрировали результаты ее проекта в Таджикистане, познакомили горожан с народным творчеством Бадахшана. [6]

Г. Стэпан. Хуф. Старый дом 2023г. Хозяйственные постройки 2023г.

В 2023г. Г. Стэпан стала художественным руководителем проекта «Одаренные дети» при известном центре народного творчества ОО «Де Па-мири». Помимо обучения детей в различных деха Бадахшана она посетила Хуф и Пастхуф(Паст-Хуф), где сделала немало зарисовок. Несомненно, они вызывают особый интерес, поскольку среди них представлен дом кузнеца Мамадназара, главного информанта М.С. Андреева во время его полевых работ в 1947г. В других зарисовках скорее всего запечатлены, например, хозяйственные постройки, которые весьма напоминают те, что стоят возле дома М.С. Андреева, воспроизведенного в публикации К. Аламшоева. [1]

В этой серии представлены и горные пейзажи, а также жилище хуфцев, которые сохраняют во многом традиции сложившейся здесь строительной культуры. Как отмечал М.С. Андреев, она формировалась здесь в соответствии с укладом жизни, рельефом местности, имеющимися строительными материалами, главным из которых остается, конечно, камень.[2]

Г. Стэпан. Хуф. Дом кузнеца Мамадназара. 2023г.

Словом, Г. Стэпан удалось в своих зарисовках представить материально запечатленную историю жителей Хуфа. Как художницу ее, прежде всего, интересовали живописные виды, иногда даже руины, сохранившие особенный дух времени, свою историческую значимость. В этнокультуре таджиков они остаются священными объектами.

Литература

1. Аламшоев К. Памирские дома русского академика (лонгрид) 9 февраля 2018. : <https://asiaplus.tj/news/tajikistan/society/20180209/pamirskie-doma-russkogo-akademika>

2. Андреев М.С. Таджики долины Хуф (Верховья Амударьи) // Труды АН Тадж ССР. Институт истории, археологии и этнографии. Вып. I. Сталинабад, 1953.

3. Асламшоева М. Известная художница Галина Стэпан учит рисовать сельских детей в ГБАО <https://www.dialog.tj/news/izvestnaya-khudozhnitsa-galina-stepan-uchit-risovat-selskikh-detej-v-gbao>

4. Гуйчиева С. История гендера в культуре Памира. - Душанбе, 2011. - С. 142.

5. Тульский М. Итоги переписи населения Таджикистана 2000 года: национальный, возрастной, половой, семейный и образовательный составы // Демосфен. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». Центр демографии и экологии человека Института Народохозяйственного прогнозирования РАН. № 191-192. 21 февраля - 6 марта 2005г.

6. Jsn_dome : https://artschool1.tomsk.ru/index.php/novosti?template=_pro&start=640

КОМПЛЕКТОВНАИЕ ФОНДОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ УЧЕНЫХ АРХИВА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК И ГОСАРХИВОВ ТАДЖИКИСТАНА

В годы независимости Республики Таджикистан большое внимание стало уделяться развитию архивного дела и пополнению Национального архивного фонда. Государственные архивы республики начали вести работу по сбору документов личного происхождения, являющихся ценным историческим источником [1,52].

Как известно 1 июня 1918 года В.И.Ленин подписал Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела», который заложил основы новой организации архивного дела – Государственного архивного фонда, как совокупности принадлежащих и находящихся в распоряжении государства архивных документов. Но нужно отметить, что в этом декрете не говорилось ни о фондах правительственных учреждений, ни о фондах частновладельческих, усадебных, дворцовых, церковных, монастырских, войсковых частей, об архивах ученых, писателей, художников и т.д. Между тем, эти архивные фонды представляли большое научное и практическое значение, наряду с фондами правительственных учреждений [2,55-56].

Вопрос о частных архивах встал перед советскими архивными учреждениями после победы Великой Октябрьской социалистической революции. 20 января 1919 года в Москве в большом особняке графа С.Д.Шереметьева было создано хранилище частных архивов и других ценнейших документов, которые находились на грани исчезновения. В начале это хранилище не входило в состав секции Единого Государственного архивного фонда (ЕГАФ), и представляло собой учреждение, фактически существовавшее в порядке частной инициативы лиц, непосредственно заинтересованных в охране архивных фондов личного происхождения.

В мае 1919 года от имени Главархива СССР было опубликовано обращение ко всем владельцам семейных, хозяйственных, служебных и другого рода частных архивов с предложением о передаче этих архивов в организованное при Главархиве специальное хранилище частных архивов, где порученные заботам ученых специалистов они будут сохранены для истории. Главархив при этом предлагал свои средства для доставки архивов по Москве и из провинции[3,76].

Уже в первые месяцы существования хранилищ частных архивов сюда поступили ценные фонды, как путем дарения, так и в результате деятельности инспекции Главархива, выезжавшей на места[2,59].

В интересах народа советское правительство проявило исключительную заботу об охране и использовании документальных материалов, собранных в процессе жизни и деятельности ученых, писателей, композиторов, художников и других деятелей науки и культуры. Важнейшим в этом отношении документом явился, подписанный В.И.Лениным, декрет Совета Народных Комиссаров от 29 июня 1919 года, отменяющий все ограничительные для государства условия, на которых были переданы бывшими владельцами в публичные библиотеки и музеи архивы (рукописи, переписки и другие) умерших писателей, художников, композиторов, ученых и других деятелей науки, литературы, искусства и общественной жизни[3,76].

Состав документов личного происхождения характерен типовым и видовым многообразием. В фондах личного происхождения содержатся разнообразные документы: письма, рукописи статей, воспоминания, биографические документы, творческие материалы, фотографии и многие другие личные документы фондообразователя.

В личном фонде указываются фамилия, имя, отчество фондообразователя, его род деятельности или служебное положение. Кроме этого, имеются справочные сведения о личном фонде, которые включают номер фонда, количество единиц хранения, а также крайние даты документов фонда. В аннотации к личному фонду составляются краткие биографические и служебные сведения о фондообразователе, а также даются краткие данные о составе документов фонда.

Собирание личных архивов – это интересное дело, увлекательное и требующее индивидуального подхода по сбору личных фондов, является одним из сложных направлений в системе комплектования и требует от архивистов историко-культурного кругозора[4,40].

Фонды личного происхождения являются важными историческими источниками. Они имеют большое значение для изучения исторических процессов, происходящих в общественной жизни и деятельности людей. Большой интерес представляют фонды личного происхождения деятелей науки и культуры, а также заслуженных людей других отраслей народного хозяйства.

В различных архивных фондах находится группа документов, которым необходимы специальные условия хранения, чем и отличаются фонды личного происхождения [5,206]. Документы личного происхождения поступают от граждан в госархивы безвозмездно, однако личные документы, хранящиеся в госархиве, используются с соблюдением норм авторского права и условий, на которых они переданы владельцем [6,93].

В Национальной академии наук Таджикистана хранится личный фонд А.А.Семенова – выдающегося российского и советского востоковеда, доктора исторических наук, одного из основателей Ташкентского университета, академика АН Таджикской ССР (ныне НАНТ), член-корреспондента АН Уз-

бекистана, первого директора Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Таджикистана.

В целях увековечивания памяти этого известного ученого, в 1959 году по решению правительства республики был образован Музей-квартира А.А.Семёнова, в котором хранится его личная библиотека и огромное количество его рукописей по истории и культуре Средней Азии.

Видный учёный – историк В. Иофе отмечает, что в статье А.А.Семенова, которая была опубликована в Кауфманском сборнике, изданном в Москве 1910 году, было отмечено, что архив Кокандского Кушбеги вместе с библиотекой Худоярхана и его сокровищами был вывезен на сотнях арб из Коканда этим ханом, который направлялся в Ташкент, но в пути на громадный ханский обоз напал небезызвестный в то время Пулатхан и всё было разграблено [7,10].

В 1903 году вышла его книга А.А.Семенова «Этнографические очерки Заравшанских гор, Картегина и Дарваза», за которую в октябре того же года он получил золотую медаль от Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском Университете.

В 1906 А.А.Семенов году был переведен в Ташкент и назначен делопроизводителем канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства, а в июле 1908 года он стал помощником Управляющего канцелярией Туркестанского генерал-губернаторства. В июне 1911 года А.А.Семенов исполняет обязанности дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторстве. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что А.А.Семенов был знатоком в области делопроизводства и архивоведения, о чем свидетельствуют его статьи, написанные на основе архивных источников об истории и культуре Средней Азии, в том числе Туркестанского края.

В августе 1916 года А.А.Семенова назначили исполняющим обязанности помощника военного губернатора и вице губернатора Самаркандской области. В конце апреля 1917 года он стал советником при Российском резиденстве в Бухаре. Дослужив до чина статского советника, он был награжден многими орденами Российской империи и Бухарского эмирата. А.А.Семенов был введен в состав Наблюдательного комитета за ведением дел Туркестанской публичной библиотеки и музея.

В декабре 1944 года А.А.Семёнов был удостоен звания Заслуженного деятеля науки Узбекской ССР, а в феврале 1946 года ему было присвоено звание Заслуженного деятеля науки Таджикской ССР. Семенов А. был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак почета», многими медалями, почетными грамотами Президиумов Верховных Советов Таджикской и Узбекской ССР [8].

Таким образом, автор данной статьи, изучив материалы жизни и деятельности А.А.Семенова, считает, что необходимо создать Каталог личных архивных фондов отечественных и российских историков и других областей

науки в отраслевом архиве Национальной академии наук Республики Таджикистан, внесший большой вклад в развитие науки, а также создать фонд личного происхождения академика А.А.Семёнова в Центральном государственном архиве Республики Таджикистан, с тем, чтобы все желающие могли ознакомиться и изучить научное наследие ученого.

Литература

1. Мирсаидова, Д. История создания личных архивных фондов ЦГА Республики Таджикистан / Д. Мирсаидова, М. Табарова. // Муаррих-Историк. — 2015. — № 3. — С. 52-58.
2. Максаков, В. Архивное дело в первые годы советской власти / В. Максаков — Москва: Пограничник 1959. — 161 с.
3. Сборник декретов, циркуляров. - Вып. 1. М,1921.- С.76.
4. Федотов А. Актуальные вопросы собирания личных фондов. // Отечественные архивы, №5, 2002. - С.-40.
5. Актуальные проблемы архивоведения и источниковедения. // Сборник научных трудов. Часть 1. М,1962. - С.-206.
6. Основные правила работы ведомственных архивов. М,1986, С.- 93.
7. Иофе В. История архивного дела в Средней Азии, Узбекистане и основные архивы современного Узбекистана. – Ташкент, 2009. - С.10
8. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D1%91%D0%BD%D0%BE%D0%B2,%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87#%D0%91%D0%B8%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%8F

*Ба матбаа супорида шуд 11.07.2024.
Барои нашр имзо шуд 12.07.2024.
Чопи офсетӣ. Чузъи чопӣ 16. Андоза 60x84^{1/16}.
Адади нашр 100 нусха. Супориши №90.*

МН «Дониш»

*Муассисаи нашриявӣ «Дониш»-и АМИТ
ш. Душанбе, 734063, кӯчаи Айни, 299/2.*

МН «Дониш»

АСОЛАТИ МИЛЛӢ ДАР ФАРӢАНГИ
ТОӢИКОН